4
М-79

О. Н. Мораховская

КРЕСТЬЯНСКИЙ ДВОР

История названий усадебных участков

Р.Я. Диалектол
Характерист. и геогр. распрост.
диалект. особ.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

88009

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка им. В.В.Виноградова

О. Н. Мораховская

КРЕСТЬЯНСКИЙ ДВОР

История названий усадебных участков

В библиотеку ИРЯЗ РАН
от автора
О. Мораховская

Москва «Наука» 1996

ББК 46.2.2.1.1
М79

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту № 95-06-31857

Ответственный редактор
академик *Д. Н. Шмелев*

Рецензенты:
доктор филологических наук *А.Ф. Журавлев*,
доктор филологических наук *В.Н.Прохорова*

4
М-79

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР
88009

Мораховская О.Н.

М79 Крестьянский двор. История названий усадебных участков. – М.: Наука, 1996. 200 с.
ISBN 5-02-011212-7

Монография посвящена географии названий земельных участков в пределах крестьянского подворья и истории этих названий. Конкретное исследование предваряется рассмотрением некоторых теоретических проблем диалектной лексикологии и лингвистической географии. В работе содержится ряд схем и лингвистических карт.

Для лингвистов, историков, этнографов – аспирантов и студентов, преподавателей вузов и школ, всех интересующихся историей русской деревни.

М $\frac{4602000000\text{-}060}{042(02)\text{-}96}$ 177-96, I полугодие **ББК 46.2.2.1.1**

Morakhovskaya O.N.

Peasant farmstead. The history of the names of farmpacels. – M.: Nauka, 1996. 200 p.
ISBN 5-02-011212-7

The work is devoted to dialect distinction in the names of farmparcels, to distinction in semantic structures of the same words in russian dialects of different regions. The research is prefaced by the consideration of some theoretical problems, such as, the typology of lexico-semantic dialect distinctions, methods of investigation of semantic structure of word. The work is supplied by some schemes and tables.

The book is meant for specialists in language, history, ethnograhpy.

ISBN 5-02-011212-7

© О.Н. Мораховская, 1996
© Издательство "Наука", оформление, 1996
© Российская академия наук, 1996

Вводные замечания

1. Лексика русских диалектов широко изучалась в последние десятилетия. Большинство работ можно отнести к лексикографическому направлению. Их тематика – словарный состав диалектов, объекты лексикографирования в словарях разных типов, а также происхождение отдельных слов и целых тематических групп лексики, источники заимствований, сфера употребления и т.п.

Собственно лингвистическое или структурное направление, тесно связанное как с лексикографическим, так и с другими аспектами исследования лексики диалектов, разрабатывает вопросы системной организации лексики, устанавливает между единицами и группами единиц лексико-семантического уровня парадигматические, синтагматические и эпидигматические отношения, исследует структуру и средства экспрессивно-эмоциональных слоев лексики диалектов.

Социолингвистическое направление исследует проблемы функционирования лексики диалектов в коммуникативных общностях, представленных частными диалектными системами (ЧДС) или диалектными системами, состоящими из небольших совокупностей ЧДС, для которых характерны лишь незначительные диалектные различия. В социолингвистическом направлении используются различные методы, сюда включают и психолингвистические исследования.

Специфику ареального направления составляет широкое применение метода картографирования. Работы этого направления составляют компетенцию лингвогеографии. Предмет картографирования непосредственно связан с уровнем развития науки. На ранних этапах при составлении лингвистических атласов немецкого и французского языков лингвогеографы картографировали преимущественно факты речи [ALF; DSA]*, позднее предметом картографирования стали отдельные слова, группы слов, отражающие какое-то явление фонетики или морфологии, синтаксические конструкции; наконец, предметом картографирования становятся диалектные различия. Структура диалектных различий исследуется в рамках структурного направления.

2. Избирая лингвогеографию лексико-семантических диалектных различий объектом историко-лексикологических исследований, мы

---

* В квадратных скобках даются отсылки к литературе, в круглых – к источникам.

имеем в виду диалектные различия разных типов, разные слои лексики и разные типы словесных знаков, входящих в лексико-семантические диалектные различия. Поэтому есть смысл остановиться прежде всего на вопросах о том, что понимается под диалектным различием, в систему каких понятий оно входит, какая именно типология диалектных различий положена в основу выделения объектов исследования в данной работе, что вкладывается в термины *диалектология*, *лингвогеография*, *картографирование*.

Затем необходимо рассмотреть проблему соотношения синхронии и диахронии и определить, что в структуре диалектных различий может быть использовано для постановки и решения вопросов исторического характера, каковы приемы, применяемые при исторической реконструкции.

Далее, надо остановиться на лексикологических обоснованиях такого выделения предмета исследования и на характере самого конкретного материала – того, на котором строится лингвистическая карта в сравнении с историческими и словарными материалами, которые в разной степени могут быть привлечены при решении конкретных вопросов истории слов и отношений между словами; на специфике карты как основного источника нашего исследования. Большинство перечисленных вопросов недостаточно разработано и не имеет пока общепринятых решений.

Часть I

Формирование основных понятий теории диалектного различия

1. Терминологическое словосочетание *диалектное различие* введено в науку в связи с разработкой методологических установок лингвогеографии на основе системного подхода к языку. На русском материале теория диалектного различия как структурного элемента диалектного языка разработана Р.И. Аванесовым [1957], и позднее коллективом авторов при его участии и под его руководством [ВТЛГ, 1962][1]. В науку о диалектах вошли в основном те термины, которыми Р.И. Аванесов обозначил сформулированные им понятия в этой последней работе. Однако сами понятия фактически введены в научный обиход уже при подготовке "Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка" [1947] (что имело место в конце 30-х – начале 40-х гг.) и внедрялись в практику составления карт при подготовке как "Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы" (Вост.) так и всех последующих региональных атласов (С.-Зап., С., Зап., Ю.). В процессе работы над картами общие представления о диалектных различиях, разработанные Р.И. Аванесовым первоначально главным образом на фонологическом материале [Аванесов 1947; 1949], развивались и конкретизировались, поэтому, с одной стороны, уже во вступительных статьях к изданному атласу [Аванесов, 1957] сформулированы основные признаки, по которым в дальнейшем разрабатывалась типология диалектных различий [ВТЛГ 1962]; с другой стороны, Р.И. Аванесов, ставя вопрос о необходимости более широкого привлечения материала

---

[1] Еще гораздо раньше, в "Очерках русской диалектологии", Р.И. Аванесов [1949] изложил свое понимание языка как сложной системы: "Современный русский язык в его общенациональной литературной форме и местных наречиях и говорах образует сложную систему, включающую в себя черты общие и частные, черты единства и различий разных степеней диалектного членения. Поэтому диалектные различия по отношению к строю языка представляют собой не только различия в отдельных единичных фактах, но также и различия в некоторых цельных звеньях языковой системы, выступающих на фоне общности ее в остальных звеньях. Понятие диалектного различия, выводимое не изолированно, в отрыве от языковой системы, а исходя из языковой системы, из строя языка в целом является особено плодотворным для диалектологии вообще и лингвистической географии в частности" [3]; см. также [Аванесов, 1947].

для дальнейших исследований в области диалектной лексикологии, уже заостряет внимание на таких "больных" проблемах, как отсутствие должного внимания к лексике, совпадающей с лексикой литературного языка, т.е. порочность дифференциального принципа, необходимость разграничивать языковые явления разных уровней (фонетические и грамматические от собственно лексических).

2. Наряду с терминологическим сочетанием *диалектное различие* Р.И. Аванесов первоначально использовал по отношению к противопоставленным диалектным различиям также словосочетания *соответственная фонема* [Аванесов 1949, 122], *соотносительные лексические элементы* (там же, 221). Впоследствии им были избраны термины *диалектное различие* (в общем значении) и *соответственное явление* (применительно к противопоставленным диалектным различиям). Соотносительные элементы разных диалектных систем стали называться *соотносительными членами диалектных различий* (или *соответственных явлений*). Эта терминология является почти общепринятой, но некоторыми авторами введено терминологическое сочетание *междиалектные соответствия* в значении 'соотносительные члены диалектного различия (соответственного явления)', причем это же словосочетание в единственном числе употребляется в значении 'соответственное явление', что соответствует понятию противопоставленного диалектного различия, т.е. различия, члены которого являются соотносительными элементами разных диалектных систем [ВТЛГ 1962, 66, 67].

Междиалектными соответствиями названы и те признаки, по которым различаются соотносительные члены диалектных различий (там же, 67). Поскольку разграничение всех понятий в ряде случаев оказывается необходимым, терминологическое сочетание *междиалектное соответствие* не может заменить термины, разграничивающие их (*диалектное различие*, его *соотносительные члены, различительные признаки соотносительных членов*), а может употребляться лишь в более общем значении. Таким образом, если мы употребляем это словосочетание, то имеем в виду одно из конкретных отношений, которое мы в этом случае рассматриваем.

Типология диалектных различий любого уровня строится в первую очередь на понятиях противопоставленности – непротивопоставленности, одночленности, двучленности и многочленности, однопланности – многопланности, структурности – субстанциальности. Последние, по терминологии ВТЛГ [1962], обозначаются иначе: различия *простые* и *сложные*. Простыми являются различия между единичными соотносительными элементами разных диалектных систем, сложными – различия в отношениях между элементами в ЧДС.

В типологии диалектных различий разных уровней есть своя специфика, связанная с характером составляющих их языковых единиц, с их функциями, с количеством. Выявляется эта специфика не сразу, по мере накопления материала и его постоянного переосмысления.

Исследование межсистемных отношений на таком сложном и часто

обращенном непосредственно к внеязыковой действительности языковом материале, каким являются единицы лексико-семантического уровня, проведенное хотя и не в объеме всего диалектного языка, но с позиций национального языка, т.е. системы более высокого уровня абстракции, требует общего обоснования. Поэтому представляется целесообразным сформулировать основные положения общего характера, касающиеся предмета и методов лингвогеографии, аспектов описательной диалектологии, соотношения описательных и исторических исследований – синхронии и диахронии – в связи с системным подходом в диалектологии, и некоторые другие – в порядке общих обоснований постановки темы и тех методик, которыми осуществлялось исследование.

Лингвистическая география и метод картографирования

1. В.М. Жирмунский определял лингвистическую географию или диалектографию как "раздел диалектологии, изучающий географическое распространение диалектных признаков и их границы", характеризуя ее как результат работы над составлением "больших национальных диалектологических атласов" [Жирмунский 1955, 3]. Несколько позднее Жирмунский обосновывает необходимость составления диалектологического атласа тюркских языков, т.е. признает целесообразность распространения методов лингвогеографии на родственные языки [Жирмунский 1976].

К этому времени уже развернулась работа над общеславянским лингвистическим атласом, идея которого была сформулирована еще в Тезисах Пражского лингвистического кружка [TCLP, 1929], начиналась работа над атласами других родственных языков, а также и картографирование языков неродственных. Таким образом, учитывая, что задачи картографирования выходят за пределы отдельных национальных языков, можно принять данное Д.И. Эдельман [1968] определение лингвистической географии как раздела языкознания, изучающего географическое распространение структурных признаков языков и диалектов и их взаиморазмещение.

2. Предлагая установить различия между лингвистической географией и диалектологией, М.А. Бородина [1966; 1980] видит признаки, различающие эти две дисциплины, в источниках, методах и целях исследования диалектов – с добавлением ареалогии как особой дисциплины. Однако разграничение по этим признакам сужает компетенцию как одной, так и другой науки, причем достаточной четкости в их разграничении не достигается.

Представляется необходимым сделать акцент на другом: диалектология в отличие от лингвогеографии – это наука о диалектах одного языка (хотя между родственными языками не всегда бывают четкие границы, возможны маргинальные ареалы, для которых вопрос о

языковой принадлежности диалектов решается порой с большим трудом).

Диалектология изучает диалекты в трех аспектах: структурном или собственно лингвистическом, территориальном и социолингвистическом. Собственно лингвистический аспект в принципе независим от территориального, так как может разрабатываться непосредственно на конкретном материале и даже в полевых условиях[2].

Территориальный аспект, составляющий компетенцию лингвистической географии, непосредственно зависит от того, какова изученность диалектов в собственно лингвистическом и социолингвистическом аспектах, как собран материал ("сеть" обследования, тип вопросника, выбор информантов, методика наблюдения), как он интерпретирован.

Социолингвистический аспект также зависит от степени изученности диалектов в собственно лингвистическом (структурном) аспекте, поскольку этот последний занимается описанием самих единиц языка и устанавливает системные отношения между ними. Социолингвистический аспект освещает различные трансформации в составе единиц языка, в их системных отношениях и в функционировании и устанавливает их причины, разграничивая внутриязыковые (разную проницаемость различных звеньев системы) и такие, которые обусловлены внеязыковыми, социальными обстоятельствами [Филин 1949; Баранникова 1967]. Поэтому надо учитывать сложную зависимость структурного аспекта от социолингвистического, не всегда лежащую на поверхности явлений.

Социолингвистический аспект имеет своим предметом речь носителей диалектов, которую исследователь может изучать непосредственно, имея в виду языковую ситуацию в условиях влияния литературного языка и инодиалектных соседей (различия в речи представителей разных поколений в пределах одной семьи; различия в речи одного индивида в зависимости от внеязыковой ситуации – в семье, в компании сверстников, относящихся к тому же производственному коллективу – звену, бригаде, колхозу; на собрании; в городе или с приезжим из города), учитывая при этом различную индивидуальную восприимчивость к языковому влиянию, склонность к изменению своей речи по престижным образцам. Социолингвистический аспект предполагает специальные наблюдения, особую методику сбора материала, расширение круга информантов, ситуаций речевой деятельности и особые методы исследования [Коготкова 1977; Герд 1984] (см. также [Ухмылина 1967; Сахарный, Орлова 1969; Кошелева 1970; Грузберг

---

[2] Практически он оказывается в большой зависимости от территориального аспекта: от организации обследований для лингвогеограф:ческих работ, от полноты собираемого материала и т.д.; анализ материала с целью последующего картографирования также может оказать решающее влияние на разработанность структурного аспекта. Для лексико-семантического уровня особое значение имеет и само картографирование, дающее возможность сопоставления названий с признаками реалий, которое позволяет уточнять значения слов (см. ниже).

1966] и др.). Он представляет самостоятельный круг проблем, которые в данной работе не затрагиваются: хотя исследование осуществлялось с учетом внешних, социальных факторов, но это ограничено обращением к истории, археологии и этнографии. В описательных разделах структура диалектных различий исследуется в непосредственной связи с территориальным аспектом. Последний составляет компетенцию лингвогеографии.

Основной метод, которым пользуется лингвистическая география – картографирование, но это – не единственный метод. Лингвистическая география прибегает и к методу описания, давая словесную характеристику структурных элементов диалектных различий, лингвистического ландшафта той или иной территории. Пользуется она и методом схематического показа, когда графическое изображение не привязано к "реальной" территории (как она моделируется на географической карте), а передано лишь взаимным размещением членов диалектного различия на условном пространстве [Жирмунский 1976] – со ссылкой на [Самойлович 1922; Чайкина 1987; Судаков 1988; Толстой 1969]. Метод картографирования является основным, поскольку он обеспечивает наглядность и дает возможность сопоставлений ареалов лингвистических и внелингвистических явлений.

3. Отмечая в качестве одного из характерных недостатков зарубежной лингвогеографии то, что "изолированное рассмотрение языковых явлений по изоглоссам перерастало здесь из методики в методологию – происходила своеобразная фетишизация изоглосс", В.М. Жирмунский [1954, 3] неоднократно формулировал в качестве задачи, стоящей перед диалектологами, задачу преодоления атомистического подхода. "Атомизация языковых явлений на картах зарубежных диалектологических атласов, – писал он, – обычно определяет и дальнейшую методику основанных на материале этих атласов исследований по исторической диалектологии: диалектограф изолирует отдельные единичные явления фонетики, грамматики или лексики, пользуясь ими как дифференциальными признаками, вне их связи с фонетической или грамматической системой в целом" [там же, с. 4]. Действительно, характерной чертой лингвогеографии является то, что изолированное рассмотрение языковых явлений должно обязательно предшествовать обобщению данных отдельных карт в общее представление о лингвистическом ландшафте. Такая необходимая расчлененность, фрагментарность объекта, внимание к отдельным элементам не обязательно связаны с атомистическим подходом. Они являются следствием большой сложности и невозможности охватить объект в целом без предварительных разысканий по частям. Именно поэтому в основе системного подхода в отечественной лингвогеографии лежит теория диалектного различия, разработанная в основном на русском диалектном материале.

Системный подход в аспекте синхронии и диахронии

1. Как уже говорилось, системный подход к диалектам основан на понимании национального языка как сложной системы, включающей в свой состав литературный язык, диалекты (диалектный язык) и еще некоторые подсистемы, в том числе различные промежуточные формы. Под диалектным языком понимается не просто совокупность диалектов, а своего рода сложная иерархия единиц диалектного членения (понимаемого здесь в структурном плане); в каждой такой единице сочетание общих и различительных элементов обусловлено местом данной единицы диалектного членения в этой иерархии[3]. Понятие, обозначаемое термином *диалектный язык*, представляет научную абстракцию, а само это сочетание входит в терминологическую систему теории диалектного различия[4]. В основе этой теории лежит понимание языка как системы, в которой можно выделить разные уровни. Диалектные различия устанавливаются по совокупности вполне конкретных языковых единиц – различительных элементов в сопоставимых звеньях языковой системы. На этом основано взаимопонимание носителей разных подсистем – диалектов и ЧДС.

2. В.М. Жирмунский, обобщивший в своих исследованиях огромный материал по германским языкам, в том числе и материалы DSA, и создавший капитальные труды, высоко оцененные у нас и за рубежом, во всех своих работах руководствовался постулатом обязательной связи синхронического и диахронического исследования: "Рассмотрение системы языка не как статического синхронного среза противопоставлений на плоскости, а как системы, находящейся в движении и развитии, в целом и в отдельных частях" [Жирмунский 1967, 25]. Против этого постулата в принципе трудно возразить. Он присутствует у многих исследователей если не как принцип, реализованный в конкретном исследовании, то как теоретически правильный и лишь с определенной целью сознательно игнорируемый подход. Цель такого игнорирования состоит в том, что системные отношения во многих случаях приходится устанавливать на основании многообразия речевых фактов, которые должны быть квалифицированы в их отношении к системе. Разные ученые по-разному обосновывали такой исследовательский прием. Например, Л.В. Щерба [1945], связывая недооценку роли синхронической лингвистики с недооценкой роли грамматики и словаря в речевой деятельности и предполагая, что такая недооценка зависит от недостаточно четкого отграничения описательной грамматики от

---

[3] В зарубежной лингвистике принят сейчас термин диасистема, относящийся к понятию любых совокупностей диалектных и языковых систем при условии их инвентарно выраженного в современном состоянии генетического родства [Wolf 1975; Heger 1979].

[4] Вряд ли можно согласиться с Ф.П. Филиным [Филин 1981], предлагающим заменить термин *диалектный язык* как неудачный словосочетанием типа *диалектная речь*: последнее нетерминологично и не содержит никаких указаний на системный подход к диалектам (см. подробнее [Мораховская 1984]).

грамматики нормативной, в которой язык часто представляется в окаменелом виде, подчеркивает, что сама сущность языка, его изменчивость, постоянное наличие в нем наряду с элементами устойчивыми устаревающих и нарождающихся элементов требуют от описательной и даже от нормативной грамматики объективного отражения языковой системы со всеми ее подвижными элементами. Р.И. Аванесов, строя модель макросистемы диалектного языка в пространстве и во времени и выключая при этом поочередно один из этих факторов для выявления понятий синхронического и диахронического тождества, очень четко оговаривает искусственность таких приемов, подчеркивая одновременно, что "в любом обществе сосуществуют и объединяются в совместной деятельности представители нескольких поколений – носители разных микросистем, и потому диахронические по происхождению различия в этих микросистемах оказываются противопоставленными в своем сосуществовании и должны быть осмыслены с синхронической точки зрения" [Аванесов 1963, 298]. Подобные высказывания имеются у многих исследователей независимо от того, каковы их основные научные интересы и методы, которыми они изучают язык [О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1960]. Тем не менее, если речь идет об установлении системных отношений (на каком бы уровне языка они ни изучались), часто оказывается необходимым абстрагироваться от диахронических проблем и описать эти отношения применительно к определенному состоянию, которое условно принимается за синхронное. П.С. Кузнецов, [там же], высказываясь не только за разграничение синхронии и диахронии, но за их отрыв, также хорошо понимает искусственность этого приема: для того, чтобы изучить что-нибудь, нужно строго отчленить то, что мы изучаем, а уж потом связывать.

3. Разграничение синхронии и диахронии, описательного и исторического подходов к фактам лексико-семантического уровня вызывало долгое время особые затруднения, так как сама системность лексики ставилась под сомнение.

Различия в отношениях между словами исследовались уже Жильероном. При картографировании в Лингвистическом атласе Франции [ALF] учитывалось неполное совпадение значений у слов, приводимых в качестве ответов на отдельные вопросы, если речь шла о двух разновидностях предмета (например, названия метелки из вереска и метелки из перьев; сосуда одной и той же формы, но из разных материалов и т.п.). Основное внимание Жильерона-исследователя обращалось, однако, на другие факты: на возможные изменения и замены одних слов другими в связи с фонетическими изменениями, совпадением или слишком большим сближением звуковых форм слов, подвергшихся таким изменениям, со звуковыми формами слов, имеющих совершенно другие значения ("омонимические столкновения"). Наблюдения и разыскания Жильерона позволили ему вскрыть и некоторые другие механизмы лексико-семантических изменений (исследования Жильерона о названиях пчелы, петуха и др. – [Dauzat 1922]), что использовалось им

для исторической интерпретации карт. Однако внимание к различиям в отношениях между словами не повлекло за собой на первых порах изучения роли этих отношений в диалектных различиях, в самой их структуре, тогда как механизмы изменений слов и их значений много и плодотворно изучались и изучаются последователями Жильерона в историческом аспекте – с привлечением исторических материалов ([Jud1917; Jaberg 1926] и мн. др.), а также отечественными исследователями (см. [АИЯЭ 1974; ПКЯЭ 1977].

Уже очень давно в науке поставлена проблема слова и вещи, но решалась она очень по-разному и до сих пор еще нуждается в той стадии разработки, о которой Г. Шухардт говорил как об "установлении максимального количества относящихся сюда фактов" [1950, 208]. Шухардт хорошо представлял те изменения в отношениях слов и вещей, которые являются следствием как изменения вещей, так и собственно языковых изменений. Но пытаться представить различия в отношениях слов, называющих одни и те же вещи, в разных языках (и диалектах) как системные отношения было, видимо, еще преждевременно: системный подход еще не распространился на лексику.

С середины XX в., когда уже был накоплен большой лексико-этнографический материал, по материалам атласов стали изучаться отношения между словами и вариантами слов. Появилась необходимость более тщательно исследовать структуру диалектных различий в тех случаях, когда в разных диалектных (языковых) системах одно и то же слово вступает в неодинаковые отношения с другими словами. Например, наблюдения за усложнением взаимоотношений между словами в зонах интерференции позволяют некоторым исследователям делать определенные выводы о дублетности синонимии (как таковой в отличие от междиалектных отношений, подобных синонимии – [Баранникова 1962; Goossens 1969], о полисемии, о лексических полях [Goossens там же]. Эти выводы основаны на лингвогеографических данных: Л.И. Баранникова использовала карты "Атласа русских говоров центральных областей к востоку от Москвы" (Вост., 1957); Я.Гооссенс изучал эти отношения на материале названий некоторых растений, некоторых деталей сельскохозяйственных орудий, понятий, связанных с обработкой земли, в некоторых германских языках, что показано на ряде карт в его книгах [Goossens 1969; 1977]. О.И. Блинова [1973] в обобщающей работе, посвященной разным проблемам диалектной лексикологии, рассматривает типологию диалектных различий, отталкиваясь от тех положений, которые были выработаны ранее при составлении диалектологических атласов русского языка. Диалектные различия "на уровне фрагментов микросистем", т.е. в отношениях между словами, рассматриваются в этой книге на примерах, исследованных О.И. Блиновой, Ф.П. Филиным, И.А. Оссовецким, В.Е. Гольдиным.

4. В нашей работе синхронный подход при полном выключении диахронических отношений необходим тогда, когда устанавливаются системные отношения прежде всего в разделах, посвященных струк-

туре диалектного различия. Делаются попытки построить *максимальную модель членения* соответствующего *семантического пространства* – модель его наибольшей расчлененности для исследуемого диалектного континуума, т.е. для картографируемой территории. Такие модели у других авторов получили название *опорной модели* или *модели – эталона семантического микрополя* [Толстой 1963; Клепикова 1968]; в несколько ином понимании – [Гольдин 1967б]. На фонологическом материале они были впервые разработаны и обозначены как *максимальная система* [Аванесов 1947], на морфологическом материале был принят термин *язык – эталон* и в качестве наиболее приемлемой избрана *максимальная система* как эталон для сопоставительного описания морфологии русских говоров [Бромлей, Булатова 1965].

Избранное нами обозначение представляется наиболее простым, так как в нем сразу раскрывается суть предлагаемого построения. Полезно ввести и понятие, обозначаемое как *минимальная модель членения семантического пространства* [Холодович 1963]. Если, например, максимальная модель членения семантического пространства 'подполье и ход в него' будет состоять из понятий всех видов подполья, всех видов хода в него и всех предметов, закрывающих этот ход, при условии, что эти виды в говорах различаются отдельными названиями, то минимальной будет модель, в которой при наличии таких же видов подполья, хода в него и предметов, закрывающих ход, большинство этих деталей специального обозначения не получают, а называются одним словом, тем же, что и подполье. Минимальную модель характеризует нерасчлененность (специальными лексическими средствами) или минимальная расчлененность того же семантического пространства. По нашим диалектным материалам минимальная модель устанавливается с гораздо меньшей достоверностью, так как трудно определить, когда ответ действительно отражает отсутствие специальных наименований, а когда просто содержит недостаточные сведения.

5. Одной из задач исследования является выяснение того, в каком смысле можно считать карту, посвященную диалектному различию лексико-семантического уровня, одним из основных источников изучения истории слов, входящих в диалектное различие. Понимание диахронии в синхронии не только как наличия в языке подвижных элементов, архаизмов и инноваций, но и как таких отношений между членами диалектных различий, когда одни представляют более ранние, а другие – более поздние стадии развития определенного звена языковой системы (системы диалектного языка) [Аванесов 1947] – таковы важнейшие теоретические предпосылки этой возможности: синхроническое тождество членов диалектного различия может быть диахроническим различием, а диахроническое тождество предстает в структуре диалектного языка как синхроническое различие [Аванесов 1963]. Именно с этих позиций были рассмотрены значения слов *курень*, образовавшие в русском языке многочленное и многопланное диалектное различие плана содержания [Мораховская 1975].

Большой интерес представляют для исторической лексикологии диалектные различия в "наборах" однокоренных, а также наличие образований от разных вариантов корня (или основы). Такие диалектные различия не были в достаточной мере изучены раньше и не могут быть исследованы по-настоящему, т.е. с учетом всех деривационных связей в пределах ЧДС, поскольку работа по собиранию массового сопоставимого материала для изучения словообразовательных гнезд фактически только начинается.

В данной работе использованы в основном те возможности, которые заложены в материалах Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ): однокоренные извлечены из разных тематически связанных вопросов и потому не столько отражают деривационные отношения в диалектных системах, сколько семантическую вариантность отдельных слов. Но уже и в таком ограниченном объеме материал позволяет исследователю сделать некоторые интересные наблюдения. Ранее нами была проанализирована группа слов, однокоренных со словом *изба*. Диалектное различие, образуемое словами с разными вариантами этого корня, особенно ярко иллюстрирует то понимание диахронии в синхронии, при котором члены диалектного различия представляют разновременные образования, позволяющие определенным образом интерпретировать лингвистическую карту [Мораховская 1977]. Здесь рассмотрены группы однокоренных с корнями *-двор-*, *-город-*, *-сад-/-сед-* и другими в значениях, связанных с крестьянской усадьбой. Эти группы представлены в основном словами, характеризующими формирование собственно русской лексики в процессе образования русского языка в региональных и социальных подсистемах.

6. Особенностью данной работы является попытка осуществить комплексный подход – проследить историю слов в связи с историей объектов наименования. Совершенно очевидно, что проследить причины изменения значений слов, служащих для обозначения конкретных понятий, невозможно, не зная истории самих объектов наименования. Между тем, существует традиция ограничиваться в лингвистическом исследовании лишь рассмотрением данных языка – анализом текстов. Для историка текст памятников – лишь один из источников, по которому восстанавливается и история производительных сил, и история производственных отношений, и история развития общественной мысли и т.д. Но и лингвист, исследующий историю слов, относящихся к предметной лексике, не может обойтись без обращения к внеязыковой сфере других свидетельств об истории объектов наименования.

Особенностью данной работы является также то, что в исследовании, построенном, главным образом, на материале диалектологических атласов и с применением лингвогеографических методов, большое внимание уделяется истории слов, имеющих ограниченную территорию распространения и входящих в диалектное различие, но в словарях литературного языка приводимых без указания на их областную принадлежность. Мы сознательно переключаем внимание на ту лексику, которая в известном смысле считается общерусской, и предла-

гаем учитывать данные лингвистических карт, отражающих вариативность значений в говорах (частично обусловленную этнографическими различиями), при определении значений слов в памятниках письменности и на основании контекстов произведений русского литературного языка XIX–XX вв. Представляется необходимым исходить из возможных различий в значениях этих слов, связанных с личностью авторов – уроженцев разных областей, сохранивших соответствующие навыки употребления таких слов в диалектных значениях, часто в связи с местной этнографией. Вслед за С.И. Котковым [1970] в данной работе используются факты употребления исследуемых слов в произведениях авторов XVIII–XX вв. с целью уяснения истории этих слов в соответствующих жанрах литературного языка, в разговорной речи и в народных говорах.

Типология лексико-семантических диалектных различий

Типологии диалектных различий лексико-семантического уровня посвящена отдельная статья автора [Мораховская 1988]. Здесь необходимо напомнить основные принципы этой типологии.

1. Обилие лексических единиц, составляющих большинство лексико-семантических диалектных различий, наличие самых разнообразных комбинаций признаков, по которым соотносятся члены диалектных различий – вот те естественные трудности, из-за которых общая типология лексико-семантических диалектных различий, разработанная Р.И. Аванесовым и Л.П. Жуковской, производит впечатление громоздкой и противоречивой [ВТЛГ 1962], а рассмотрение диалектных различий в двух отдельных группах – на уровне слова и на уровне фрагментов микросистем [Блинова 1973; 1984] – как бы исключающим из поля зрения исследователя все те простые различия, в которых комбинируются разные признаки, соотносящие между собой лексические единицы разных диалектных систем. Чтобы избежать этих недостатков, мы и вычленяем из типологии диалектных различий лексико-семантического уровня, с одной стороны, типологию признаков, по которым соотносятся отдельные слова и варианты одного слова, а с другой – общую типологию диалектных различий. Такие критерии, как противопоставленность–непротивопоставленность, одночленность, двучленность и многочленность, однопланность–многопланность, простота (линейность, субстанциальность)–сложность (структурность, различие в отношениях между языковыми единицами) являются теми общими признаками, на которых строится типология диалектных различий любого уровня, хотя не для всех уровней каждый из этих признаков актуален.

Основные типы диалектных различий лексико-семантического уровня это 1) диалектные различия плана выражения или лексические ДР; и 2) диалектные различия плана содержания или семантические ДР. Вы-

деляют также лексико-этнографические (лексико-внеязыковые) различия. Эти основные типы обусловлены двухсторонней природой слова как языкового знака, представляющего собой единицу наименования.

Соотносительность членов лексического ДР основана на тождестве значения составляющих его слов; соотносительность членов семантического ДР основана на тождестве звуковой формы слова (и ее вариантов, не нарушающих его синхронического тождества).

Лексико-внеязыковые различия отличаются от собственно лексических тем, что в них не наблюдается соотносительности, так как нет полного тождества объектов наименования, представленных в разных ареалах. Но различия этих объектов таковы, что допускают сопоставление членов лексико-этнографического или вообще лексико-внеязыкового различия (их называют также смешанными лексическими диалектными явлениями – [ВТЛГ 1962, 155]), как, например, названия построек для сушки снопов, имеющих значительные различия в устройстве, причем как правило определенному устройству соответствуют только вполне определенные слова и их варианты.

Таким образом, членами основных лексико-семантических ДР являются лексические единицы – слова и варианты слов. А те признаки, по которым они различаются, являются лишь "строительным материалом" членов лексических и семантических ДР.

Типология этих признаков общеизвестна. Членами лексических ДР являются разные слова или формальные варианты одного слова. Разными словами являются члены, представленные лексическими единицами с разными корневыми морфемами. Разными словами считаем и однокоренные с суффиксами, далекими по фонемному составу. Принимаем критерии, на основании которых исследователи словообразования рассматривают близкие по звуковому составу (50% и более общих элементов) аффиксальные морфемы как варианты одной морфемы, если этому не противоречит их семантика [Лопатин 1977, 263 и сл.]. Тот же критерий может быть применен и при определении тождества лексических единиц. Вариантами являются лексические единицы, различающиеся словесным ударением или фонемным составом, дистрибуцией фонем. При любом формальном варьировании различие фонемного состава не должно превышать 50%, иначе лексические единицы перестают восприниматься как варианты одного слова, наступает распад тождества. Вариантами являются и лексические единицы, различающиеся только по грамматической характеристике (в пределах одной части речи).

З.М. Богословская [1984], исследовавшая вариантность на материале ЧДС, принимает в качестве основных критериев формального варьирования слова полную идентичность семантики, т.е. совпадение денотативных и эмоционально-экспрессивных компонентов значения, и незначительность формальных различий сопоставляемых единиц, однако, кроме этих основных критериев учитываются и фактически в ряде случаев именно для однокоренных становятся решающими еще

два критерия: регулярность образования в языковой системе и функция уточнения. Поскольку функция уточнения свойственна и полным и неполным синонимам, вряд ли она может быть таким критерием, которым определяется именно отношение вариантности. Что касается регулярности образований (критерий, по которому выделяются не варианты, а вариантоиды), то для частной диалектной системы этот критерий, видимо, действительно играет существенную роль (случаи типа *подпорка – подпорина, заметка – заметина*). Для рассматриваемых нами отношений в составе диалектных различий плана выражения несомненными критериями можно пока считать только первые два – идентичность семантики и незначительность формальных различий[5].

Членами семантических ДР являются разные значения одного слова или слова-омонимы. По терминологии Ф.П. Филина, членами таких различий являются семантические диалектизмы (хотя в их состав входят и значения недиалектные). Различительные признаки плана содержания – семы и семемы. Это и отдельные компоненты и микрокомпоненты значения и самые различные их совокупности. Поэтому члены семантических ДР, кроме чисто предметных семантических признаков, по которым различаются номинативные значения, могут различаться по типам лексических значений (собственно номинативное, предикативно-характеризующее, фразеологически связанное), по принадлежности к разным типам языковых знаков (например, к аппелятивам и топонимам), по наличию у слова одного или нескольких значений. Поэтому конкретное исследование таких ДР представляет порой большие трудности.

2. Как уже говорилось, общая типология диалектных различий классифицирует их по признакам непротивопоставленности–противопоставленности, одночленности–(двучленности) многочленности, однопланности–многопланности, простоты–сложности. Для лексико-семантических диалектных различий все эти признаки актуализуются в реальных структурах и в самых разнообразных сочетаниях.

1) Весьма актуален признак непротивопоставленности–противопоставленности. Подавляющее большинство диалектных различий лексико-семантического уровня – противопоставленные, но в сложных диалектных различиях, как будет показано ниже, могут обнаруживаться многочисленные элементы непротивопоставленности. Непротивопоставленными называются такие диалектные различия, которые не имеют соотносительных членов в какой-то части диалектов языка.

а) Для лексико-семантического уровня речь идет в первую очередь о наличии специального наименования какого-либо повсеместно распространенного явления на одной части территории и его отсутствии на другой. Например, в части русских говоров, преимущественно на

[5] Проблемам формального варьирования в диалектах посвящена большая литература ([Соколов 1968; Лукьянова 1970; Блинова 1973] и др.)

www.rustang.ru
БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В.В. ВИНОГРАДОВА
БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

северо-западе, существуют глаголы *дождять, дождяться, дождевиться*, которые употребляются, кроме инфинитива, в безличной форме наст. и прош. вр.: *дождит* и *дождяет, дождяло* и т.п. Глаголы эти означают явление природы, которое в большинстве русских говоров обозначается не безличным глаголом, а существительным того же корня в функции подлежащего субъекта действия с глаголом в личной форме в качестве сказуемого: *дождь идет, льет, прошел, моросит*... Таким образом, на лексико-семантическом уровне глагольный способ наименования данного явления природы в большинстве русских говоров (как и в литературном языке) не находит соответствия, в чем и проявляется непротивопоставленность диалектного различия. Известны и такие случаи, когда непротивопоставленные для всей территории русского языка диалектные различия являются противопоставленными там, где существует специальное наименование повсеместно распространенного объекта. Например, пространство между потолком и крышей крестьянской избы на большей части территории русских говоров имеет специальные названия, как и в литературном языке. Очень широко распространено в южнорусских и части среднерусских говоров, кроме западной зоны, название *потолок* (один из семантических вариантов слова, так как другой вариант тоже есть и означает то же, что в литературном языке: 'внутреннее покрытие верхней части жилого помещения').

б) На севере бытует большое количество названий этого пространства, т.е. имеет место многочленное различие: распространены варианты *пóтолок / потолóка, пóдволока / подволóка*, названия с корнями *-изб-/-истоб-, -истоп-, -гор-*, слова *вышка, верх/верёх, сушило, понебье* и др.

в) Многочленность сопровождается многопланностью, которую образуют противопоставления слов разных корней, объединения слов разных корней с одной и той же приставкой (*подволока* и *подызбица* по этому признаку объединены и создают противопоставление остальным словам с корнем *-изб- – наизбица, надызбица, избица, избеница*), параллельные варианты по признакам ударения (*потолóк : пóтолок и подволóк : пóдволок, потолóка и подволóка : пóдволока*). Способы номинации тоже создают планы противопоставлений (*верх/верёх : вышка : гора : горище и под; столя/столь*, связанное, вероятно, со *стелить и накат*). За пределами территории, где распространены специальные названия, соответствующее понятие чаще всего передается предложно-падежными сочетаниями *на потолке, на потолок, на избе, на избу, на хате..., на столе*... вполне заменяющими в быту специальное наименование.

2) Мы рассмотрели непротивопоставленные диалектные различия плана выражения, т.е. собственно лексические различия, но, повидимому: а) непротивопоставленными следует считать и те семантические диалектные различия (различия плана содержания), в которых наблюдается ограниченное распространение слова (таковы, например, слова *кут/куть, кербь, слетье, гай, ляда и лядина, выть* и др.);

б) большинство таких слов составляет многочленные диалектные различия, в которых в) тоже вычленяются разные планы противопоставлений. Члены таких диалектных различий тоже могут соотноситься не только, как разные значения одного слова, они могут представлять и разные слова при тождестве звуковых форм. Например, большинство значений слова *ляда* связано с природными объектами, такими, как болото, лес, кустарник, луг и т.п., в некоторых южнорусских говорах звуковой форме *ляда* соответствует значение 'дверца на чердак или в подвал, погреб'. Там слово *ляда* имеет совсем другое происхождение и выступает, в свою очередь, в ряде конкретных реализаций приведенного значения, т.е. тоже может быть рассмотрено как многозначное. Кроме номинативных значений, связанных с природными объектами отмечена группа значений, характеризующих живые существа: 'худое, изморенное животное', 'хилый человек', 'ленивый человек, животное' и под., т.е. наблюдается предикативно-характеризующий тип значений. Отмечено слово *ляда* и в функции топонима, т.е. налицо признак принадлежности к другому типу языковых знаков. Каждый из рассмотренных случаев создает особый план противопоставлений, не считая тех, которые образуются в известной мере группирующимися номинативными значениями, связанными с природными объектами.

3) Признак многочленности настолько очевиден, что скорее следует уделить внимание возможностям одночленных и двучленных диалектных различий. Не так просто привести пример таких диалектных различий. Классическим считался пример на слово *вёдро*, однако при этом упускалось из вида, что на юге в значении 'хорошая погода' выступает слово *погода*. Правда, на части территории как будто бы нет специальных слов для обозначения хорошей и плохой погоды, слово *погода* соответствует понятию 'состояния атмосферы' и употребляется с определениями *хорошая* и *плохая* (либо с какими-нибудь подобными). Но таким образом оказывается, что слово *вёдро* является одним из элементов сложного диалектного различия, в котором имеются члены, представляющие антонимическое противопоставление с обозначением положительных и отрицательных признаков погоды (*вёдро* : *погода* на севере, *погода* : *непогода* / *незгода* и др. на юге) и член, в котором это противопоставление нейтрализуется, приводя к необходимости описательного выражения. Пример со словом *волна* 'овечья шерсть' тоже оказывается не вполне корректным, так как приходится устанавливать отношения этого слова со словами *вешника*/*вешник*/*весника*/*веснига*/*веснина* и под. (СРНГ) 'овечья шерсть весенней стрижки', *зимнина* 'овечья шерсть зимней стрижки' и т.п., а также *руно* 'овечья шерсть', и в конечном счете оказывается, что следует предполагать участие слова *волна* в сложном диалектном различии, хотя значение его может не совпадать ни с одним из значений других слов. В этом смысле именно это слово как частный элемент диалектного различия оказывается непротивопоставленным, вернее, несоотносимым ни с каким

другим. Такие случаи обычны именно в сложных диалектных различиях.

Двучленные диалектные различия чаще всего представлены фонематическими или акцентологическими вариантами слов типа *высокий : висо́кий, спи́на : спина́*, по крайней мере, они известны как двучленные, но если при этом в каких-то говорах обнаруживается однокоренное наименование или слово другого корня с тем же значением, диалектное различие уже становится многочленным и многопланным, например (*ту́ча:туча́*) : *хма́ра : хма́рина*... Незамкнутость лексики в диалектном языке проявляется особенно ярко, так как отсутствие фиксированной нормы создает условия постоянного пополнения новообразованиями от уже имеющихся корней, словами, утрачивающими внутреннюю форму, и т.д.

4) Сложные ДР бывают двух типов:

а) Усложнения в структуре диалектных различий, связанные с различиями в сегментации языковым сознанием одних и тех же семантических пространств, – явление обычное, хотя во многих случаях оно имеет место на небольших ареалах, иногда даже в единичных диалектных системах. Например, диалектное различие в названиях свеклы состоит из соотносительных членов – названий свеклы любого сорта, но в ряде диалектных систем те же названия дифференцируют свеклу по сортам, например, *бурак/бураки* 'кормовая свекла', *све́кла/свекла́* столовая и/или сахарная или наоборот. Для диалектного различия в названиях картофеля аналогичная дифференциация связана, например, с тем, идет ли речь о растущей картошке или об убранной в подполье, приготовленной на еду и т.п. Таким образом, слова, участвующие в диалектном различии, оказываются членами и семантических диалектных различий, поскольку в разных ЧДС они находятся в неодинаковых отношениях с другими словами, либо являясь единственным наименованием объекта, либо обозначая лишь одну из его разновидностей – в одних говорах одну, в других – другую. Сложные диалектные различия могут быть в отношениях между словами целых лексико-семантических групп, как, например, в описанном нами диалектном различии в наименовании жеребят по периодам, возрасту и полу [Мораховская, 1983][6].

Для лексико-семантического уровня исследование лексики в составе лексико-семантических групп представляет, как считают многие

---

[6] Лексикологи, по-разному трактуют отношения между словами, различающими живые существа по возрасту, по периодам. Слогласно точке зрения Д.Н. Шмелева [1973], здесь, видимо, имеют место отношения комплементарности, т.е. взаимозависимые значения слов (а не мотивирующих основ, в которых скорее можно видеть отношения автономности). По В.Г. Гаку [1976], который различает два типа группирующихся объектов номинации – дискретные или групповые объекты (которым, видимо, могут соответствовать отношения автономности, иногда детерминации) и скалярные объекты (названия которых находятся в отношениях комплементарности) – названия живых существ по периодам и возрастам находятся в отношениях второго типа. По Н.С. Трубецкому [1960] здесь, видимо, представлена градуальная оппозиция.

ученые, один из перспективных путей, хотя само понятие лексико-семантической группы у разных ученых не совпадает (см. ниже). В структуре сложных диалектных различий соотносительные или сопоставимые члены – отношения между словами в частных диалектных системах (ЧДС) могут быть разных типов: синонимии и дублетности, родо-видовые (гипонимии), как в названиях жеребят, типа антонимии, как в обозначениях хорошей и плохой погоды. Сопоставляемые группы слов могут просто по разному членить одно и то же семантическое пространство (в области конкретной лексики – по разному группировать одинаковые наборы объектов). Таким образом, изучение структуры таких диалектных различий представляет процедуру исследования отношений между словами в ЧДС и межсистемных сопоставлений в системе более высокой ступени абстракции – в макросистеме диалектного языка. В этом проявляется преодоление атомистического подхода. Если удается обнаружить связи между диалектными различиями, осознаваемыми как самостоятельные, преодолевается и какой-то элемент фрагментарности. Такой подход я пыталась осуществить в некоторых своих работах [Мораховская 1975].

б) К сложным диалектным различиям относятся и различия в структуре словообразовательных гнезд, которые пока изучались лишь по фрагментам [Мораховская 1977; 1978; 1981]. Основанием для их отнесения к типу сложных диалектных различий служит то, что в ЧДС словообразовательное гнездо представляет определенный – эпидигматический – тип отношений между словами [Шмелев 1973]. На важность изучения таких диалектных различий указывал Ф.П. Филин [1948]. Большой интерес представляют такие диалектные различия для исследователей явления мотивации [Блинова 1983]. Структура такого сложного различия для слов с корнем *-двор-* рассматривается ниже.

5) Особый тип диалектного различия представляют сложные диалектные различия, осложненные различиями этнографическими и вообще внеязыковыми. Выше говорилось о лексико-этнографических различиях как о таких различиях, при которых определенные слова связаны с определенными разновидностями именуемых объектов. Одно из таких различий представлено в названиях женской одежды, надевавшейся поверх рубахи ("рукавов"). Названия *понева, андарак, юбка* и др. соответствовали разновидностям поясной одежды, различавшейся видом пряжи, техникой изготовления ткани, способом соединения полотнищ. Названия одежды типа сарафана были в большинстве своем мотивированы материалом одежды, способом окраски, видом красителя, покроем, т.е. языковое различие соответствовало этнографическому.

В сложных диалектных различиях, осложненных внеязыковыми различиями, это соответствие в значительной части диалектов отсутствует. Разновидности языковой ситуации, к которой относятся сопоставимые группы слов, могут представлять собой либо разновидности каких-то обычаев, ритуалов, либо предметы, выполняющие одну и ту же

функцию, либо природные объекты, специфика которых зависит от местных условий, и связанные с ними варианты одного вида хозяйственной деятельности (например, охоты, рыболовства).

Характерной особенностью максимальной модели таких различий является расчлененность на подструктуры в соотвествии с теми вариантами семантического пространства, которые отражают различия во внеязыковой ситуации. В пределах распространения каждого варианта (т.е. там, где распространен тождественный набор именуемых объектов) может наблюдаться неодинаковое членение семантического пространства языковым сознанием представителей коммуникативных общностей – выявляются разные типы парадигматических отношений между словами при тождественных наборах именуемых объектов. Так, диалектное различие в названиях подполья и хода в него связано с целым комплексом различий в их устройстве. В соотвествии с локализацией этнографических особенностей крестьянского жилища разные вида подполья и хода в него характерны для ряда северных областей, где бытуют дома на так называемом высоком подклете, где существовала традиция строить разные избы для теплого и холодного времени года. Для средней полосы, где обычнами были крестьянские жилища на среднем или низком подклете, подполья редко представлены разными вариантами, ход в них может быть через специальное отверстие в полу, закрываемое крышкой или просто через вынутые половицы. На юге подполья в крестьянском быту были известны далеко не везде, так как широко распространены погреба вне дома. В соответствии с этими разновидностями именуемых объектов большинство слов, служащих названиями хода в подполье, также крышки или дверцы, закрывающих этот ход, приведено для севера. Приведем несколько лексико-семантических парадигм (ЛСП), которые характеризуют как различия в структуре самого семантического пространства, так и в членении языковым сознанием носителей разных говоров одного и того же семантического пространства (при тождестве внеязыковых ситуаций):

I

А. Деревня Быково Борович. р-на Новг. обл.

подполье	*люк*
'подполье с ходом изнутри'	'ход в подполье в виде отверстия в полу'
подвал 'подполье с ходом снаружи и сам ход'	

Б. Деревня Усадище Волхов. р-на Лен. обл.

подполье 'подполье при невысоком подклете с ходом из дома'	*двериика* 'ход в подполье в виде отверстия в полу или дверки снаружи дома'
подвал 'подполье при высоком подклете с ходом снаружи'	

В приведенных случаях примерно одному и тому же семантическому пространству соответствуют две различные парадигмы.

II

А. Деревня Шопоша Вельск. р-на Арх. обл.

подвал 'подполье с ходом изнутри дома'

подполок 'ход в подполье в виде отверстия в полу'

кровля 'крышка, прикрывающая этот ход'

Б. Деревня Киселевка Ширингуш. р-на Мордов. АССР

подпол 'подполье с ходом изнутри дома'

творило 'ход в подполье в виде отверстия в полу и прикрывающая его крышка'

В. Село Петровское Шатур. р-на Моск. обл.

подпол 'подполье и ход в него изнутри дома'

Для семантического пространства II эта ЛСП представляет "минимальную модель" [Холодович 1963].

III

А. Деревня Заречье Горицк. р-на Калин. обл.

подпол 'подполье с ходом снаружи и изнутри дома'

запанья 'дверь в полу, ведущая в подполье'

подызбица 'ход снаружи'

Б. Деревня Горка Каргопольск. р-на Арх. обл.

подполье 'подполье с ходом снаружи и изнутри дома'

ставень, ставнек 'ход в подполье снаружи и изнутри дома (в виде отверстия в полу)'

В. Деревня Сушилово Борович. р-на Новг. обл.

подвал 'подполье и ходы в него снаружи и изнутри дома'

В последнем случае представлена "минимальная модель" для семантического пространства III, оно не расчленено по тем параметрам, по которым оно может членится.

IV

А. Деревня Передово Кирилл. р-на Волог. обл.

подполье 'подполье с двумя видами хода изнутри и с ходом снаружи'

ставень 'ход в виде закрытого крышкой отверстия в полу'

голбец 'ход в виде пристройки к печи'

двери 'ход со двора'

Б. Деревня Малая Степановская Сольвычег. р-на Арх. обл.

голбец 'подполье и ход в него в виде высокой пристройки к печи'

западня 'ход в подполье в виде отверстия в полу'

В. Деревня Пучинино Чебсар. р-на Волог. обл.

голбец 'подполье и ход в него в виде высокой пристройки к печи'

западня 'крышка, закрывающая отверстие в полу'

дверь 'ход в подполье из двора'

Таблица 1

Максимальная модель членения семантического пространства 'подполье и ход в него'

Внеязыковые ситуации		Единицы членения семантического пространства				
I Подполье с ходом из жилого помещения	а) через отверстие в полу жилого помещения	'подполье, ход в него и предмет, закрывающий этот ход'	'подполье и ход в него'			
	б) через пристройку к печи в виде чулана, шкапа	'подполье и ход в него через пристройку к печи в виде чулана или шкапа'				
	в) через пристройку к печи в виде сундука, ящика	'подполье и ход в него через пристройку к печи в виде сундука, ящика				
	г) через подпечек	'подполье и ход в него через подпечек'				
II	Подполье с ходом снаружи	'подполье и ход в него снаружи'				
III	Подполье с ходами изнутри и снаружи	'подполье и ходы в него изнутри и снаружи'	'подполье и ход в него снаружи'	'подполье и ход в него изнутри' (а, б, в, г)	'подполье с ходами изнутри и снаружи'	
IV	Разные подполья под летней и зимней избами	'подполья под летней и зимней избами и ходы в них'	'подполья под летней и зимней избами'	'подполье под летней избой и ход в него'	'подполье под зимней избой и ход в него'	'подполье под летней избой с ходом снаружи''

* Ход в подполье из жилого помещения может быть разных типов, в соответствующих

Максимальная модель членения семантического пространства 'подполье и ход в него' может быть представлена в таком виде (см. таблицу 1)

3. Проблематика работы, обуславливающая необходимость установления структуры диалектных различий разных типов в связи с применением лингвогеографических методов, включает ряд этапов исследования:

'подполье и ход в него'						
'подполье'		'ход в подполье в виде отверстия в полу'		'предмет, закрывающий ход в подполье'		
'подполье с ходом через пристройку к печи в виде чулана или шкапа'			'ход в подполье через пристройку к печи в виде чулана или шкапа'			
'подполье с ходом через пристройку к печи в виде сундука, ящика'			'ход в подполье через пристройку к печи в виде сундука, ящика'		'предмет, закрывающий отверстие такого хода'	
'подполье с ходом через подпечек'			'ход в подполье через подпечек'		'предмет, закрывающий ход в подполье через подпечек'	
'подполье с ходом снаружи'			'ход в подполье снаружи'		'предмет, закрывающий наружный ход в подполье'	
'ход в подполье снаружи'	'ход в подполье изнутри' (Ia, б, в, г)	'ходы в подполье изнутри* и снаружи'	'предмет, закрывающий оба хода в подполье'	'предмет, закрывающий ход в подполье снаружи'	'предмет, закрывающий ход в подполье изнутри' (Ia, б, в, г,)	
'подполье под зимней избой с ходом изнутри'	'ход в подполье под летней избой (снаружи)'	'ход в подполье под зимней избой (изнутри)'	'ходы в подполья под летней и зимней избами'	'предмет, закрывающий оба хода в подполья'	'предмет, закрывающий ход в подполье под летней избой'	'предмет, закрывающий ход в подполье под зимней избой' (Ia, б, в, г)

случаях это может быть развернуто согласно представленному выше в I а, б, в, г.

1) Установление системных отношений между членами простых диалектных различий как процедура выявления общих и различительных признаков: а) в плане выражения – в соответствии с типологией, разработанной в русской диалектологии, б) в плане содержания – анализ отношений между разными значениями, соответствующими одной звуковой форме, т.е. отношений между членами диалектного различия, аналогичных полисемии и омонимии; установление

отношений разных типов. Применение методики компонентного анализа;

2) Установление системных отношений между членами сложных диалетных различий, т.е. различий в отношениях между словами: а) по разному членящими одинаковое "семантическое пространство" (для конкретной лексики – тождественный набор реалий), б) членящими сходные "семантические пространства" (не вполне тождественные наборы реалий), в) выявление предметной соотнесенности исследуемой лексики, если она относится к не вполне тождественным наборам реалий (для случаев, когда диалектное различие осложнено этнографическими и другими внеязыковыми различиями);

3) Установление системных связей между диалектными различиями, относящимися к взаимосвязанным "семантическим пространствам".

В процессе подготовки данной работы осуществлялось сплошное комплексное картографирование лексики участка земли, на котором находится крестьянское домохозяйство, главным образом, согласно описанной нами методике, разработанной в Секторе истории и диалектологии Института русского языка АН СССР[7] [Мораховская, 1973а]. В общих чертах она сводится к предварительному картографированию всех слов, приводимых в ответе. Дополнительными обозначениями на той же карте показывается все то, чем характеризуется в ответе значение слова и особенности его употребления, а также то, что сообщается об особенностях реалии. На этом этапе осуществляется чисто эмпирический комплексный подход без попытки предварительного обобщения всех разнородных сведений, чтобы не поставить материал заранее в неподходящие рамки. Затем на основании повторяемости каких-то признаков денотата (референта) за определенными названиями делается вывод о значимости этих признаков как различительных, об их включенности в понятийное содержание слов или об их значении лишь как этнографических признаков. На следующем этапе картографирования – при составлении собственно лингвистической карты – выявленные различительные признаки квалифицируются либо как усложняющие структуру диалектного различия, если через них одно и то же слово получает в макросистеме диалектного языка разные значения, либо как уточняющие значения разных слов и соотношение собственно диалектного и собственного этнографического различия (см. ДАРЯ III, раздел "Лексика", карта 1).

В ходе картографирования диалектных различий перед исследователем постоянно встают вопросы, связанные с внеязыковой обусловленностью, осложненностью диалектных различий различиями этно-

---

[7] Первые опыты этой методики на материале центральных областей к востоку от Москвы проводились Л.П. Жуковской (архив Отдела диалектологии и лингвогеографии). Картографируются только материалы, собранные по "Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка" [Программа 1974].

графическими. Данную работу, выполненную на материале предметной лексики (лексики участков земли, наиболее освоенных человеком в процессе жизнеобеспечения крестьянской семьи), также можно отнести к типу работ, посвященных комплексной проблеме внеязыковой обусловленности языковых явлений, так как на разных частях территории возможны варианты организации крестьянского домохозяйства, определяющие некоторые различия внеязыковой ситуации.

Лексико-семантические диалектные различия как предмет лексикологического исследования

Предварительные замечания

1. Лексика, исследованная в данной работе, относится к подклассу имен существительных, главным образом, к семантической категории имен конкретных объектов. Как отмечает А.А. Уфимцева [1986, 122], имена этой категории имеют денотативно-сигнификативный тип значения, при котором "денотат и сигнификат находятся друг к другу в отношениях содержания понятия к его объему". Понятийное содержание таких существительных обращено непосредственно к называемым предметам. В значениях слов могут играть роль релевантных разные признаки конкретных предметов, и признаки эти, становясь элементами содержания понятия, различают близкие по значению слова (например, названия разновидностей предмета).

Конкретная лексика не всеми признается объектом собственно лингвистического исследования. Д.Н. Шмелев [1973], отстаивающий правомерность и необходимость исследования лексики этого типа, обращает внимание на важность исследования организации ее в лексико-семантические (предметно-тематические) группы, на особенности ее парадигматики и сочетаемости, семантической структуры отдельных слов, возможностей приобретать коннотативные признаки и переносные значения.

2. Языковеды, трактующие понятие как эквивалент значения, фактически принимают во внимание лишь ту объективность понятия, которая имеет место в итоге, в целом, в логической завершенности его формирования. Для исследователя соотношения в языке языковой системы и речевой деятельности не менее важно и качество субъективности, на нем основана неодинаковость знаний, опыта, оно лежит в основе необходимости передачи их молодым поколениям, процессов познания, исследования.

В данной работе понятие как "логически расчлененная общая мысль о предмете" (Словарь Ушакова), т.е. категория мышления, не принимается за эквивалент значения (лингвистической категории) именно в силу его возможной субъективности. Как известно, "формирование познавательного образа, понятия о предмете и его связях в реальном

мире, закрепление этого понятия за языковым элементом и составляет основу знаковой репрезентации, сущность которой состоит в обобщении и замещении вещей" [ЯН 1977, 23]. Однако формирование познавательного образа и возникновение знаковой репрезентации не обязательно сразу реализуется в специальном наименовании словом – может иметь место период "неназванности", когда при необходимости выразить понятие человек "ищет слово", прибегает к описательному выражению либо к слову с широким объемом понятия, с указательным местоимением (*эта штука* и под.). Это выявляется и в функционировании диалектных различий.

3. Изучение предметной лексики требует постоянного обращения к внеязыковой действительности. Среди работ, в которых изучаются системные отношения в лексике и анализируется состав лексико-семантических групп разных видов, значительное число составляют исследования отношений между словами, входящими в класс предметной лексики. Признаки, по которым различаются значения слов, входящих в лексико-семантические парадигмы, чаще всего отражают реальные свойства конкретных объектов [ЯН 1977].

Существуют серьезные сомнения в возможности считать признаки значения слова, отражающие признаки материального денотата (референта), категорией лингвистической [Трубачев 1976]. Они основаны на объективной трудности выработки критериев, которые бы разграничивали лингвистическое и внелингвистическое в слове, принадлежащем к рассматриваемому классу. Н.А. Слюсарева [1973], говоря о таких признаках, как тип сооружения, характер постройки, назначение постройки, место постройки, высказывает мнение, что они не являются лингвистическими, а относятся к семантике отражения. Нет никакого сомнения в том, что очень часто признаки конкретных предметов оказываются полностью зависящими от ситуации и никакого лингвистического значения не имеют, например, тип сооружения и характер той или иной крестьянской постройки могут быть определены возможностями хозяев, материал – наличными строительными ресурсами, а назначение – нуждами той или иной семьи. В то же время есть и весомые аргументы в пользу того, чтобы искать определенные критерии для отнесения этих и подобных признаков в конкретных случаях к сфере лингвистического. Ф.П. Филин [1957], охарактеризовавший группировки лексики на собственно лингвистических основаниях и остерегавший от утраты лингвистикой своего предмета в случаях, когда лексика группируется на внеязыковой основе, анализируя в других своих работах отношения между словами, рассматривает в качестве релевантных среди других признаков и признаки, отражающие свойства материального объекта [Филин 1949]. Д.Н. Шмелев [1973], анализируя группы названий, соответствующих предметнотематическим группам объектов внешнего мира, высказывает соображения о непосредственной внеязыковой обусловленности общих и различительных элементов значения этих слов, которые представляются убедительными. В самом деле, если речь идет о предметной лексике, то не

найти в номинативном значении слова признаков, которые отражали бы конкретные свойства объекта наименования, вскрыть семантическую структуру такого слова, не касаясь этих признаков, вряд ли возможно.

Можно предположить, что вывод о нелингвистичности таких признаков значения слов скорее можно сделать на основе словарных дефиниций, если они рассматриваются вне контекстов, т.е. не установлены самим исследователем в результате анализа контекстов[8]. В процессе исследования такого материала собственно коммуникативная функция слова как бы отступает на второй план, а на первый выступают "асимметричность" словарных дефиниций для слов, обозначающих близкие понятия, их "вещность", случайность выбора признаков материального денотата, что обнаруживается при сравнении дефиниций одних и тех же слов в разных словарях [Шмелев 1973]. Случайность эта, конечно, кажущаяся, так как дефиниции создаются на основании анализа материалов картотек – более или менее разнообразных контекстов их употребления. Несовпадение выбора признаков является следствием трудности их отбора, а также возможного несовпадения исходного материала – картотек.

Если исходить из коммуникативной функции, то надо учитывать в первую очередь роль слов как различителей смысла в акте коммуникации. Для исследователя, не принадлежащего к данной коммуникативной общности, все признаки, приводимые при определении значения изолированного слова, могут быть отнесены к "семантике отражения". Для лиц, входящих в эту общность, какие-то признаки объекта наименования должны быть отражены в признаках значения слова – различительных и отождествляющих признаках значения, которые ему присущи и признаны за ним всеми членами данной коммуникативной общности[9]. Признаки эти могут быть ими названы, если исследователь спрашивает, чем отличается слово *а* от слова *б* (не вещь α от вещи β). Поскольку имеется в виду конкретная лексика и поскольку можно судить о "лингвистичности" по выполняемой словами коммуникативной функции, вряд ли можно сомневаться, что такие слова выполняют свою коммуникативную функцию столь же четко, как и другие типы словесных знаков. Одна из функций многих слов заключается в том, чтобы различать однородные предметы по их назначению. Для таких слов семантический признак "назначение предмета" является основным дифференциальным признаком их парадигмы [Шмелев 1973, 234–242]. По этому признаку различаются значения слов *библиотека, школа,*

---

[8] Выводы, сделанные Мунэном, исследования которого рассматривает Н.А. Слюсарева [1973], представляют результат анализа не только словарных материалов, но и разнообразных текстов. Однако его исследования значений слов по контексту показали, что далеко не всегда они приводят к положительным результатам.

[9] "Собственно, каждый существенный элемент лексического значения ("семантический признак") потому и выделяется как существенный для данного значения, что обусловлен определенным парадигматическим противопоставлением слову какого-то другого слова или нескольких слов" [Шмелев 1973, 235].

больница, которые могут относиться к постройкам, не имеющим никаких внешних различий. Слова эти у создателей типовых проектов, вероятно, соотносятся с понятиями о каких-то различиях во внутреннем устройстве, например, о наличии большого зала в школе и библиотеке и необязательности его в больнице, о наличии пищеблока в школе и больнице и факультативности его для библиотеки. Для всех остальных носителей языка слова эти означают учреждения, различающиеся определенным образом по своему назначению. Слова могут относиться к предметам, выполняющим одну функцию, но различающимся по устройству. Тогда значимыми могут оказаться признаки устройства, и разновидности предмета получают разные наименования именно на основании наличия у них этих признаков, чтобы можно было их различать в актах коммуникации, связанных с внешними обстоятельствами их использования, а не только с познанием мира (*пила – ножовка;* см. также [Сорбалэ 1974]). Таким образом, если определять лингвистическое по всем тем функциям, которые присущи языку, то, как нам представляется, нельзя не признать за некоторыми признаками материального денотата, объективированными языковым сознанием, их собственно лингвистической функции различителей значений слов.

Довольно многочисленные исследования семантических отношений в составе групп слов разного строения, осуществленные у нас и за рубежом в значительной части на материале предметной лексики (часто путем сопоставления сходных предметно-тематических групп разных языков), свидетельствуют о том, что различительные признаки тех типов, о которых говорилось выше, выделяемые в семантике соотнесствующих слов разными исследователями и обычно трактуемые как признаки, различающие значения слов, мыслятся таковыми не в индивидуальном сознании, а в их собственно языковой функции. Предметы, называемые этими словами, имеют и другие признаки, но различителями значений слов внутри групп выступают только некоторые ([Pottier 1963; Шмелев 1964; Mounin 1965; Guiraud 1966; Толстой 1963; 1966; 1969; Уфимцева 1968; Максимова 1972; Невская 1973; Гак 1976; Кузнецов 1980] и др.).

В этом, в частности, убеждают исследования структуры лексико-семантических групп, выполненные на диалектном материале. Они представляют как правило сопоставление материалов разных ЧДС ([ВТЛГ 1962; Гольдин 1967; 1967а,б; Клепикова 1968; Выгонная 1968; Вешторт 1968; Goossens 1969; Мораховская 1970; Harras 1972; Павел 1973; Лексіка 1971, Русская диалектология 1973; Клепикова 1975; Нефедова 1977; Чернейко 1978; 1980; Ильинская 1985] и др.). То обстоятельство, что в работах, посвященных лексике диалектов, сопоставляется как правило материал более чем двух диалектных систем, имеет большое значение для исследования структуры диалектного языка на лексико-семантическом уровне, включая словообразование, а кроме того, играет большую познавательную роль. Эта роль еще значительнее, если исследование осуществляется с применением мето-

да картографирования (см. работы Клепиковой, Вештарт, Гооссенса, Павела, Нефедовой).

4. Представление о разложимости значения на составляющие его единицы возникло уже давно, и компонентный анализ применен разными исследователями к очень разнообразному лексическому материалу, а не только к предметной лексике. Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс, предлагая вслед за Г. Вотяком различать микролингвистический подход, обнаруживающий более тесную связь с формальной структурной лингвистикой, и макролингвистический подход, устремленный на экстралингвистические факторы, считают последний более перспективным [Гулыга, Шендельс 1976]. При этом само собой разумеется, что микролингвистический подход не должен ни в коей мере утрачивать свое значение, а лишь не считаться исключительно и единственно важным. Макролингвистический подход, однако, важен тем, что, снимая запрет обращения к экстралингвистическому, обогащает лингвистику возможностями раскрыть свое познавательное значение. На уровнях синтаксиса и лексики обращение к ситуации, к широкому историческому контексту позволяет по-новому подойти к проблемам значения слова, словосочетания, акта коммуникации, высказывания, диалога.

Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс [там же, 295], сопоставляя разные определения семантического компонента – семы, отдают предпочтение тому, в котором содержится "стремление представителей макролингвистического направления найти связь между семами и экстралингвистическими факторами". Они приводят, в частности, определение В.Г. Гака: "Под семантической структурой отдельного значения слова понимается совокупность элементарных смыслов, «сем», составляющих это значение. Каждая сема представляет собой отражение в сознании носителей языка различительных черт, объективно присущих денотату, либо приписываемых ему данной языковой средой и, следовательно, являющихся объективными по отношению к каждому говорящему" [Гак 1971, 95].

В данном определении имеется в виду, главным образом, предметная лексика (денотативно-сигнификативного типа значения), поэтому, вероятно, такое определение нельзя считать универсальным. Но для конкретной лексики, которая составляет основной предмет данного исследования, это определение является актуальным.

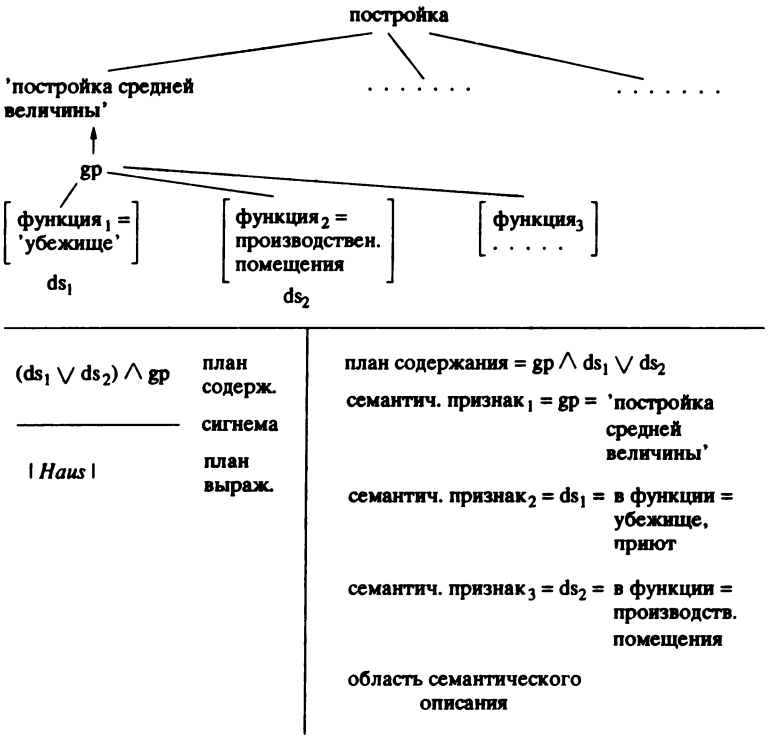
Необходимо обратить внимание на понятие, вкладываемое в определение "элементарный" в связи с проблемой разложимости и неразложимости семантических признаков.

Как известно, исследователи пришли к выводу, что возможности выделения сем в значении разных слов неодинаковы, что существуют слова, значение которых не разлагается на отдельные семы, что семема в них равна семе [Толстой 1965; Harras 1972; Шмелев 1973]. Однако неразложимость – понятие относительное, наука часто сталкивается с тем, что неразложимое на каком-то уровне анализа является разложимым на другом уровне.

Среди признаков, которыми различаются лексические значения разных слов (или разные значения одного слова) могут быть такие, которые исследователю действительно представляются неразложимыми, и такие, которые, в свою очередь, могут быть представлены как совокупность элементарных смыслов, но в качестве семантических признаков должны рассматриваться нерасчлененно [Шмелев 1973; ЯН 1977]. В частности, Д.Н. Шмелев выделяет категориальные признаки, характерные для семантики слов, обозначающих наиболее общие понятия, такие, как *вещество, движение, делать, существовать* и под. В значениях этих слов совсем отсутствуют "предметные" признаки. Другой тип признаков – интегральные – собственно "наполнители" значения слова. Третий тип – дифференциальные, которые различают значения слов в составе парадигмы. Возможно, отнесение признака к тому или иному типу не абсолютно, и в каждом конкретном случае должна учитываться принадлежность слова к тому или иному уровню в лексико-семантической парадигме.

Трудность типологии семантических признаков с очевидностью определяет наличие многочисленных попыток этой типологии, но при этом, видимо, и отсутствие общепринятой системы. Так, Потье различал денотативные семы, выделяя в них классемы или родовые семы и семантемы или специфические семы (по терминологии Шмелева интегральные признаки), объединяющие лексический ансамбль (видимо, соответствующий лексико-семантической или предметно-тематической группе слов) и коннотативные семы. Необщие семы (по Шмелеву, дифференциальные признаки) названы Потье коннотативными семами или виртуэмами. В структуре значения слов, служащих названиями мебели для сидения, классемами являются признаки 'неодушевленное', 'предметное'; семантемы – 'для сидения', 'на опорах (ножках)'; виртуэмы – 'для одного лица': 'для нескольких лиц'; 'со спинкой': 'без спинки' и т.д. [Pottier 1963].

Г. Харрас, которая рассматривает вопрос о строении языкового знака в целом и, в частности, о структуре значения (Harras 1972), следует за теми, кто выделяет в плане содержания форму (семема) и субстанцию, в которой, в свою очередь, выделены семколлекция, сема и семфактор. Оговорено, что между этими последними существуют количественные различия. При этом сема определяется как собственно языковый коррелят к интенсионально определенному эквиваленту десигната, понятию, который содержит определяющие признаки, соответствующие признакам понятия. Они называются семфакторами. Под семколлекцией понимается возможная дизъюнкция двух или более сем (т.е. или a или b). Эти структурые величины различаются количественно в соответствии с их возможностями комбинации друг с другом. Г. Харрас иллюстрирует свое понимание структуры плана содержания языкового знака на примере слова *Haus* по толкованиям, данным в Словаре Ваарига [Wahrig 1966].

В схеме использованы логические обозначения элементов понятия: gp или genus proximum соответствует признаку, общему для обоих значений, ds или differentia specifica – семантическим признакам, взаимоисключающим друг друга в разных значениях. Другая методологическая модель показана на примере слова *beau*:

план содержания	+ Свойство, + Оценка, [+ Эстетич.] ∨ [+ моральн.] ∨ [+ интеллект.], [+ положит.] +	[∓ одушевл. ± конкретн.]
план выражения	*beau*	

В первом из рассмотренных примеров ни один из признаков не является принципиально неразложимым, но наличие более простых смыслов не должно приниматься во внимание, они взяты только во всем их комплексе.

Основной материал, который анализируется в работе Г. Харрас с помощью методологической модели значения (в соответствии с принятой ею структурой плана содержания сигнемы – языкового знака) – названия частей тела (семфактор – часть тела), одежды (семфактор – предмет одежды), обуви, связанная с ними лексика действия и качества и количественные прилагательные в 14 деревнях Лотарингии. Исход-

ная величина, которую Г. Харрас принимает для семантического анализа – понятие, т.е. основным является ономасиологический подход, а семасиологические операции являются вспомогательными. Это значит, что кроме материалов, собранных по вопроснику, в котором основной вопрос "Как у вас называется", используются и ответы на вопросы "Что означает слово" и словарные материалы – для дополнительных семасиологических операций.

Г. Харрас рассматривает понятие как внеязыковый, принадлежащий собственно мышлению феномен, но, как видно из схемы, посвященной соотнесению сематической структуры слова *Haus* с понятием и его содержанием, в структуре сигнемы *Haus* в плане содержания она дает признакам больше соответствующее понятию логическое обозначение, и только при семантическом описании они соотносятся с семантическими признаками.

Г. Харрас уделила много внимания схематическим записям всех основных лингвистически значимых лексико-семантических отношений: структуры языкового знака, семантической структуры многозначных слов, омонимов, соотношения значения и понятия, синонимических отношений и т.д. Эти разработки применены затем к конкретному материалу 14 нас. п.п., для которых названные предметно-тематические группы ("лексические поля"), рассмотренные как парадигматические структуры, представлены в соответствии с методологической моделью значения в виде схем, иллюстрирующих как ономасиологический, так и семасиологический подход. При этом, кроме условных обозначений, принятых в логике, использованы знаковые символы, введенные в связи с машинным производством лингвистических карт [Putschke, 1969], так что можно предполагать, что материал подготовлен таким образом именно с этой практической установкой.

Т.И. Бытева [1982] кладет в основу своего исследования понятие асимметрического дуализма языкового знака, согласно которому лексическое значение может выступать как член парадигматического противопоставления относительно лексического значения другого слова или другого значения того же слова [TCLP]. Исследуя многозначность существительных – названий лица в говорах Тасеевского р-на Красноярского края в сравнении с литературным языком, Т.И. Бытева применяет методику, разработанную И.В. Арнольд [1966]. Она заключается в сочетании принципа оппозиций по Трубецкому [1960] с табличным (матричным) способом исследования семантической структуры существительного. Наиболее существенные особенности отдельных ЛСВ слова обобщаются и сводятся в мета-модель, имеющую вид матрицы. В результате выявляются дифференциальные признаки отдельных ЛСВ, противопоставляющие их один другому. Объединение слов в группы по сходству структурных особенностей их семантики Т.И. Бытева интерпретирует через понятие инвариантности, независимо от денотативной отнесенности и функциональных различий.

Исследователи, посвятившие свои изыскания глагольной лексике на диалектном материале, уделяют много внимания типам контекста. Так,

В.Л. Козлова [1969], осуществившая анализ семантической структуры глагола *выйти* в говоре д. Быково Вагайского р-на Тюменской обл. тоже использует методику И.В. Арнольд, причем значение глагола всегда выводит из контекста, так как присоединяется к той распространенной точке зрения, согласно которой лексическое значение слова обусловлено не только предметной отнесенностью и эмоционально-интеллектуальным содержанием, но и его реляционными свойствами, под которыми понимается дистрибутивный фактор. В.Л. Козлова исследует сочетаемость глагола *выйти* с целью проследить, какие элементы системы говора дополняют значение каждого лексико-семантического варианта. Она устанавливает синсемантию этого глагола с тремя типами лингвистической зависимости (валентно-обусловленную, совмещающую валентную обусловленность с контекстуальной, и контекстуально-конструктивную), составляющих один из компонентов значения ЛСВ в соединении с семантикой корневой и аффиксальной морфем.

Проблема классификации семантических признаков – сем – одна из актуальных проблем, решаемых по-разному в зависимости от самого языкового материала. Н.А. Лукьянова [1986], изучающая экспрессивную лексику на материале диалектов Новосибирской области и других форм разговорной речи, выделяет в структуре языкового знака денотативно-сигнификативный и коннотативный макрокомпоненты. Она рассматривает их как системы взаимосвязанных микрокомпонентов – сем, среди которых в первом макрокомпоненте, кроме категориальных ('предметность', 'признаковость' и т.п.) и лексико-грамматических сем ('одушевленность' – 'неодушевленность', 'лицо' – 'нелицо' у одушевл. сущ., 'способ глагольного действия' у глаголов и др.) называет собственно-лексические семы, а во втором макрокомпоненте – 'эмоциональную оценку', 'образность' и 'интенсивность'. Кроме того, она исходит из представления, что иерархическими отношениями типа "ядро – периферия" связаны семы денотативного и коннотативного содержания. В структурах разных групп слов или в ЛСВ многозначного слова она выделяет также обязательные и факультативные семы. Она использует понятия моносемной, полисемной и диффузной структур значения.

Л.О. Чернейко [1980], исследовавшая парадигматические отношения на материале географических названий в говорах нескольких сел Архангельской обл., исходит из того понимания лексического значения слова, которое является наиболее принятым в отечественной лексикологии (Амосова, Уфимцева, Шмелев и др.), учитывающим понятийную и предметную отнесенность слов и лексическую модальность. При этом в исследование вводится языковое понятие в качестве логической основы значения слова, с элементами которого соотносятся элементы значения; дифференциальные семы значения слов понимаются как проявление дифференциальных признаков языкового понятия, которые не могут быть установлены только на основе соотношения слова и явления, в нем осмысленного, но выявляются из соотношений значения слова со значением других слов – ближайших се-

мантических соседей. Хотя введение понятия в структуру языкового знака представляется спорным, затрудняющим вопрос о структуре плана содержания, ориентация на то, чтобы устанавливать релевантность дифференциальных признаков исходя из системы языка, безусловно вполне оправдывает себя. Л.О. Чернейко различает инвариантное понятие "признак" и понятие "сема" как одно из конкретных реализаций признака. Плодотворной представляется интерпретация дифференциальных признаков в соответствии с той типологией оппозиций, которая разработана Н.С. Трубецким на фонологическом материале. Отмечая вслед за Д.Н. Шмелевым привативные оппозиции как наиболее обычный тип оппозиции в семантических отношениях между конкретными существительными и эквиполентные оппозиции как более редкий тип, Л.О. Чернейко специально останавливается на вопросе о типе оппозиций при синонимических отношениях. Она называет в качестве основного признака синонимов возможность нейтрализации их противопоставлений в определенных контекстах и высказывает мнение, что нейтрализуются члены такой лексико-семантической оппозиции, которая в терминах Н.С. Трубецкого может быть определена как одномерная пропорциональная: совокупность семантических признаков, общих членам такой оппозиции, уникальна, а дифференциальный признак "универсален", т.е. свойствен не только данной лексико-семантической парадигме.

Еще один вариант трактовки терминов *признак* и *компонент* находим у А.М. Кузнецова [1980]. *Признаку* этот автор также придает инвариантное значение, варианты получают у него наименование *компонентов*.

В настоящее время в качестве общего термина принят термин *сема*, разные типы семантических признаков объединяются в общую типологию сем [Гайсина 1981; Новиков 1982].

Дальнейшая разработка лингвистической теории значения идет, с одной стороны, в плане установления типов основных компонентов, которые могут быть выделены в значении слов, с позиций когнитивной теории [Никитин 1988], с другой, – путем выделения микрокомпонентов [Загоровская 1990]. В частности, О.В. Загоровская, выделяя в слове денотативный (видимо, соответствующий когнитивному, см. [Никитин 1988, 33]), компонент значения, видит в нем сущностные дифференциальные семы, составляющие ядро значения (интенсионал при когнитивном подходе) и периферийные семы (импликационал), включающие "информацию об индивидуальных свойствах" именуемого объекта [Загоровская 1991, 15]. М.В. Никитин различает сильный импликационал (совокупность необходимых признаков), высоковероятностный импликационал, слабый (или свободный) и отрицательный импликационал, предлагая признать вероятностную структуру как понятия о классе вещей, так и импликационала как компонента лексического значения.

В эмотивном компоненте, по Загоровской (видимо, прагматический, по Никитину) выделены семы положительной и отрицательной эмоциональной оценки, включающие каждая по несколько разновидностей.

Выделяя собственно языковой компонент лексического значения, О.В. Загоровская в качестве составляющих называет парадигматический, синтагматический и стилистический микрокомпоненты. В содержании эмпирического компонента О.В. Загоровская видит отражение природных и социальных условий жизни данной коммуникативной общности.

Представленная в работах О.В. Загоровской типология компонентов и микрокомпонентов значений разработана в основном на материале предметной лексики диалектов. Разумеется, для разных типов словесных знаков не одинаково значимо выделение тех или иных микрокомпонентов значения. Например, синтагматический микрокомпонент проявляется наиболее ярко в семантической структуре слов непредметной сферы, в частности, многих групп глаголов.

Для той тематической группы слов, которая образует исследуемое диалектное различие, компонентный анализ позволяет в первую очередь выделить денотативный и эмпирический компоненты, а также парадигматический микрокомпонент значения слов. Мы не ставили задачи разработки методики компонентного анализа, а лишь воспользовались некоторыми уже известными приемами построения парадигм ЛСГ[10]. Подготовительная работа состояла в исследовании семантической структуры ряда слов, образующих диалектные различия плана содержания (семантические микрополя, по Толстому), в частности слова *двор* [Мораховская 1978]. Ее уточненные результаты будут использованы ниже.

5. Вопрос о парадигматических отношениях между словами рассматривается разными исследователями также в несколько разных "ключах".

А.А. Уфимцева [1968, 253] называет лексико-семантическими парадигмами синонимические и антонимические ряды, лексико-семантические группы слов. Она рассматривает в парадигматике "отношения включения единиц, стоящих на более низкой ступени семантической обобщенности, в категории слов с более широкой и обобщенной семантикой".

Д.Н. Шмелев [1973, 106–107] обращает внимание на то, что слова с более широкой и с более узкой семантикой не образуют единого парадигматического ряда, хотя и группируются на основании общего семантического элемента – семантической темы, входящей в семантическую структуру всех слов, входящих в данную "структурно-семантическую группу". "В результате объединения и противопоставления слов по различным семантическим признакам образуются ряды соподчиненных или перекрещивающихся лексико-семантических парадигм" – такое общее определение дает парадигматическим отношениям Д.Н. Шмелев [1964, 137]. Он отмечает далее, что самый "характер лексико-семан-

[10] Терминологическое сочетание лексико-семантическая группа (ЛСГ) употребляется мною применительно к тем группам слов, отношения между которыми представляют ту или иную лексико-семантическую парадигму (ЛСП). Как уже было показано, одна и та же ЛСП по говорам может реализоваться в разных ЛСГ.

тических противопоставлений отличается неравномерностью и несимметричностью, вследствие чего часто значение слова, будучи противопоставлено значению другого слова по какому-то признаку, в то же время не соотносительно с ним по другим семантическим признакам, которые различают их". Напомним, что Д.Н. Шмелев [1973] предлагает различать три основных типа отношений между членами лексико-семантических парадигм: первый тип – отношения между словами в экспрессивно-синонимических и в опорно-номинативных значениях, соответствующие отношения детерминации (спецификации) по Ельмслеву [НЛ 1960]; второй тип, соответствующий отношениям комплементарности, представляет взаимозависимые значения слов и ярче всего проявляется в антонимии; третий тип характеризуется отношениями автономности и наблюдается между членами предметно-тематических групп.

Л.О. Чернейко [1978] делает попытку выявить принципы организации лексико-семантической парадигмы. В состав парадигмы она включает и беспризнаковую единицу, которая соответствует понятию единицы с более широкой и обобщенной семантикой, по Уфимцевой. Беспризнаковый член парадигмы очерчивает границы данной парадигмы, входя в оппозиции на более высоком, чем внутрипарадигматический, уровне абстракции. Но с признаковыми членами парадигмы он также входит в оппозиции (только привативные). Признаковые члены парадигмы образуют между собой как привативные, так и эквиполентные оппозиции. Л.О. Чернейко выявляет иерархическую структуру тех лексико-семантических парадигм, которые она исследует, и устанавливает типы в зависимости от того, какое количество дифференциальных сем отделяет признаковые члены парадигмы от беспризнакового члена и каков характер иерархических отношений. На основе теории оппозиций и с помощью компонентного анализа трактуют системные отношения между словами Н.П. Романова [1967; 1970], исследовавшая на материале одного из говоров Алтая так называемые семантические ряды, в которых выявляются синонимические и гипонимические отношения, и Н.С. Кошелева [1967], проверявшая эту методику на различных типах родо-видовых групп.

Напрашивается вопрос: в каком отношении понятие лексико-семантической парадигмы находится к понятию семантического микрополя, введенному Н.И. Толстым [1963; 1965]. Н.И. Толстой первоначально вычленял это понятие на основании амплитуды колебаний значений опорной лексемы, которая в разных говорах может иметь разные значения, соотносящиеся между собой, как варианты многозначного слова. Эти отношения, подобные полисемии, мы и называем диалектным различием плана содержания. В качестве критерия отграничения материала амплитуда колебаний значения одной лексемы (выбираемой при соблюдении определенных условий) все же может создать очень значительные трудности [Мораховская 1975], поэтому те оговорки, которые сделаны самим Н.И. Толстым [1965] относительно возможности внеязыкового критерия отграничения, развитые В.Е. Гольдиным

[1967], ставят исследование на более реальную почву. Отметим, что некоторые исследователи рассматривают парадигматические отношения, не вычленяя их из проблематики семантических и лексических полей [Караулов 1976; Кузнецов 1980].

В данном исследовании, ориентированном на диалектный язык и диалектные различия, отграничение материала подчинено возможностям основного типа материала и аспекту его интерпретации, обусловленному методом картографирования. Понятие лексико-семантической парадигмы вводится постольку, поскольку парадигматические отношения прослеживаются по этому материалу (как в рассмотренных выше примерах). Беспризнаковый член рассматривается в составе парадигмы.

6. Основной материал, который использовался при исследовании структуры и типологии диалектных различий, – ответы на вопросы "Программы". Необходимо остановиться на том, каковы специфические черты этого материала по сравнению с другими видами источников.

В основной своей массе он представляет ответы на прямо поставленные вопросы: "Как у вас называется...?" и "Есть ли у вас слово и каково его значение?" Вопрос задается лицом, не принадлежащим к данной коммуникативной общности, ответ дается входящим в нее лицом – информантом, обладающим хорошей памятью на слова и умением ответить на вопрос. В принципе на большинство вопросов "Программы" предусмотрены ответы в виде одного слова; подразумевалось прямое соотношение "предмет : название". По ответам на некоторые вопросы выявилось отсутствие такого прямого соотношения, которое как правило объясняется несоответствием вопроса той ситуации, которая имеет место в ЧДС. В основе несоответствия может быть причина лингвистическая – различия в членении языковым сознанием реальной действительности, – и внелингвистическая – различия в самой реальной деятельности. Критерием правильности свидетельств о несоответствиях того или иного типа считается повторяемость соответствующих разъяснений в ответах на "Программу" в пределах ареала. Для рассматриваемого ниже диалектного различия эта повторяемость в некоторых случаях доходит до степени регулярности и дает четко обозначенные ареалы, но в работе освещаются и факты нерегулярные и единичные, поскольку они могут представлять самостоятельный интерес или образуют промежуточные звенья в структуре различия.

Иногда высказывается мнение о преимуществах установления значения слов по "свободному" контексту. Мнение это, вероятно, справедливо для многих типов словесных знаков, о значении которых вообще нельзя задать прямого вопроса безотносительно к какому-то контексту. Однако, как показывает лексикографическая практика, в частности, практика составления диалектных словарей, в свободном контексте слова часто оказываются в слабом положении, в котором значение не может быть определено. А.П. Чудинов [1976] подсчитал, в каком соотношении находятся слова в сильной, сильной по отдельным компонентам значения, и слабой позициях в текстах художественных произведений (отрывки произведений Д. Гранина, В. Кожевникова и

Ю. Трифонова) и в диалогах, записанных в д. Акчим Красновиш. р-на Перм. обл. Он установил, что в текстах художественных произведений слова оказываются в сильной и сильной по отдельным компонентам значения позициях примерно в половине случаев, а в диалектных текстах – лишь в одной трети, причем случаи абсолютно сильной позиции составляют в среднем одну пятнадцатую. Не касаясь самой процедуры подсчета, следует, видимо, согласиться с автором, что разница является результатом различия в типе контекста: устное общение происходит в конкретной ситуации, которая снимает возможность непонимания собеседниками друг друга. Само собой разумеется, что из таких "свободных контекстов" трудно извлечь иллюстрации к словарным дефинициям, по которым определялось бы значение слова, и лишь благодаря методике "соприсутствия" [Оссовецкий 1969] – долгого пребывания лексикографа в среде носителей диалекта, а также методикам наводящих и прямых вопросов значение слова может быть уточнено, и соответствующие иллюстрации получены.

Л.О. Чернейко [1978] на материале географической терминологии в говорах трех сел Архангельской обл. проанализировала типы контекстов, по которым может быть установлена парадигматическая сопоставленность единиц – принадлежность слов к одной лексико-семантической парадигме, или их парадигматическая противопоставленность, если актуализуется дифференциальная сема значения. Материал был собран автором по специальному вопроснику, и контексты, которые она анализирует, являются по существу ответами на прямые вопросы о значении слов или о названии географических объектов. Выделенные ею конструкции дифференциации, в которых выявляются парадигматические отношения слов, но не может быть определен признак, по которому противопоставляются минимальные пары, конструкции актуализации, в которых определяется этот семантический признак, и синонимизации, в которых он нейтрализуется, широко распространены в ответах на вопросы "Программы". Само собой разумеется, полных наборов таких конструкций в этих ответах мы не находим. Важно то, что ответы часто представляют конструкции актуализации дифференциальных признаков. Существенно также то, что в ответах на некоторые вопросы, в дополнение к тексту, какой бы тип конструкции он ни представлял, приводятся рисунки, схемы и т.п. Кроме того, могут быть в ряде случаев использованы ответы, связанные тематически. Например, в ответах на вопрос о названиях построек для скота могут быть сведения, уточняющие значение слов, относящихся к крестьянскому дому и его частям и т.п.

Лексико-семантические диалектные различия в структурном и территориальном аспектах

1. Проблемы тождества и отдельности слова, структуры многозначного слова и диффузности значений, структуры отдельного лексического значения, как и проблемы различных типов группировок слов в парадигматике, синтагматике и эпидигматике в работах отечествен-

ных исследователей стали ставиться особенно остро ([Щерба 1940; Виноградов 1953; $1953_а$; 1960; Смирницкий 1952; 1954; 1956; Ахманова 1957; Звегинцев 1957; Левковская 1962; Уфимцева 1968; 1974; 1986; Амосова 1963; Шмелев 1964; 1973; Апресян 1974; Степанов 1971; 1983] и др.).

Исследователям семантических отношений между словами в зависимости от поставленной задачи приходится как правило решать вопрос либо о расчленении всего словарного состава языка на более или менее обширные группы слов – поля, объединенные на основании того или иного принципа [Караулов 1976; Гайсина 1981], либо об отграничении так называемых лексико-семантических групп слов [Филин 1957; Кузнецова 1973] или парадигм – групп слов, представляющих определенные структурно-семантические разряды, объединенные не только общностью семантики, но и возможной общностью определенных формальных показателей [Шмелев 1973]. В первом случае исходный материал представляет "словарь" – закрытый список слов, подвергающийся процедурам разбиения [Караулов 1976], или лексико-семантическое поле, от общего значения которого исследователь переходит к значениям отдельных классов в составе поля, а от них – к значениям отдельных лексических единиц [Гайсина 1981]. Во втором списки слов, образующих группы, устанавливаются выборкой из словаря или на основании контекстов ([Mounin 1968; 1972; Слюсарева, 1973] и др.), методом ступенчатой идентификации, состоящей в том, что лексико-семантические группы выявляются по тем толкованиям, в которых повторяется одно и то же слово с различными распространителями, по которым устанавливаются ступени более общих и более частных значений [Кузнецова 1973].

При изучении диалектных различий как элементов системы диалектного языка отграничение материала в принципе "задается" формулировкой вопросов программы или вопросника, по которым собран материал, а корректируется в процессе того диалога между эксплоратором и информантом, о котором говорилось выше. В центре нашего внимания здесь – межсистемные отношения, а главная цель, которая преследуется – выяснение роли диалектных различий лексико-семантического уровня в структуре диалектного языка как одной из подсистем национального языка. Напомним, что сложные (структурные) различия, как это имеет место и для других уровней, играют особую роль в собственно лингвистическом (структурном) аспекте, тогда как различия неструктурные (распространение отдельных слов или значений) могут быть очень важны в аспекте территориальном.

2. Если сравнивать задачи исследования структуры простых диалектных различий плана выражения (лексические ДР) и плана содержания (семантические ДР), то для каждого из двух видов задачи будут разной степени сложности и разной степени выполнимости. Простое диалектное различие плана выражения, члены которого являются вариантами одного слова или находятся в отношениях, подобных

полной синонимии[11], представляет собой такую структуру, информацию о которой по ответам на вопросы "Программы" для исследуемого диалектного континуума можно считать полной и точной: это – информация о названиях объекта (предмета, действия, качества...), имеющего повсеместно одни и те же характерные черты. Основной методический прием установления отношений между его членами – это выявление иерархии тех различительных признаков, по которым они сопоставляются и противопоставляются[12].

Иной случай представляют диалектные различия плана содержания, которые тоже можно квалифицировать как простые. Члены таких различий соотносятся между собой как разные значения многозначного слова, т.е. находятся в отношениях, подобных полисемии. В некоторых случаях соотношения между разными лексическими единицами, тождественными по звуковой форме, оказываются подобными омонимии[13]. Основным методическим приемом при изучении структуры этих различий также является установление своего рода иерархии различительных признаков, хотя в конечном счете приходится прибегать к построению многопризнаковой (фасетной) классификации.

Как уже говорилось выше, представляется правомерным признаки, отражающие какие-то свойства объекта наименования, считать компонентами значения слова (наименования). Однако, когда встает задача установить эти признаки по материалам ответов на вопросы семасиологического раздела "Программы", посвященные в основном архаическим регионализмам, трудности этой задачи очевидны и вряд ли преодолимы, если нельзя опереться на регулярную повторяемость одних и тех же данных. Указания на признаки можно либо принять за указания на различия в значении слов – тогда может оказаться очень много слабо различающихся значений, которые, однако, могут быть разными значениями, учитывая архаичность лексемы (в соответствии с нормой ареала, установленной М. Алинеи [ZMF]), либо учитывать только явные различия, которые никак не могут совместиться в одном значении. В случаях, когда отношения между словами исследуются по специально собранному материалу [Нефедова 1977; Чернейко 1978;

---

[11] Для таких отношений в зарубежной лингвистике употребляются термины *гетеронимия*, *гетероним* [Goossens 1969]. Термины эти можно было бы ввести в употребление, но в отечественном языкознании они уже имеют два других совершенно разных значения [Ахманова 1966], и это служит серьезным аргументом против. Употреблявшееся раньше терминологическое сочетание *междиалектная синонимия* не содержит никакой двусмысленности, но без уточняющего определения термин *синоним* вносит большую неопределенность. Следует иметь в виду, что при тесных междиалектных контактах создается почва для взаимного обмена гетеронимами и возникновения в ЧДС синонимии ([Баранникова 1962; 1963] и др.). Тем важнее не смешивать терминологически разные понятия (ср. [Клепикова 1980]).

[12] Процедура выявления иерархии различительных признаков, разработанная при исследовании простых диалектных различий, применяется постоянно и при исследовании сложных различий, если какие-то их члены соотносятся как простые различия. Однако часто отношения между членами диалектных различий не укладываются в понятие иерархических.

[13] В зарубежной лингвистике предложены термины *аллосемия* и *гетеросемия* [Haitas 1972].

Гынгазова 1984; Ильинская 1986], признаки, различающие значения этих слов, могут быть как бы слишком отражающими конкретную ситуацию для языкового сознания наблюдателя, не относящегося к данной коммуникативной общности (ЧДС), но тем не менее вполне определенно несущими свою различительную функцию, поэтому разными признаются и различающиеся подобными признаками значения одного слова, представляющие диалектное различие плана содержания, исследуемое по материалу ДАРЯ. Релевантность признаков, по которым противопоставляются члены диалектных различий плана содержания, находит подтверждение в отдельных наиболее полных ответах, а также в повторяемости указаний на них, что в территориальном аспекте отражается в наличии ареалов, в которых слово известно в том или ином значении. Если ареалы близких, слабо дифференцированных значений располагаются вперемежку, это может быть и свидетельством диффузности таких значений, недостаточно отраженной в ответах информантов, и показателем начавшейся специализации этих значений в отдельных ЧДС. Все это заставляет при всей избыточности данных, по которым надо делать вывод о различиях в значении одного слова, подходить к ним с известным доверием. Вопросы о том, надо ли картографировать все семантические характеристики (семемы и семы) одной лексемы, могут ли изолексы выделяться по семантическому признаку, были в свое время поставлены В.М. Мокиенко [1970] изучавшим географическую лексику. Судя по многим лексико-семантическим различиям, избыточная вариативность вообще свойственна им в середине XX в. Типичными в этом отношении являются некоторые слова, большинство значений которых относится к географическим объектам, к старым способам хозяйственного использования земли и сельскохозяйственной продукции [Мораховская 1985]. Составляющие такие различия значения могут находиться в родо-видовых и видо-видовых отношениях. Например, для слова *гай* одно из значений относится к родовому понятию 'лес', другие выражают более узкие понятия – не 'лес вообще', а 'лес определенного вида' (лиственный, молодой, с деревьями одного определенного вида и т.д. – [Мораховская, 1975а]).

Вопросы исторической интерпретации лексико-семантических карт

1. Возможности исторической интерпретации карт на лексико-семантические диалектные различия, несомненно, в первую очередь, связаны с тем, имеется ли в нашем распоряжении материал памятников письменности.

Но то обстоятельство, что лингвистическая карта дает воможность интерпретировать диалектное различие как диахронию в синхронии, играет важнейшую роль в установлении истории представленных на ней явлений. Карты ДАРЯ отражают отношения между членами диалектных различий, сложившиеся к середине XX в., когда (в течение

примерно 20 лет) был собран материал для диалектологического атласа русского языка. Моделированные на лингвистической карте, лексико-семантические диалектные различия могут быть условно приняты за синхронное состояние данного фрагмента лексико-семантической системы, хотя синхронность эта относительна. Представляется вообще обоснованной критика этого термина как не вполне однозначного и в то же время слишком явно мотивированного. Однако само понятие 'состояния на такой-то момент (период)' совершенно необходимо в исторических исследованиях, а применительно к лингвистической карте оно может быть трактовано не как нечто застывшее, а именно как так называемая диахрония в синхронии.

2. Понимание диахронии в синхронии первоначально сложилось применительно к моносистеме в том смысле, как трактовал Л.В. Щерба [1945] постоянное наличие в языке наряду с устойчивыми элементами устаревающих и нарождающихся элементов. "В любой синхронно рассматриваемой части языковой системы сосуществуют и осознаются элементы прошедшего состояния, современного состояния и формирующегося будущего состояния. Стилистические элементы, воспринимаемые как архаизмы, с одной стороны, и различия продуктивных и непродуктивных форм, с другой стороны, – это факты диахронии, которые не может игнорировать синхроническая лингвистика" – так сформулировано это положение пражскими лингвистами [TCLP 1929, 196].

Однако разработка теории диалектного различия акцентировала внимание на другом аспекте диахронии – на соотношении членов диалектных различий как разных стадий в развитии отдельных подсистем диалектных систем [Аванесов 1947а].

Такое понимание диахронии в синхронии позволяет принять диалектное различие за исходный материал для процедуры сравнительно-исторических исследований [Мораховская 1973]. Она может быть понята как первый этап исторической реконструкции: "Синхронное описание, выявляющее систему языка, оказывается первым этапом исторической реконструкции. Этот принцип утверждает единство синхронного описания и исторической реконструкции, единство современного и исторического" [Степанов 1975, 119, 120]. Этот принцип действителен для всех уровней языка и особенно важен при исследовании истории диалектных различий[14]. По существу почти на каждой лингвистической карте осуществляется сопоставление различительных элементов, находящихся в отношениях, позволяющих трактовать члены диалектного различия как разные этапы развития данного фрагмента системы языка, относительную хронологию явления.

Во многих случаях диалектное различие, изученное по материалам середины XX в. и показанное на карте, представляет основной исторический источник, по сравнению с которым собственно исторический

[14] Как известно, Ю.С. Степанов имеет в виду язык во всех его территориальных разновидностях и именно такую систему считает исходной для внутренней реконструкции и вообще сравнительно-исторических исследований.

материал – материал памятников – оказывается несравненно более бедным. В других случаях материал карты стимулирует поиски и объединение исторических данных, их осмысление в пространстве на других синхронных срезах, на других этапах развития данного фрагмента лексико-семантической системы.

Установление относительной хронологии членов диалектного различия и восстановление их конкретной истории – как бы разные этапы исторического исследования. Для первого из них главную роль играют структурные отношения (независимо от того, какое диалектное различие – простое или сложное – является объектом исследования с помощью этой процедуры). Восстановление конкретной истории равным образом должно учитывать и структурные отношения (как бы первый этап) и все подвижные элементы – новое и старое, инодиалектное, появившееся под влиянием литературного языка и т.п. В конкретно-историческом исследовании лексики должен быть во всем возможном объеме учтен историко-культурный контекст – те внешние, социальные условия, которые могут играть роль в языковых изменениях: ведь карта представляет результат не чисто внутриязыковых изменений, а всего комплекса действующих причин. По словам немецкого исследователя лексики гончарной посуды Райнера Гильдебранта, "диалектные материалы и составленные на основании их карты это зеркало проблемы" [Hildebrandt 1963, 5].

Ответы на вопросы диалектологической программы и их последующая интерпретация при картографировании показывают, сколь предварительны (а порой наивны) были наши представления о некоторых диалектных различиях до того, как их стали изучать методом массового сбора материала по единой программе с последующим картографированием (что мы уже старались показать выше). Соответственно усложнилось и понятие исторической интерпретации лингвистической карты.

3. Лигвистическая карта может представлять единственный источник восстановления конкретной истории диалектного различия – в тех случаях, когда соответствующий материал не нашел отражения в памятниках. Однако исключительная ценность любых данных письменных памятников несомненна: эти данные помогают понять условия и причины возникновения диалектного различия, время, к которому относятся процессы, обусловившие его появление, объясняют локализацию отдельных членов диалектного различия. Данные памятников помогают понять судьбы тех явлений (на лексико-семантическом уровне – слов и лексико-семантических групп), которые в современном языке и его говорах оставили лишь незначительные следы или вообще не сохранились. Эти данные конкретизируют то, что отразилось в абстрактной структуре современного диалектного различия и в подвижных звеньях его структуры.

Из трудов по исторической лексикологии русского языка лишь немногие используют основной метод лингвогеографии – картографирование.

Следует остановиться на некоторых исследованиях, главным источником которых являются памятники письменности. В первую очередь надо назвать работы Ю.И. Чайкиной. Объектом ее исследования является лексика Белозерья, а целью – воссоздание истории межзональных белозерских говоров [Чайкина 1974]. Основной источник – памятники письменности, хотя данные современных говоров играют в исследовании далеко не вспомогательную роль. Одна из основных целей работы – воссоздание истории межзональных белозерских говоров на материале лексики [Чайкина 1975]. Автор устанавливает, что "на протяжении длительного исторического периода белозерские говоры имели переходный, межзональный характер, поскольку территория Белозерья являлась широкой пограничной полосой, отделяющей северо-западную диалектную зону от северо-восточной" [Чайкина 1976, 3]. Установлено это на материале административной [Чайкина 1976], метрологической [Чайкина 1976$_а$], земледельческой и географической лексики [Чайкина 1975], причем в работе выделены по материалам этих ЛСГ в памятниках разные этапы трансформации этих говоров и осуществлено сопоставление с данными современных говоров. В ряде случаев автору удалось картографировать распространение слов на более ранних этапах и сопоставить на карте с их распространением в современных говорах.

Некоторые карты представляют по существу тот методический прием, который обозначен Р.И. Аванесовым [1963], как составление топохроноизоглоссы [Чайкина 1975, 10, 171]. Другие могут быть использованы для составления топохроноизоглосс [там же, 173–175, 178, 180; 172, 184 и др.].

Ю.И. Чайкина [1975] справедливо считает, что несмотря на трудности картографирования материала письменных источников исследование лексики памятников методом картографирования таит богатейшие возможности и во многих случаях результативнее исторической интерпретации карт, составленных на современном диалектологическом материале. Однако, во-первых, далеко не каждая ЛСГ нашла отражение в памятниках письменности с той полнотой, при которой картографирование целесообразно. Во-вторых, материал, наоборот, может быть настолько обильным, что его картографирование представляет вполне самостоятельную сложную и трудоемкую задачу, которая пока не может быть выполнена.

Исследование Ю.И. Чайкиной – едва ли не идинственное, в котором картографический метод применен к разным синхронным срезам.

Другой лингвогеографический метод – сведение соответствующих данных в таблицы – применен Ю.И. Чайкиной [1987] к материалу ойконимов, судьба которых прослеживается на протяжении всей истории русского языка до нашего времени.

Представляют интерес лингвогеографические проработки большого материала бытовой лексики, выполненные табличным методом на материале широкого круга севернорусских и других памятников Г.В. Судаковым [1988]. Автор попытался представить обобщенную картину

диалектного членения старорусского языка на лексическом материале, соотносимую с выводами авторов монографии, выполненной на современном лингвогеографическом материале, интерпретированном исторически [Орлова и др., 1970].

При оценке значения тех или иных источников нельзя не учитывать в первую очередь наличие в них интересующего нас материала. Но, кроме того, приходится исходить и из степени трудоемкости проработки того материала, который принят за исходный.

Из других работ, в которых метод картографирования применяется в историко-лексикологическом исследовании на материале русского языка, следует назвать исследование В.Я. Дерягина [1966] о формировании диалектов Архангельской области. Основным в нем является материал памятников, который в лингвогеографическом плане дается описательно, а затем сопоставляется с современными данными, представленными на картах. Такое сопоставление тоже оказывается весьма плодотворным.

Большой интерес представляет работа другого типа, выполненная, правда, не на русском материале. Исследователи лексики говоров Припятского Полесья картографируют данные современных говоров по ЛСГ земледелия, продуктов питания и построек, дополняя карты таблицами лексико-семантических отношений слов. Затем рассматриваются данные памятников и сравнительный материал, а затем, последовательно разграничивая инновации и архаизмы, авторы восстанавливают предполагаемый состав древнейших ЛСГ (и соответственно реалии), давая в некоторых случаях свои этимологические разыскания о входящих в них словах [Лексіка 1971].

4. Специфику лингвистической карты, как всякой карты, составляет ее наглядность, качество, которое позволяет делать чисто внешние сопоставления лингвистических и исторических (в широком смысле) ареалов, привлекать картографированные данные археологии, истории и этнографии. Этот классический прием, применяемый в лингвогеографии для исторической интерпретации, весьма продуктивен.

Материалы словарей свидетельствуют о том, что вопрос о диалектном различии невозможно рассматривать, не привлекая данных литературного языка. Во многих случаях слова, имеющие ограниченное распространение в говорах, входят в литературный язык в качестве нейтральных номинативных единиц; слова, которые считались диалектными, могут употребляться писателями не в качестве средств, создающих местный колорит, а в иных функциях. На протяжении истории отношения между собственно диалектными и недиалектными словами меняются. Все это обусловило необходимость привлечения разных источников, не исключая Словаря современного русского литературного языка (ССРЛЯ) и его картотеки (КССРЛЯ).

Часть II

Слова, используемые в качестве названий места, на котором находятся крестьянское жилище и приусадебный участок

1. Диалектное различие в названиях участка земли, на котором находятся дом с хозяйственными постройками, огород (сад), (гумно), и отдельных частей этого участка принадлежит к типу сложных, осложненных этнографическими факторами. Это диалектное различие, состоит из большего числа членов – сематических отношений между словами и создает весьма сложный лингвистический ландшафт, так как и одни и те же и различные семантические отношения реализуются в самых разнообразных наборах лексических единиц.

Название места, на котором находятся жилище и приусадебный участок крестьянской семьи, были предметом исследования на материале говоров значительной части северо-восточной зоны [Мельниченко 1973][15]. По собственным наблюдениям и специально собранным материалам Г.Г. Мельниченко пришел к выводу, что в изучавшихся им говорах не было общего названия участка, а лишь названия его частей – *под домом и надворными строениями*, *под огородом*, *под гумном*. Карта ДАРЯ отчасти подтверждает этот вывод, но не позволяет распространить его на все русские говоры.

2. В данной работе ставится цель – описать структуру диалектного различия, исследованного на материале ДАРЯ при картографировании, а затем попытаться выяснить процесс его формирования, историю отдельных слов и некоторых семантических отношений. Лексика земельных участков представляет собой сложную предметно-тематическую группу, в состав которой входят как названия участков, наиболее освоенных человеком, так и менее освоенных или совсем не освоенных. Языковое сознание выделяет земельные участки либо по признакам характера их использования, либо по каким-то другим ха-

[15] В приложении к этой последней работе, содержащем лингвистические карты (преимущественно лексические), представлено 9 карт на распространение слов, обозначающих усадьбу или часть усадьбы. Данные этих карт уточняют распространение отдельных слов (без дифференциации значений) на избранной автором территории. Слово *ограда*, не отраженное на карте ДАРЯ, образует ареал в верховьях р. Ветлуги. В нашем исследовании не использовались как данные этих карт, так и карты 78 из лингвогеографического приложения к учебному пособию З.П. Здобновой "Территориальное варьирование русского языка в Башкирии", Уфа, 1978.

рактерным признакам. Участок земли, на котором находится крестьянское хозяйство – это наиболее освоенное пространство, в котором все может быть учтено и использовано. Но происходить это может поразному, причем огромную роль играют различные внешние факторы. Учесть все вряд ли возможно, но мы ставим целью рассмотреть некоторые фрагменты лексики крестьянской селитьбы в определенном историко-культурном контексте.

3. Для исследуемого диалектного различия характерно почти полное отсутствие ареалов, которые соответствовали бы таким единицам современного диалектного членения по комплексам признаков как наречия и группы говоров. Но есть некоторое соответствие локализации отдельных слов диалектным зонам. Наблюдается широкое распространение слова *уса́дьба* и наличие множества мелких ареалов, образуемых другими словами. (см. карты 1, 2)

Обращает на себя внимание большое количество названий от разных русских корней, по которым почти всегда легко устанавливаются мотивирующие признаки (*-сад-/-сед-*, *-сел-*, *-твор-*, *-сыр-*, *-гумн-*, *-овин-*, *-зем-*, *-город-*, *-двор-* и др.). От некоторых корней отмечены ряды однокоренных, дающих хорошо выраженные ареалы.

4. Факт сосуществования двух и более названий, имеющий место во многих диалектных системах, свидетельствует, во-первых, о возможности дублетно-синонимических отношений между ними, а, во-вторых, о возможности членения семантического пространства 'участок земли, на котором находятся дом с хозяйственными постройками, огород, сад...', причем неодинакового в разных диалектных системах.

А. Участок, на котором находится крестьянское хозяйство, видимо, в подавляющем большинстве случаев мыслится нерасчлененным языковым сознанием носителей разных диалектных систем, о чем свидетельствует наличие слов в соответствующем значении в качестве единственных названий этого участка (для некоторых слов, – хотя бы в немногих диалектных системах). Но во многих диалектах кроме общего названия всего участка есть названия отдельных его частей, и некоторые слова известны преимущественно в качестве названий отдельных частей. Среди диалектных систем есть такие, в которых кроме общего названия есть названия всех частей, которые в совокупности составляют целый участок, и такие, в которых наряду с общим названием есть названия только одной или некоторых частей участка. Наконец, в значительной части диалектных систем отсутствует общее название, а есть только названия отдельных частей участка.

Сама реалия – участок, на котором находится крестьянское хозяйство, – по-видимому, может состоять из не вполне одинаковых частей в зависимости от местности, от типа застройки населенного пункта [Воронин 1935; Бломквист 1956, 52–53; Лебедева, Милонов 1950]. В частности, (по ДАРЯ), не всегда пространство, занятое жилыми и примыкающими хозяйственными постройками, составляет одно целое с огородом или с гумном (с. Веретея Некоуз. Яросл. обл.). Совершенно факультативны сады в составе хозяйства, во многих местностях их

просто нет. По материалам ДАРЯ прослеживать все это регулярно не представляется возможным, но по отдельным ответам это подтверждается, например:

...Место, на котором расположен дом с прилегающим к нему двором, наз. *дворúшшо*. Засаженный участок земли наз. *огород*. Все вместе взятое – *дворúшшо* и *огорóд* – наз. *зáгорода*. За *зáгородой* в конце *огорóда* раньше было засеянное поле, около которого строился гуменник с овином. Эта постройка и поле к *загороде* не относились (д. Кокунино Прищекснин. Волог. обл.); ...*Ободвóрина* – место, где находился дом с хозяйственными постройками. Огород раньше не располагался рядом с домом, отводились для этого участки в других местах (с. Веретея Некоуз. р-на Яросл. обл.); Место, на котором находится дом с хозяйственными постройками, огородом, садом, называется *усáдьбой*. Раньше *усадьбой* называли лишь возделываемый участок земли, а место под домом в усадьбу не входило, оно называлось *казенным местом*. Участок для огорода иногда отводится и не рядом с домом, а в другом месте, если земля при доме неудобна для огорода (с. Борисовское Кесовогор. Калин. обл.) ...*дворúшчо* – место, на котором находится дом, огород, хоз. постройка; *усадьба* – место под садом (д. Боровая Пустошь Верховаж. Волог. обл.). Только то место, которое отведено под огород, наз. *усáдьбой*. Садов в деревне нет (д. Кичуг Опарин. Киров. обл.) и т.п.

По карте можно заметить почти полное отсутствие в пределах юго-западной зоны специальных названий той части участка, которая предназначается под посадки овощей, картофеля и под гумно, где сады обычны. Названия участка под домом и надворными постройками отмечены здесь не реже, чем на остальной территории, где имеются и названия участка под посадками и гумном, но по материалам ДАРЯ более или менее компактные ареалы таких названий связаны с определенными словами, у которых преобладает либо одно, либо другое значение.

На основании наиболее полных ответов можно установить модели семантических отношений между словами, относящимися к участку земли под всем крестьянским хозяйством и к отдельным частям этого участка. Минимальная модель представлена нерасчлененностью семантического пространства

'участок земли, на котором находятся дом с хозяйственными постройками, огород, (сад), (гумно)'

Отношения 'целое' : 'части' реализуются в нескольких моделях:

(I)

I. 'место, на котором находятся дом с хозяйственными постройками, огород, (сад)'

II. 'место, на котором находится дом с хозяйственными постройками'

III. 'место, на котором находятся огород, (сад), (гумно)'

Эта модель может реализоваться тремя разными словами:

I *за́города*, II *двори́ще*, III *огород* (д. Кокунино Пришекснин. Волог. обл.); I *одворина*, II *усадьба*, III *овинница*, *за́города* (д. Локтево Арефин. Яросл. обл.); I *подворок*, II *план*, III *огуменок* (д. Касково Удомель. Калин. обл.); I *ободворица*, II *ободворинное место*, III *овинница* (д. Племянниково Тутаев. Яросл. обл.); II *усадьба*, *оседланность*, II *огуменок*, *огумно*, III *огород* (д. Арефино Большесель. Яросл. обл.); I *земля*, *номер*, II *дворина*, III *огородец* (д. Васильево Солигалич. Костр. обл.); I *план*, II *усадьба*, III *огородец* (д. Сидорово Николь. Волог. обл.); I *усадьба*, II *сыровой участок*, *сыр*, III *подсырок* (д. Красново Леж. Волог. обл.); I *подсырок*, II *дворина*, III *гумно* (с. Орлово того же р-на); I *обседланность*, II дворина, III гумно, гуменник (д. Ананьино Солигалич. Костр. обл.); I *усадьба*, II *сыр*, III *подсырок* (д. Ваганово Леж. Волог. обл.); I *за́дворка*, II *дворина*, III *огородец* (д. Даниловское Галич. Костр. обл.); I *усад*, II *печина*, III *гуменник* (д. Кондюково Комсомоль. Иван. обл.); I *усадьба*, II *дворина*, III *усад* (д. Колбино Макарьев. Костр. обл.); I *осырок*, II *дворина*, III *ободворок* (д. Мокшино Калинин. Горьк. обл.);I *усадьба*, II *грунт*, III *селиба* (д. Дятлово Велиж. Смолен. обл.);I *усадьба*, II *место*, III *гумно* (д. Легково Загор. Моск. обл.); I *усадьба*, II *одворица*, III *огород* (с. Власово Кривандин. Моск. обл.); I *усад*, II позьмо, III *усадьба* (с. Протасово Саран. Морд. АССР).

Но нередко модель реализуется не тремя разными словами, а двумя, из которых одно имеет значение и всего участка, и одной из его частей:

I *усадьба*, II *оседлость*, III *усадьба* (д. Коварзино Кириллов. Волог. обл.);

I *оседланность*, II *оседланность*, III *сдворок* (д. Жихново Опечен. Новгор. обл.);

I *обседланность*, II *обседланность*, III *ободворина* (д. Антонково Данилов. Яросл. обл.);

I *усадьба*, II *казенное место*, III *усадьба* (с. Борисовское Кесовогор. Калин. обл.);

I *усадьба*, II *творило*, III *усадьба* (д. Нижняя Волманга Мурашин. Киров. обл);

I *усадьба*, II *усадьба*, III *позадки* (д. Заболотье Рамен. Моск. обл.);

I *позьмо*, II *плант*, III *позьмо* (с. Ильинское Починков. Горьк. обл.);

I *усадьба*, II *позьмо*, III *усадьба* (с. Блохино Саран. Морд. АССР).

Иногда наряду с таким двухзначным словом приводятся в этих значениях и другие слова:

I *сдворок*, I *усадьба*, III *план*, *сдворок* (д. Глушица Чудов. Новг. обл.);

I *удворок*, II *усадьба*, *удворок*, III *огород* (д. Пашозеро Капшин. Ленингр. обл.);

I *одворина*, *оседланность*, *гуменница*, II *оседланность*, III *овинница* (д. Шелково Тутаев Яросл. обл.).

В некоторых случаях по материалам выявляются другие варианты подобной модели – с названием всего участка, но с иными вычленениями его частей, например:

(2)

I. 'место, на котором находятся дом с хозяйственными постройками, огород, гумно'

$III^{в}$. 'место, на котором находятся хозяйственные постройки (без избы), огород, гумно'	$II^{а}$. 'прилегающий к дому участок с хозяйственными постройками'

Этот вариант реализуется в словах I *усадьба*, $III^{в}$ *загорода*, $II^{а}$ *одворина* (д. Косово Молоков. Калин. обл.);

(3)

I. 'место, на котором находятся дом с хозяйственными постройками, огород, сад'

$III^{а}$. 'место, на котором сажают овощи'	$III^{б}$. 'место, на котором сажают картофель'

Реализуется в словах:

I *осырок*, $III^{а}$ *огородец*, $III^{б}$ *лужок* (д. Овечкино Оршан. Мар. АССР);

I *усадьба*, $III^{а}$ *огород*, $III^{б}$ *усад* (д. Амачкино Павлов. Горьк. обл.);

I *оседлость*, $III^{а}$ *огород*, $III^{б}$ *усад*, *усадьба* (с. Березники Дальне–Константин. Горьк. обл.);

I *поместье*, $III^{а}$ *усадьба*, $III^{б}$ *огород* (с. Каргашино Сасов. Ряз. обл.)

Еще один вариант представлен в д. Ананьино Солигалич. Костр. обл.:

Место, на котором находится дом с крытым двором, называется *двориной*; место, на котором находятся хозяйственные постройки [на схеме – сарай, анбар, гувно с ладонью и овином], называется *гувенником* или *гувном*; весь участок с домом, огородом и хозпостройками называется *обседленностью* или *обседлиной*.

При наличии названия всего участка земли гораздо чаще наблюдается специальное название лишь одной какой-либо его части, чем нескольких. По материалам ДАРЯ особенно часто приводится название места под посадками овощей и картофеля. Модель таких семантических отношений двучленная, так же как и реже реализуемая модель семантических отношений между словами, являющимися названием всего участка и места под домом и хозяйственными потройками:

(4)

I. 'Место, на котором находятся дом с хозяйственными постройками, огород, сад...'

	III. 'Место под посадками картофеля, овощей, фруктовых деревьев'

(5)

I. 'Место, на котором находится дом с хозяйственными постройками, огород, сад...'

II. 'Место, на котором находится дом с хозяйственными постройками'

Реализуются эти ЛСП в самых различных ЛСГ из приведенных выше слов и некоторых других, представленных в ответах единичными примерами (*корень, гнездо, квартал* и т.п.). Многие слова могут стоять в любой из позиций, которые составляют эти две модели. Так, для модели (4) отмечены различные слова с корнем *-двор-* как в I, так и в III позициях:

I *усадьба*, III *одворина* (д. Лаврово Мгин. Лен. обл.); I *одворина*, III *гумно* (д. Лиховидово Любим. Яросл. обл.); I *усадьба*, III *ободворица* (д. Мал. Степановская Сольвычег. Арх. обл.); I *ободворица*, III *усадьба* (д. Остажевский Починок Подосин. Киров. обл.); также и другие слова: I *усадьба*, III *оседлость* (с. Муньга Вашкин. Волог. обл.); I *оседлость*, III *загорода* (д. Яхренга Сямжен. Волог. обл.); I *оседлость*, III *усадьба* (д. Меглино Пенов. Великол. обл.): I *дворина*, III *осырок* (д. Бурундучиха Поназыр. Костр. обл.) и т.п.

Для модели (5) также отмечены одни и те же слова в разных позициях:

I *усадьба*, II *поместье* (д. Рагозина Знам. Орл. обл., д. Андреевка Чернян. Белгород. обл., с. Чихачевка Новопокров. Сарат.); I *поместье*, II *усадьба* (с. Данилкино Балашов. Сарат. обл.); I *огород*, II *оседлость* (с. Абрамовка Майнск. Ульян. обл.); I *усадьба, оседлость*, II *одворье* (д. Ивачино Харов. Волог. обл.); I *поместье*, II *позьмо* (с. Малое Щербедино Романов. Сарат. обл.); I *позьмо, поместье*, II *оседланность* (с. Березовка Балашов. Сарат. Обл.).

Но для некоторых слов можно установить явное преобладание их только в одной из позиций. Из слов с корнем *-двор-* суффиксальное образование *дворина* чаще всего приводится в качестве названия всего участка в модели (4), при этом второй член (III) реализуется в словах *гумно, гуменник, осырок, огородец*. Слова с корнем *-гумн-/-гумен-* могут в ряде случаев обозначать не приусадебный участок со всеми посадками и лугом, а приусадебный участок покоса или место, где находится ток и постройки для хранения половы, соломы, снопов. Вместе с тем в некоторых ответах на "Программу" есть вполне определенные указания на то, что, например, слово *гумно* означает 'место, на котором находятся дом с хозяйственными постройками, огород и т.д.' и что в таком значении слово употребляли старики[16] (д. Романиха

[16] Как отмечает А.К. Байбурин [1983, 38], "рогатый скот в славянских ритуально-мифологических системах чаще всего фигурирует в сюжетах, построенных на обыгрывании противопоставления дом (двор)–лес. При этом скот соотносится с первым членом этой оппозиции, как животные, освоенные человеком, ставшие «культурными», что позволяет в менее развернутых и более семиотичных сюжетах использовать образ скота в качестве символа дома (двора), хозяйства и т.п.". Возможно, что к этому восходит использование в рассматриваемом значении слова *гумно* (этимологию которого связывают с крупным рогатым скотом – [ЭССЯ 1980]) уже вне ритуального контекста.

Некоуз, с. Халяво Маслов. и д. Петряево Борисоглеб. Яросл. обл.; д. Лукино Юж. Иван. обл.; д. Маланьинская Криванд. Моск. обл.; д. Русские Атаи Красно-Четайск. и с. Турдаково Кувакин. Чуваш. АССР; с. Чиресь Б.-Болдин. Горьк. обл.; с. Калабино Задон. Липец. обл.).

В модели (5) чаще всего в качестве названия всего участка приводится слово *усадьба*, названия места под домом и хозяйственными постройками чаще всего – дериваты с корнем *-двор-* (*одворок*, *дворище*, *дворина*, *одворица*, *ободворица* и др.), слова *оседлость*, *оседланность*, *план*.

Отмечена модель, при которой языковое сознание носителей говора вычленяет специальным названием в качестве целого понятие места, на котором находится дом с хозяйственными постройками (II), а в качестве части – понятие места, на котором находится дом (IIб):

(6)

II. 'Место под домом и хозяйственными постройками'
$II^{б}$. 'Место под домом':

II *усадьба*, $II^{б}$ *селиба* (с. Усть-Демино Ельнин. Смолен. обл.); II *оседланность*,$II^{б}$ *усадьба* (д. Крутицы Тарус. Калуж. обл.).

Еще одна модель: (7) – I 'место, на котором находятся дом с хозяйственными постройками, огород, сад' – $II^{в}$ 'место, занятое хозяйственными постройками без дома' реализуется в словах I *усадьба* или *загорода*, $II^{в}$ *дворище* (д. Стояново Молоков. Калин. обл.).

Б. Особенностью многих диалектных систем является отсутствие названия всего участка земли, на котором находятся жилье и хозяйство крестьянской семьи. Наиболее распространенной моделью семантических отношений между словами, служащими названиями отдельных частей участка, является следующая модель:

(1)

II. 'Место, на котором находится дом с хозяйственными постройками'	III. 'Место, на котором находятся посадки овощей и картофеля, плодовые деревья...'

Особая распространенность этой модели подтверждается тем, что некоторые пары слов в таких семантических отношениях образуют заметные ареалы. К западу и северо-западу от Москвы наблюдается ареал слов: II *план(т)*, III *усадьба*. На крайнем северо-востоке такие же семантические отношения имеют место между словами: II *печище*, III *усадьба* или *огородец*. Небольшой ареал к югу от Рыбинского водохранилища образует слово *печина* в сочетании с разными словами: II *печина*, III *усадьба*; II *печина*, III *огород*; II *печина*, III *гумно* или *гумнище*.

Другие сочетания слов не образуют ареалов и локализуются по всей

картографированной территории, исключая юго-западную зону, в пределах которой такие отношения почти не отмечены. Отдельные слова довольно часто встречаются только или преимущественно в одной из позиций. Так, слово *место* отмечено в ряде случаев в позиции II, реже в этой же позиции встречается слово *поместье*. В позиции III эти слова не отмечены. Из слов с корнем *-двор-* (которые в совокупности чаще всего занимают позицию II), самые частотные слова – бесприставочные *дворина* и *дворище*, не отмеченные в позиции III, а также слово *сдворок*, возможное и в позиции III. Во II позиции отмечены также слова *план*, *позьмо* и некоторые другие, а также слово *усадьба*, которое, однако, в несколько раз чаще встречается в III позиции, сочетаясь практически с любым словом позиции II. В позиции III часто приводится слово *усад*, несколько реже *огород* и слова с корнем *-гумн-/-гумен-*. Материалы свидетельствуют о том, что участок, занятый крестьянским хозяйством, мог члениться иначе, например: *ободворина* – место, на котором находится дом, двор, огород; *овин* или *овинник* – участок, на котором садили картошку и частью оставляли под покос (д. Хмелевица Пречистен. Яросла. обл.); *обсёдлось*, *обсéдлось* – место, на котором находится дом с хозяйственными постройками; *капусник* – огород перед домом; *огноек* – огород сразу за домом (д. Межерье Борисово-Суд. Волог. обл.). Место, где находится дом – *дворина*; земля около дома – *ободворок*; земля, занятая картофелем, называется *усад* или *огородец* (д. Веселовка Варнавин. Горьк. обл.). *Усадьба* – дом с хоз. постройками и сад; *усад* – где овощи сажают (огород), картошку, просо (д. Хабаровское Богород. Горьк. обл.). *Селитьба* – место с постройками и огород; *усад* – приусадебная земля за огородом (с. Новые Селищи Б.-Игнатов. Морд. АССР); *Двор* – где стоит дом и хозпостройки; *гумно* – приусадебный огород; *поместье* – усадьба без дома (с. Калмык Поворин. Воронеж. обл.).

В некоторых случаях имеются данные о том, что место под домом и надворными постройками не имеет названия, выделяются языковым сознанием только участки за пределами собственно двора.

Общего названия для всего участка, на котором находятся дом с хозпостройками, огород, сад, в говоре нет. Различаются: *огород* или *садебник* – участок под огородными культурами, и *усад* – участок за *огородом*, где расположены хоз. постройки, овины, повершки и др. (д. Рожниха Тонкин. Горьк. обл.); *Усадьба* – место, где сеют и сажают различные культуры без гряд, в отличие от *огорода*, где расположены грядки (д. Боровая Хиславич. Смолен. обл.); *Усад* – земля около дома; *угород* – земля, засаженная чем-нибудь (с. Крутец Бутурлин. Горьк. обл.).

В. При отсутствии общего названия всего участка земли, на котором находилось жилье и хозяйство крестьянской семьи по говорам довольно

Таблица 2

Максимальная модель членения семантического пространства 'место, на котором находится крестьянское хозяйство (дом, хозяйственные постройки, огород, сад...)'

Внеязыковые ситуации	места, на которых находятся дом, хозяйственные постройки, огород, сад, гумно	места, на которых находятся дом, хозяйственные постройки, огород, сад	места, на которых находятся дом, хозяйственные постройки, огород	места, на которых находятся дом и хозяйственные постройки	места, на которых находятся огород перед домом, хозпостройки, огород
Единицы членения семантического пространства	'место, на котором находятся дом, хозяйственные постройки, огород, сад, гумно'	'место, на котором находятся дом, хозяйственные постройки, огород, сад'	'место, на котором находятся дом, хозяйственные постройки, огород'	'место, на котором находятся дом и хозяйственные постройки'	'место, на котором находятся огород перед домом, дом, хозяйственные постройки, огород за домом'
	'место, на котором находятся дом, хозяйственные постройки, огород, (сад)'	'место, на котором находятся дом, хозяйственные постройки, огород'	'место, на котором находятся дом и хозяйственные постройки'	'место, на котором находится дом'	'место, на котором находится огород перед домом'
	'место, на котором находятся дом и хозяйственные постройки'	'место, на котором находится сад'	'место, на котором находится дом'	'место, на котором находятся хозяйственные постройки'	'место, на котором находятся дом и хозяйственные постройки'
	'место, на котором находится гумно'	'место, на котором находятся дом, хозяйственные постройки и сад'	'место, на котором находится огород'		'место, на котором находится огород за домом'
	'место, на котором находятся огород, гумно и хозяйственные постройки на гумне'	'место, на котором находится огород'	'место, на котором находятся огород и хозяйственные постройки'		
	'место, на котором находится огород'	'место, на котором находится дом'	'место, где складывают дрова'		
	'место, на котором находятся хозяйственные постройки при доме и на гумне, посадки или посевы'	'место, на котором находятся хозяйственные постройки'	'свободное место на участке'		

широко распространено наименование только участка под домом и надворными постройками или (реже) только под посадками. Первое чаще отмечается в пределах южнорусских говоров, реализуется больше всего в слове *поместье*, а также в словах усадьба, *двор*, *позьмо* и некоторых других. Второе значение, реализуемое в словах *загорода*, *огород*, *усад*, *усадьба*, *гумно* и др., известно в северном наречии, среднерусских говорах и на востоке южного наречия. Такое вычленение либо одного, либо другого понятия некоторыми словами распространено небольшими ареалами. В южном наречии ареалы обозначения только места под постройками отмечены для слов *поместье*, *усадьба*, *позьмо* нередко при их сосуществовании в одних и тех же ЧДС. В качестве названий только места под посадками небольшие ареалы отмечены для слов *загорода* (в верховьях р. Ваги), *огородец* и *усадьба* (на севере картографированной территории).

Рассмотренный материал позволяет представить в таблице 2 максимальную модель диалектного различия (см. с. 56).

5. Исследование структуры сложного ДР, построение парадигм семантических отношений и максимальной модели осуществлено на материале ответов на вопрос 141 "Программы": Как у вас называется: Место, на котором находится дом с хозяйственными постройками, огород, сад... Обращение к другим вопросам, не относящимся специально к участкам земли (Как у вас называется: 145. Постройка для скота...; 146. Огороженное место для скота: а) при доме... б) в поле, в лесу; 148. Площадка, на которой молотят...; 149. Постройка для хозяйственного инвентаря...; 151. Изгородь...), позволяет установить "многозначность" некоторых слов, т.е. участие их в семантических ДР, а привлечение материалов областных словарей свидетельствует о том, что большинство слов, рассматриваемых нами в их значениях, связанных с местом, на котором находится крестьянское домохозяйство, обладают или обладали еще рядом значений, относящихся к домохозяйству или сельскохозяйственному производству, землепользованию, к некоторым другим тематическим группам. Несомненна связь семантической структуры многих слов в русских говорах со сложностью исторического процесса эволюции крестьянства, как главного производителя средств потребления, связанного с землей как основным средством производства. Но большинство рассматриваемых слов функционирует или функционировало не только в говорах.

Исследования историков и историков языка позволяют представить общий процесс хозяйственного освоения земли на материале лексики подсечного и пашенного земледелия, терминов землевладения, поселений и землеустройства [Воронин 1935; Введенская 1941; Косвен 1950; Лебедева, Милонов 1950; Кочин 1965; Богачук 1972; Чайкина 1975; 1976; Лемтюгова 1983]. Чтобы понять, как именно и с какого времени появилось современное значение 'место, занятое крестьянскими постройками и приусадебным участком' у того или иного слова и насколько оно терминологично, приходится в некоторых случаях иссле-

довать слова в различных ЛСВ и привлекать к рассмотрению материалы, предшествующих веков.

Рассмотрим характер многозначности ряда слов из числа исследуемых и некоторые их деривационные связи в современном русском языке и в его истории.

Существительные с корнем *-двор-*

Группа существительных с корнем *-двор-* многочисленна, в ее состав, кроме слова *двор*, входят слова, образованные с самыми различными аффиксами. Характер многозначности ряда слов таков, что не всегда можно с уверенностью разграничить разные значения: во многих случаях имеет место очевидная зависимость от обстоятельств внешнего порядка, которую трудно интерпретировать при отсутствии данных о других словах – ближайших семантических соседях – и достаточных контекстов их употребления.

Непроизводное *двор*

Исконное слово русского и других славянских языков, общеизвестное и в общем понятное всем, говорящим по-русски. Оно принадлежит к числу таких многозначных слов, которые, входя в словарный состав литературного языка в нескольких значениях, в говорах образуют диалектное различие плана содержания, членами которого оказываются и еще некоторые значения, в том числе и не относящиеся к крестьянскому домохозяйству. Слово это является, видимо, и в диалектных системах многозначным, поскольку некоторые значения литературного языка издавна были связаны именно с крестьянским довором как податной единицей. Значение 'место, на котором расположено крестьянское домохозяйство' передается в некоторых говорах одним только словом *двор*. Это отмечено в основном в пределах юга юго-западной зоны, где вычленение отдельными названиями различных участков этого места при отсутствии общего названия наблюдается редко, но неоднократно отмечено вычленение названия места только под постройками (не только словом *двор*). Рассматриваемые значения (общее и видовое) отмечены в основном по материалам ДАРЯ (см. карту 2), они не подтверждаются материалами КСРНГ, не выделены в словаре (СРНГ, 7). Указание на такое значение имеется в материалах по Рязанской области ([Руделев 1958] д. Плахино Захар. р-на). И среди ответов на "Программу" имеются наряду с "прямыми" довольно развернутые ответы, не дающие повода сомневаться в наличии этого значения:

Двор – место, на котором находится дом с хоз. постройками. Сад, огород не входит сюда. Сад и огород при доме – *зъуироды* (с. Угревище Комарич. Брян. обл.); *Двор* – место, на котором стоят постройки. *Усадьба* – площадь позади двора (с. Панино Медвен. Кур. обл.); Место,

на котором находится дом с хозяйственными постройками: *двор* – огораживают или деревянной или каменной стеной (с. Успенка Должан. Орлов. обл.) Место, на котором находится дом с хоз. постройками, раньше называли дваро́м или *ґаро́дом*. В настоящее время называют *памéсьйем* (с. Расховецк Уколов. Белгор. обл.). В некоторых ответах на этот вопрос слово *двор* приводится в несколько ином значении: *двор* – дом со всеми хозяйственными постройками и приусадебным участком (с. Азаровка Воронк. Брян. обл.); *Двор – хата* с пристройками; огород в это понятие не входит (д. Евдокимовка Комарич. Брян. обл.). В пределах северного наречия тоже находим подобные факты: *Двор* (специального названия нет). *Двором* называют участок с домом, огородом и хоз. постройками (д. Кононовская Тарног. Волог. обл.).

Все эти варианты возможны имея в виду тот общий семантический признак, который характерен почти для всех значений слова *двор* – 'ограничение в пространстве'. Значения, которые отмечены у слова *двор* по материалам ДАРЯ [Мораховская 1978], характерны для этого слова в разных диалектных системах, причем они в значительной степени обусловлены типом крестьянских построек той или иной местности. Кроме рассмотренных выше значений 'место, на котором находится дом с хозяйственными постройками, огород, (сад)', 'место, на котором находится дом с хозяйственными постройками' и 'дом со всеми хозяйственными постройками и приусадебным участком', о локализации которых уже говорилось, отмечены значения: 'постройка для скота и других хозяйственных нужд при доме', 'специальная постройка для скота, хлев', 'постройка для крупного скота', 'постройка для мелкого скота'. Эти значения распространены за пределами юго-западной зоны, причем в зависимости от того, с названиями каких еще построек или помещений для скота находится в непосредственных семантических отношениях слово *двор*, выступает то или иное его значение. Отсутствуют эти значения не только в юго-западной зоне (в пределах которой на юге отмечены исследуемые значения, связанные с участками земли, а в Смоленщине находим отдельные указания на значение 'огороженное место для скота при доме'), но также во многих говорах к востоку от Москвы, где также распространено значение 'огороженное место для скота при доме'. По материалам ДАРЯ не удается выяснить, в какой степени органичным для всех этих случаев является наличие у слова *двор* и тех значений, которые оно имеет в литературном языке, а именно 'пространство между оградой и хозяйственными постройками, находящимися при доме'; 'отдельное, самостоятельное хозяйство; крестьянская семья, ведущая нераздельное хозяйство' (ССРЛЯ)[17]. Однако эти значения не могли совсем отсутствовать в структуре слова, поскольку первое значение, обычное применительно к городскому

[17] В СРЯ значения сформулированы несколько иначе, и приведено из художественной литературы как отдельное еще значение 'помещение, постройка для скота, хозяйственного инвентаря и т.п.' (без помет).

быту, должно было усваиваться при самом поверхностном знакомстве с городом, а второе было законодательно закреплено: поскольку крестьянское хозяйство, именуемое *двором*, представляло определенную хозяйственную единицу, а также единицу обложения различными повинностями и налогами, слово *двор* было обычным в деловом языке до недавнего времени. В Конституции СССР 1954 г. были записаны права и обязанности *колхозного двора* как определенного семейно-трудового объединения лиц, совместно владеющих жилыми и хозяйственными постройками, скотом, мелким сельскохозяйственным инвентарем и совместно ведущих свое подсобное хозяйство (которое является не только потребительским, но и товарным). В настоящее время слово *двор* в печати часто заменяется словом *подворье*; в связи с развернувшимся на селе строительством новых типовых домов "усадебного типа" у слова *усадьба*, видимо, может активизироваться значение 'отдельное самостоятельное хозяйство'. Но в середине XX в., когда собирались материалы ДАРЯ, слово *двор*, видимо, широко употреблялось в этом значении.

В СРНГ у слова *двор* выделено 18 значений, половина которых относится непосредственно к крестьянскому домохозяйству, в частности, несколько значений относится к разным типам построек и помещений для скота. Эти последние значения выделены в соответствии именно с типом постройки, хотя не во всех случаях можно понять, почему та или иная информация о дворе (имеем в виду иллюстративный материал) отнесена к значению 7, а не к 6 или 8 (например, данные по Ленинградской обл., сообщенные Т. Лупповой – СРНГ. Вып. 7. С. 295).

В картотеке СРНГ довольно много материала, иллюстрирующего разные значения, относящиеся к постройке для скота. Характеризуется, главным образом, тип постройки или пристройки для скота, есть указания на назначение (для какого именно скота) – все данные, за единичными исключениями, относятся к территории, картографированной в ДАРЯ, и ко времени сбора материала для ДАРЯ. Эти данные относятся к той части территории, для которой слово *двор* картографировано в значениях с общим семантическим признаком 'постройка для скота' (различающаяся по признакам устройства и назначения) и 'постройка для скота и других хозяйственных нужд'. Это – территория северного наречия, западных среднерусских говоров. Имеются единичные данные из Бронницкого р-на Московской обл. (I, 78, д. Ванилово, Каринский 1936) и из Дубенского р-на Тульской обл. (I, д. Селино, Филин 1948).

В.Г. Руделев [1958], исследовавший лексику строительства и построек в ряде селений Рязанской обл., приводит в качестве первого значения 'пространство земли возле крестьянской избы, занятое частично надворными постройками', а затем и одно из исследуемых значений, о котором уже говорилось. Характеризуя далее вид открытого двора, типичный для юга Рязанской обл., он уже говорит о совокупности надворных хозяйственных построек, составляющих одно

целое. Он замечает, что в этом значении ('совокупность надворных построек и открытого пространства между ними') слово *двор* употребляется во многих говорах Калужской, Тульской, Липецкой, Пермской областей и что в восточных районах Тульской и пограничных с ними Липецкой областей во многих деревнях исчезли большие дворы, причем само название *двор* иногда переносят на небольшую постройку для скота. В словарных материалах В.Г. Руделева находим свидетельства того, что в центральных районах Рязанской области известны были крытые дворы (например, в с. Кораблино). По личным наблюдениям автора *двор* в значении 'постройка для скота' известно в Пензенской обл. За пределами картографированной территории слово *двор* в качестве названия постройки для скота отмечено в Вятской губ. (...против клети тянется длинный сруб, его называют *двор*, в нем же устраивают хлевы – (II, 688, с. Зашижемье, Орлов. у. С. Золотарев, 1896), в Заволжье (I, 865, Баранникова, 1965), в ряде районов Новосибирской обл. II, 816, А.И. Федоров, 1964–1969).

Материалы по Архангельской обл. подтверждают характерный для севера двухэтажный тип двора под одной крышей с домом, причем *двором* может называться все это сооружение, которое иногда трактуется как 'часть дома', например:

Двор – часть дома, где помещается скот, обычно двухэтажная (II, 915, Верхне-Тоем. Арх., 1963–1965) или как 'надворная постройка': *Двор* – в смысле надворная постройка. В Нижней Зимней Золотице *дворы* в два этажа: внизу – хлев, наверху – сеновал; примыкает к жилому двухэтажному помещению, с которым находится под одной крышей (I, 784, Примор. Арх., Былины Крюковой, 1938–1941). Слово *двор* может означать и само помещение для скота: *Двор* – задняя нижняя часть северного дома, место для стоянки скота. В углу *двора*, рубленого из бревен, стоит бревенчатый хлев для коровы и овец. Над *двором* находится "повить" – склад сена и соломы. Через отверстие в полу "повити" бросают корм в "ясли", стоящие *во дворе* (II, д. Шадреных Вельск. р. Арх., 1956) (См. также [Дерягин 1966]).

Значение 'дом с пристройками' устанавливается на основании двух фиксаций, относящихся к прошлому. *Двор* – дом с пристройками (КСРНГ, I, 145, Тобол., Патканов и Зобнин, 1899); *Двор поставить* – построить двор и дом (КСРНГ, II, 19, Мещовск. у. Калуж. г. Косогоров, 1916).

Значение 'дом, а также семья, живущая в нем; хозяйство семьи', приведенное первым, иллюстрируется в СРНГ в основном примерами со словосочетанием *двора смотреть*, зафиксированным в Калужской и Курской губерниях в первые десятилетия XX в. (II, 19, Мещовск. у. Калуж. г. Косогоров, 1916; Курск., Обоян.; но также II, 65, д. Усожа Комарич. р-на Брян. обл., А.И. Федоров, 1961). Сюда же, видимо, относятся словоупотребления *уво двор пошел* (в значении 'вошел в семью' – о женихе Мещовск. у.), *взять зятя во двор* (КСРНГ, II, 163,

Таблица 3

Семантические признаки / Значения	'ограниченное пространство'	'целое'	'часть целого'	'совокупность'	'отдельность'	'отношение к жилой постр.'	'приют, укрытие'
	1	2	3	4	5	6	7
1 'место, на котором находятся дом с хоз. постройками, огород, сад...'	+	+		+	+	+	
2 'место, на котором находятся дом с хоз. постройками'	+		+			+	
3 'огороженное место для скота при доме'	+		+			+	
4 'огороженный участок при доме, по краям которого находятся постройки (для скота и других хоз. нужд)'	+		+			+	+
5 'совокупность построек для скота и некрытого пространства между ними и оградой при доме'	+			+		+	+
6 'постройка для скота и других хоз. нужд при доме'	+					+	+
7 'примыкающая к дому часть хоз. постройки'	+		+			+	

'вертикальное заграждение'	'наличие кровли'	'для скота'	'связь с разными хоз. нужд.'	'отношение к социальн. сфере'	'к морским и речным промыслам'	'деталь орудия или приспособления'	'географич. понятие'
8	9	10	11	12	13	14	15
			+	+			
			+				
+		+					
+		+	+				
+	+	+	+				
+	+	+	+				
+	+		+				

Таблица 3 (продолжение)

	1	2	3	4	5	6	7
8 'нежилая часть дома между комнатами и хоз. постройками'	+		+			+	
9 'помещение для скота в нижней части двухэтажной пристройки к дому'	+		+			+	+
10 'часть дома, где помещается скот, обычно двухэтажн.'	+		+			+	+
11 'двухэтажная постройка для скота под одной крышей с домом'	+	+				+	+
12 'отдельная постройка для скота при доме'	+	+			+	+	+
13 'отдельное крестьянское хозяйство'	+	+			+		
14 'совокупность жилых и хоз. построек крестьянской семьи'	+	+		+	+	+	+
15 'крестьянская семья, ведущая общее хоз-во'				+	+		
16 "группа домохозяев, которым отводится один общий участок при разделе земли'	+			+			

Таблица 3 (продолжение)

8	9	10	11	12	13	14	15
+	+						
+	+	+					
+	+	+					
+	+	+					
+	+	+					
			+	+			
+	+	+	+	+			
			+	+			
			+	+			

Таблица 3 (окончание)

	1	2	3	4	5	6	7
17 'огороженное сетями пространство в море, реке в период лова рыбы и морских животных'	+						
18 'мотня невода'	+						
19 'широкое входное отверстие, образуемое большим обручем мережи, ее передняя часть'	+						
20 'полусферическое углубление во льду с небольшой закрываемой прорубью в нем для вылова замороженной рыбы'	+						
21 'участок реки, специально очищенный ото льда для вывода судов в затон, к берегу на время ледохода'	+		+				
22 'небольшая ложбина на солнцепеке в верховье реки, заросшая лесом'	+						
23 'устье русской печи'	+						
24 'пространство между рогалем и поперечиной в сохе'	+						
25 'пространство на плоской части мельничного жернова у отверстия, где проходит стержень, не иссеченное бороздами'	+						

Таблица 3 (окончание)

8	9	10	11	12	13	14	15
				+	+		
					+	+	
				+	+	+	
					+	+	
					+		
							+
						+	
						+	
						+	

Кулеватово, Маршан. Тамб., Давыдов, 1849) *из двора* пришлют (КСРНГ, II, 32, II Доп., Калуж.), *приходиться по двору* (КСРНГ, II, 19, Мещовск. Калуж. Косогоров, 1916) и т.п.

Между прочим, наречие *двору* в значении 'домой' отмечено в тех областях (по КСРНГ и по материалам ДАРЯ), где фиксировались эти словосочетания, но более определенно локализовано в юго-западной зоне.

Значение 'огороженное место для скота при доме' приводится в СРНГ только для Сибири по современным материалам (Ордын. Новосиб. 1966; Том., Кемер., 1969). В словаре выделено также значение 'группа домохозяев, которой отводится один общий участок при разделе земли' (Рост. Яросл., 1896, Яросл. – по материалу (КЯОС 1961) составленному Г.Г. Мельниченко, т.е. видимо, значение подтверждено более поздними данными). В такой формулировке можно видеть отражение общинных отношений в землевладении, так как под группой домохозяев нельзя понимать одну крестьянскую семью, а под общим участком лишь участок под застройку. В значении 'отдельное крестьянское хозяйство' (КСРНГ I, 865, Заволжье, Баранникова, 1965), видимо, скрыта совмещенность значений 'весь комплекс жилых и хозяйственных строений на одном участке', 'обитатели этого комплекса (семья или несколько семей, родственники...)', 'имущество семьи' и т.д.

В СРНГ приводятся также значения 'гроб, могила' (аналогичное этому же значению слов *дом*, *домовина*), 'место в сарае', 'постоялый двор' (по материалам XIX в.), 'нежилая часть дома между комнатами и хозяйственными постройками' (СРНГ, Усть-Цилем., Арх., 1953). Кроме того, в нем содержатся терминологические значения, связанные с речным хозяйством ('участок реки, специально очищенный ото льда') и с рыболовством. – В каждом случае речь идет о пространстве, ограниченном чем-либо (в воде – льдом, сетями, обручем или крыльями мережи в виде 'входного отверстия', загородки для ловли рыбы или морского зверя; в других случаях деталями соответствующих устройств; см. значение 17 – мельничный термин, 18 – 'пространство между рогалем и поперечиной в сохе' – Бурнашев). Почти все данные относятся к XIX в.

В другом словаре в речи кольских поморов приводится слово *двор* в значении 'устье русской печи' (ЖРКП 1979). Значения, связанные с водным хозяйством и рыболовством, отмечены и в Поморье, и в Псковщине и Новгородчине, и в Прикаспии – там, где были соответствующие промыслы. Слово *двор* в этих значениях, видимо, представляет те интердиалектные лексические единицы, которые связаны с древними промыслами, различающимися в деталях в зависимости от местных их особенностей, но сходными в главном – в применении того приема, благодаря которому значения эти имеют общий семантический признак 'ограничение в пространстве' (см. таблицу 3).

Обращение к историческим словарям показывает, что интерпретация данных памятников представляла для составителей словарей значительные трудности (Срезневский, I; ДРС, 4). Материал памят-

ников обилен, но неравномерно охватывает территорию, которая в разное время осваивалась, в разные периоды расширялась в силу изменения исторических условий. Поэтому трудно проследить по памятникам, различались ли территориально семантические варианты слова *двор*. Такие значения, как 'усадьба, совокупность жилых и хозяйственных построек' (ДРС) и 'огороженный участок земли, на котором находятся жилые и хозяйственные постройки', по всей видимости, могли совмещаться. Именно такое совмещение видит Ф.П. Филин [1949$_а$] в значении слова *двор* в древнекиевский период; он определяет его как 'жилое помещение (или несколько помещений) вместе со всеми хозяйственными пристройками и местом, занимаемым строениями'. При этом он указывает на наличие в летописных записях свидетельств того, что двор как правило обносился какой-либо изгородью, чаще всего, видимо, бревенчатым тыном.

В диссертации Л.Д. Молчановой [1982], посвященной названиям сельских жилых и хозяйственных строений в русском языке XV–XVII столетий слово *двор* рассматривается в качестве названия постройки для скота, употребляющегося только в составных наименованиях типа *скотный двор* (родовое) – *конюшенный, конюший, конный, коровий, коровенный, воловий двор*. Поскольку работа выполнена на материале деловой письменности, слово *двор* в качестве обобщенного наименования совокупности жилых и хозяйственных строений в ней (судя по автореферату) не рассматривается: в документах в этом значении обычно имеют место резвернутые формулы описания конкретных типов строений (*хоромное строение, дворовое строение, вонные хоромы, дворовые хоромы* и под.) и отдельных построек. Но, как свидетельствует материал картотеки ДРС, в письменности других жанров слово *двор* часто употребляется именно в таком обобщенном значении, например в Московской летописи: 1382 Князь же великы повелѣ християнамъ *дворы* ставити и город дѣлати (Моск. лет. к XV в. с. 210). Здесь, безусловно, речь идет не только об ограде, а о всем комплексе построек. 6877 Того же лѣта в Новѣгородѣ Нижнемъ за Благовѣщениемъ уползе горы и много посыпа *дворовъ*, и с людми... (Моск. лет. 185, сп. XVI в.).

Подобное значение имеет слово *двор* и в других памятниках: Внутри же города *дворы* своеземцовы и городцкихъ людей осадные а в нихъ живуть дворники... ((Новг. писц. кн. III). И судьи опросили Савки "Положи передъ нами грамоту Тимоѳѣеву почему ты ставишь на той розсѣчи *дворъ*" (Арх. Строева I, 1490 г.). Да грехом моим на посаде *двор* выжен, и посудья и хлебца не мало погорело, потому что начаелись на острог, чаели в остроге сиденья (Письмо В.И. Торокана 1609 г.).

Для XVII в. в важских документах зафиксировано слово *двор* почти всегда в значении 'постройка для скота' [Дерягин 1971]; хотя оно могло быть употреблено в документах и в значении 'дом, совокупность жилых и хозяйственных построек', но, по мнению исследователя, этому препятствовало его значение в живой речи. В некоторых исследованиях по исторической лексикологии слово *двор* рассматривается и в составе

ЛСГ названий поселений: с глубокой древности *двор* был известен на Руси в значении 'поселение хуторского типа' [Лемтюгова 1983]. Ю.И. Чайкина [1976, 18] отмечает, что "в самых ранних из дошедших до нас памятников слово *двор* не сохранило уже значение 'населенный пункт'", однако имеются следы этого в Новгородских писцовых книгах конца XVI в., в которых "семантика слова *двор* в отдельных случаях идентична значению лексемы *деревня*: «А убыло въ той волости *деревень 6*, писаны были *дворы деревнями* (въ) вопчихъ разныхъ бояршинъ» (НПК V – Шелон. пят., 386); «А та деревня в старом письме писана была *дворомъ*» (ПК. Об. II, 12)". Совершенно очевидно, что самое "активное" в то время значение 'комплекс жилых и хозяйственных строений и место, занимаемое ими' нисколько не противоречит значению 'однодворное поселение', поскольку, как убедительно показал М.В. Витов [1962], существование значительного количества однодворных поселений на исследованной им территории – факт, отраженный в памятниках. Ю.И. Чайкина [1976, 19] подтверждает это значение данными топонимики – в письменности Белозерья отмечены топонимы Верхний Двор, Средний Двор, Львов Двор и т.п.[18] О каком бы из названных значений ни шла речь, одним из компонентов является сема 'ограниченное пространство'[19].

Возникновение таких значений, как 'совокупность построек', 'жилище', 'постройка для скота' легко объяснимо самим развитием реалии двора: увеличение числа строений в пределах ограниченного (огороженного) пространства, активизация у слова *дом* значений 'жилище', 'совокупность построек', что по памятникам датируют для разных территорий не одновременно, устройство крытых дворов для различных хозяйственых нужд, а не только для скота[20]. Закреплению разных значений в определенных ареалах способствовали складывающиеся этнографические различия. К XVI–XVII вв. относится формирование

---

[18] Э.М. Мурзаев (1984) обращает внимание на то, что слово двор (также дворик, дворец) часто в названиях населенных пунктов отмечено во множ. числе, причем в некоторых областях это относится к поселениям определенного типа: рядам домов по обе стороны старых дорог.

[19] Этимологи связывают слово *двор* – общеславянское индоевропейского происхождения – с не зафиксированной в источниках производящей основой с гласным *е* в корне, рефлекс которой видят в лит. *dverti* 'простираться, расходиться в стороны' (ЭССЯ, 5). В качестве исконнородственного приводится латышск. *dvars* 'калитка'; родственное слово также – русск. *дверь*. Последние значения, видимо, указывают на связь пространства и ограждения, что позволяет предположить первичность значения 'огороженное пространство'.

[20] Д.Н. Шмелев [1973, 233], напоминая о важности функционального признака для той части предметной лексики, которая служит названиями разнообразных предметов, сооружений и орудий труда, созданных человеком, высказывает соображение о том, что во многих случаях изменение в самих объектах наименований не меняет их наименований, "поскольку общность функции оказалась элементом, цементирующим семантическое тождество слова". Функция отграничения, выделения из окружающей среды с целью защиты от враждебных внешних сил (явлений природы, диких животных и т.п.) как правило присутствует у реалий крестьянской усадьбы, обозначаемых словом *двор*, хотя сами реалии различаются: огороженное место поселения не то же самое, что постройка или пристройка для скота.

такого различия, как связь крестьянского дома (жилой части) с двором – хозяйственной постройкой – однорядная или Г-образная, характерная для Севера. Становление этой особенности прослежено не только историками [Шенников 1965], но и лингвистами [Дерягин 1966]. Для более древнего периода XIV–XV вв. постройки на крестьянской усадьбе повсеместно характеризовались формулой "изба да клеть", в дальнейшем число построек на усадьбе крестьянина увеличивается за счет помещений для хранения продуктов и обработки урожая, для скота [Рабинович 1975], а между избой, клетью и некоторыми другими помещениями иногда упоминаются сени ("меж ими сени") [Громов 1977].

Исследователи отмечают, что на юге этот процесс шел менее интенсивно, чем на севере [Шенников 1962], что объясняется избытком на севере хорошего строительного леса [Рабинович 1969]. А.А. Шенников, исследовавший данные по разным регионам, пришел к выводу, что до XVII в. не было принципиальной разницы в застройке крестьянских дворов по всей южнорусской и среднерусской территории, что слабо отличались застройки усадеб на Северо-Западе, данные по которому позднее были специально проанализированы А.Я. Дегтяревым [1977]. Исследователь пришел к выводу, что постройки на крестьянских дворах в XVI в. не были связаны сенями, что хозяйственных построек было ничтожно мало (в сравнении с владельческими усадьбами). В частности, он обращает внимание на отсутствие построек для скота при наличии построек для кормов, что как будто подтверждает мнение А.А. Шенникова [1966] о бесстойловом содержании скота. На севере появление постройки для скота под названием *двор* прослежено на материале двинских грамот В.Я. Дерягиным [1966]. Собственно, видимо, появилось объединение разных срубов – в одной связи оказались жилой сруб, сени, сруб для скота, над которым сенник для сена, поскольку на севере леса было достаточно, и жилые, и хозяйственные постройки строились преимущественно из одних пород леса. Но в примерах, по которым это значение установлено, слово *двор* употреблено с уточняющим определением. Для других территорий на усадьбах различались три типа построек – *хоромное строение*, *дворовое строение* и *изгороди* [Шенников 1962] – именно вследствие необходимости строить из разных материалов (см. также [Котков 1970, 136–146]). Вероятно, сооружения для мелкого скота под названием *закутка*, *закута*, *котух* появились на юге тоже достаточно рано. В исследованных С.И. Котковым южновеликорусских памятниках XVII в. этими словами названы постройки для свиней. Но словом *двор* эти сооружения из плетня или какого-то другого подручного материала на юге не назывались: примеры, содержащие слово *двор*, приведены, главным образом, для иллюстрации того, какими словами называлась ограда двора и из какого материала (лозняк, дубовые колья и проч.) она сделана, а также в формулах "а на дворе хором" и под. О бесстойловом содержании скота говорят, вероятно, такие примеры: "скотный варок огорожен скитом, другой авчарной варок огарожен плетнем (Кромы, 1718)" [Котков 1970]; "ворок скотцой (так!) агороженъ скитомъ ду-

бовымъ... (Рыльск. 1736)" [Там же]. Как видим, оба примера относятся к XVIII в., в обоих случаях речь идет не о крытой постройке, а об огороженном участке для скота. Этнографические особенности разных территорий – очень важный фактор, способствующий возникновению диалектного различия. Но несомненно, что история слова *двор* и, в частности, возникновение семантического диалектного различия непосредственно связаны с тем, какие слова в разные периоды истории оказывались его ближайшими семантическими соседями, активизируя то одно, то другое его значение. Слово *двор* в древнерусском языке входило в ЛСГ построек, поскольку в комплексном значении 'жилое помещение (или несколько помещений) вместе со всеми хозяйственными пристройками и местом, занимаемым строениями' сема 'постройка' была наиболее актуальной. По наблюдениям Ф.П. Филина [1949] слово *двор* употреблялось в исследованных им памятниках только в оригинальных текстах, повествующих о местных событиях, в то время как слово *дом*, очень близкое по значению (Филин формулирует его как 'само жилое здание, дом'), могло употребляться и в переводных церковных текстах.

В памятниках XVI–XVII вв. и начала XVIII в. слово *двор* было обычным в описаниях состава построек на усадьбе в формуле "а на дворе хором" – как на севере, так и в средней полосе и на юге. Слово *дом*, для которого Е.Н. Борисова [1968] приводит значения 'жилище', 'хозяйство', 'семья', отмечая, что в первом значении в XVI–XVII вв. оно употреблялось редко, по материалам двинских, важских и других источников употреблялось главным образом по отношению к церквам и монастырям как жилищам соответствующих святых, называвшихся в документах как бы их владельцами [Дерягин, 1966]. Значения 'постройка' и 'жилище', видимо, не были утрачены, так как изредка слово *дом* употреблялось и применительно к обычным жилым постройкам. Е.Н. Борисова [1968] говорит о словах *двор* и *дом* как о синонимах, которые в XVIII в. начинают активно взаимозамещаться в значении 'совокупность жилых и хозяйственных построек, хозяйство'.

Материалы XVIII в. рассмотрены нами по отдельным периодам, как они наметились по употреблению интересующих нас слов в литературных произведениях разных жанров, в том числе в деловом языке [Мораховская 1980]. К началу XVIII в. не произошло особенных изменений в употреблении слов *двор* и *дом* по сравнению с предшествующим периодом: слово *двор* чаще всего означало совокупность жилых и хозяйственных строений и (огороженного) участка, на котором они находятся, и употреблялось главным образом (но не исключительно) в текстах, повествующих о местных делах и событиях. Слово *дом* в таком же значении тоже могло употребляться, особенно применительно к строениям иноземных городов. Но и слово *двор*, и иногда слово *дом* могли означать 'участок земли, ограниченный постройками и оградой одной усадьбы', хотя чаще это 'участок земли вместе с находящимися на нем постройками'. В первую треть XVIII в., как и в предшествующий период, слово *двор* весьма употребительно в

значениях 'жилище', 'совокупность жилых и хозяйственных строений и огороженного участка, на котором они находятся'. Слово *дом* в этот период гораздо менее употребительно, но в значении 'жилище' оно встречается и в оригинальных и в переводных произведениях; оно отмечено также и в значении, совмещающем признаки 'жилище', 'постройка', а также признак 'семья, обитатели', признак 'имущество' или все эти признаки. По некоторым данным можно все же предполагать, что словом *дом* обычно называли постройку иного типа, чем те, которые принято было именовать словом *двор*. Об этом свидетельствует употребление слов *двор* и *дом* в описании путешествия П.А. Толстого под названием "Статейный список" [Мораховская 1980, 19–20]. Особенно показателен следующий пример: ...По тѣм же полямъ построено много *домовъ* Римскихъ сенаторей подобно Московскому обыкновенію загородныхъ *дворовъ*, только тѣ Римскихъ сенаторей *домы* строенія все каменнаго изряднаго по препорціи. Таким образом, признак 'постройка', если он преобладал, мог, видимо, дифференцировать значения слов *двор* и *дом*. Кроме того, у слова *двор* признак 'семья, обитатели' был слабо выражен, в то время как у слова *дом* он часто присутствует. Возможно, это имело место потому, что *двором* именовались приближенные царя (для более раннего времени – князя).

В последующие десятилетия в связи с начавшимся широким строительством в новой столице – Петербурге, с разработкой его планировки и застройки [Ожегов 1987] (К–XVIII *Должность архитектурной эксп.*) слово *дом* стало более употребительным в текстах, касавшихся строительства, в значении '(жилая) постройка', тогда как у слова *двор* наиболее употребительным в таких текстах стало значение 'участок, на котором находятся жилые и хозяйственные постройки'. Употребительность слова *двор*, однако, не снижается как в значении 'жилище', так и в значении 'комплекс построек' в течение всего XVIII в. Особенно часто в художественной, мемуарной литературе употребляются выражения *со двора* в значении 'из дома' (*уйти, выйти, прогнать*), *доехать до двора, взойти на двор*.

Во второй половине XVIII в. слово *двор*, продолжая употребляться в значениях 'жилище', 'комплекс жилых и хозяйственных построек и занятого ими участка земли', в некоторых случаях используется в значении 'постройка', например:

...Продаются *дворы* с нижним каменным этажем (СК – XVIII, СПб. Вед. № 1, 1765); ...*Двор* каменной о двух этажах (СК – XVIII, М. Вед. № 7, 1762); ...городъ сей... гораздо лучше выстроенъ. Въ немъ есть нѣсколько гражданскихъ каменныхъ *дворовъ* (СК – XVIII, Лепех. Путеш., ч. I, 1771, с. 119).

Характерно, что в значении 'постройка' слово стало употребляться в художественной литературе, не только оригинальной, но и переводной:

...обязывается... въ искъ ея именія никогда не вступаться и сверхъ того дарить десять тысячь и каменной *дворъ*; ...(СК – XVIII, Лук,

Мот., соч. 1765, ч. I, с. 45); ...отецъ его живетъ въ новомъ *дворѣ*. Донъ Людовикъ за недѣлю до сего переѣхалъ въ оной... (СК – XVIII. Лесаж. Пов. о бесе, перев. с франц., 1763, I).

В каких-то случаях слово *двор* могло передавать значение не просто 'постройка', но постройка определенного типа, что используется в описании декораций.

Функция зданий различного характера в том, что достигается: ...именно видъ Трагической, изображеніемъ *великолепныхъ дворцовъ*; видъ Комической, изображеніемъ *дворовъ обывательскихъ*; и видъ Сатирической, то есть пасторальной, изображеніемъ деревенскихъ или лѣсныхъ мѣстъ (СК – XVIII, Сокращ. Витрувий, перев. Каржавина, 1789).

Во многих случаях по контексту можно установить, что открытое пространство при доме, ограниченное жилыми и хозяйственными постройками и оградой, также называлось *двором*, что в составе *двора* различались постройка и *двор*, куда въезжали кареты:

...Въѣхавши *на дворъ* и ко крыльцу, господинъ вышедши изъ кареты взялъ привезенного гостя за руку и повелъ въ покой... (СК – XVIII, Чулк. Великодушн. Рогоносец. – Пересмешник, 1789, ч. II, с. 154–155); ...я спѣшилъ туда – летѣлъ *на дворъ*, на крыльцо, в комнаты – и люди въ черномъ платье меня встрѣтили (СК – XVIII, Моск. журн. 1792, ч.V, с. 323, Лиодор) и т.п.

В значении 'постройка для скота' употребляется только словосочетание *скотный* или *скотский двор*, наряду с многочисленными атрибутивными сочетаниями, которые на протяжении всего XVIII в. (и задолго до него) служат названиями предприятий различного производственного назначения (*псарный, конюшенный, прядильный, печатный, литейный* и т.д.), а также административных и других государственных учреждений (*почтовый, полицейский двор* и т.п.). Таким образом, к XIX в. слово *двор* в литературных произведениях продолжало функционировать в качестве многозначного слова с диффузной структурой, в которой в зависимости от контекста могли актуализироваться отдельные признаки, могли утрачиваться остальные.

В словаре Пушкина слово *двор* весьма частотно, оно употребляется и в значении 'участок земли у дома, обнесенный... оградой, окруженный хозяйственными постройками'; и в значении, которое составители Словаря Пушкина определили как 'дом со всеми хозяйственными пристройками (обычно в деревне или в провинциальном городе)', и в атрибутивных сочетаниях, обозначающих различные учреждения или предприятия – *почтовый, меновой, монетный, гостиный, постоялый, псарный, скотный двор*; и в значении 'совокупность лиц, приближенных к монарху или к какой-нибудь владетельной особе...', и в предложно-падежных устойчивых сочетаниях в разных значениях (Словарь Пушкина, I). На протяжении всего последующего времени вплоть практически до наших дней в лексикографических трудах, отражающих сло-

www.ruslang.ru

варный состав литературного языка, приводятся примерно одни и те же значения слова *двор*, лишь небольшие изменения вносятся в определения некоторых значений, причем объясняются эти изменения главным образом изменениями реальных условий: если в Словаре Пушкина значение 'дом со всеми хозяйственными пристройками' уточняется замечанием о том, что так назывались эти комплексы обычно в деревне или в провинциальном городе, то в современных словарях русского литературного языка говорится уже только о крестьянском доме со всеми пристройками и службами.

Употребительность слова *двор* в этом последнем значении, видимо, снижалась не только в связи с углублением различий между бытом деревни и провинциального города, но и под влиянием социального фактора: несоотносимость слова *двор* в этом его комплексном значении со статусом городской семьи, даже если она живет в небольшом собственном доме и имеет приусадебный участок, поддерживалась и тем, что в официальном языке и жилая постройка в городе уже давно именуется *домом*, что далеко не везде имеет место в сельской местности [Мораховская, 1979].

В XIX в. наблюдается тенденция к устранению диффузности (термин Т.С. Коготковой [1968]) значения слова *двор*, что выражается, кроме сокращения употребительности комплексного значения, в более определенном выделении отдельных значений: 'участок земли при доме, огороженный забором или стенами зданий', 'единица счета домохозяйств в сельской местности', 'монарх и приближенные к нему лица в монархических странах', 'помещение, постройка для скота'. Однако во многих случаях сохраняется и диффузность – "совмещенность" значения слова [Баранникова, 1977]. Иногда наблюдается стремление писателя подчеркнуть признак открытого огороженного пространства как черты, по которой то или иное учреждение или предприятие названо атрибутивным сочетанием со словом *двор*:

...В *гостином дворе*, который в самом деле есть *двор*, потому что большая часть лавок открывается внутрь, я видел... много ...якутов (КССРЛЯ, Гонч. Фр. Палл. т. II, гл. 8, VII, 470); Этот дом называется *постоялым двором*, хотя около него никакого *двора* не было (КССРЛЯ, Чехов, Степь III).

С выделенным признаком постройки слово встречается у разных авторов:

...Дело подходило к рассвету, луна спокойно озаряла соломенные кровли *дворов*, и все казалось погруженным в глубокий мирный сон (Лермонтов. Вадим); *Дворы* у нас крыты железом. У каждого сад и гумно (Есенин. Анна Снегина);

Без такого выделения:

В один богатый *двор*, куда на вечера Гостей не звали без разбору, Чрез главный ход толь *со двора* Проникли как-то шулера (Д. Бедный. Шулера).

В последнем примере слово *двор* употреблено в двух разных

значениях, и этим как бы подчеркивается, что в первом случае имеется в виду и сама жилая постройка, и ее обитатели и их имущество; при этом, однако, при постройке имеется *двор* – огороженное пространство.

В атрибутивных составных наименованиях тоже может подчеркиваться лишь признак постройки, а не огороженного пространства:

Во втором этаже *гостинного двора* помещается лавка... (Горький. В людях); На углу Горбатой и Базарной в двухэтажном *постоялом дворе* грека Макродонато расположился штаб красной партизанской бригады (Соловейчик. Отчаюха).

В комплексном значении может быть явно выражен признак 'семья, обитатели':

Чашки и ложки делают 3 человека в одном *дворе* починка Крутобережка, заключающего в себе *14 дворов*, 80 жетелей (КССРЛЯ, Тр. Ком. по куст. пром., 1885, в XIII).

Отмечено и употребление в этом значении (т.е. как бы вне комплексного значения) – 'семья':

Народ сидел семьями: каждый *двор* – кольцом... (Федин. Города и годы).

Составные наименования предприятий и учреждений как способ их номинации наблюдаются в различных производственных сферах, что отражено в Технической Энциклопедии (*рудный, рудничный, монетный, околоствольный, арматурный, сенной, скотный двор* и т.п.).

Там же дано такое описание:

Если в одной постройке (участке) несколько *дворов*, то... различают: 1) *передний двор*, ближайший к улице, 2) *средний двор*... и, наконец, 3) *задний двор*, на котором обыкновенно устраивают всякие хозяйственные учреждения: склады, сараи, мусорные ямы и т.д. (КССРЛЯ, Техн. Энц. III, 416).

У многих писателей отмечены предложно-падежные устойчивые сочетания типа *не ко двору, ко дворам* 'по домам', *двор об двор, меж двор, ни кола ни двора*. Все эти факты как будто свидетельствуют об устойчивом сохранении словом *двор* в русском языке в течение всего XIX в. и первой половины XX в. всех тех функций, которыми оно обладало с давних времен. Вместе с тем в говорах функции слова, видимо, не столь множественны, поскольку в связи с возникновением этнографических различий и диалектного различия в названиях жилых построек слово *двор* на разных территориях оказалось включенным в разные лексико-семантические группы, несмотря на сохранение им и самого комплексного значения, свойственного литературному языку и поддержанного деловым языком.

Этнографические различия отразились в литературе по весьма разновременным источникам:

Содержание скоту у крестьян следующее: в обыкновении *дворы крестьянские* обыкновенно обнесены кругом покрытыми соломою и с наружной стороны довольно ущищенными полусараями или навесами,

а изба в иных местах посреди *двора*, а в других в котором-нибудь боку онаго стоит. Над сими навесами зделаны для скота по различию онаго разные плетневые перегородки, клевы и закуты, в которыя они скот свой по напоении онаго на ночь загоняют и дают корм... – так описывает А. Болотов в середине XVIII в. крестьянский двор в Каширском уезде [ТВЭО, II, 1766, 147–148]. Я поднял голову и при свете молнии увидал небольшую избушку посреди обширного *двора*, обнесенного плетнем (Тургенев. Бирюк); – здесь, видимо, при ограде двора нет строений. ...Еще два телятника и один *двор* для взрослого скота – деревянные – построены, покрыты, крыши покрашены (Панова. Ясный берег); ...К великому нашему удовольствию лошади на рыси вбегают *во двор* и... мы летим через головы лошадей в снег и барахтаемся там, ослепленные, задохнувшиеся. И пока выбираемся из сугроба, дед с ухмылкой уводит лошадей в *теплый двор*... В конюшне раздается визг, стук. – Таковы детские воспоминания В. Астафьева (Конь с розовой гривой), относящиеся к Красноярскому краю.

Опеределения, различающие *двор* – 'участок земли' и *двор* 'постройка для скота', видимо, были распространены, как и вообще уточняющие определения (см. выше): ...Наконец Фекла подвела свою госпожу к *скотному двору* – мрачной избе, обнесенной с трех сторон навесами (КССРЛЯ. Григорович, Бобыль).

Различение огороженного пространства и построек для скота с помощью определений при названиях последних в современных говорах. По данным ДАРЯ, не имеет широкого распространения, не образует нигде заметных ареалов. Небольшой ареал в пределах ладого-тихвинской группы северного наречия образуют говоры, в которых различаются с помощью определений неутепленная постройка под крышей без потолка и утепленная (мшеная) с потолком; определения могут выступать в паре: *холодный двор* и *теплый двор* (хлев) различали в д. Остров Тихвин. Лен. обл.; *белый двор* и *теплый двор* – в д. Крапивно и д. Гремячево Кириш. Лен. обл., д. Котиха Санд. Калин. обл. В д. Давидовской Винниц. Лен. обл. различали *холодный двор* и *теплые дворы* – разгораживали теплую постройку на отдельные помещения для разных видов скота – *дворы* (= хлевы). Определение может быть лишь при названии только неутепленной постройки (д. Струнино Тихвин. Лен. обл.) или только утепленной (д. Кресты Сандов. Калин. обл.). В д. Низино Новоладож. Лен. обл. слово *двор* имеет значение 'огороженное место для скота при доме', но употребляется и как общее название построек для скота и пространства внутри построек. Для обозначения утепленной постройки для скота здесь служит составное наименование *теплый двор*.

Непроизводное *двор* в значении 'место, на котором находятся дом и хозяйственные постройки' распространено в пределах южного наречия

небольшими рассеянными ареалами. Такой характер распространения объясняется, как нам представляется, наличием "конкурирующих" слов (*поместье, усадьба* и др.). На других территориях слово *двор* приобретает так или иначе значение 'постройка', чаще всего "сузив" его до обозначения лишь одной из построек или пристроек: крытого двора или теплой постройки для скота. Для южного наречия, судя по бытовавшим там устойчивым сочетаниям *уйти со двора, смотреть двора, шататься меж двор* и т.п. (см. выше), долго сохранялось комплексное значение, но постройки для скота редко назывались словом *двор*. Здесь в этих значениях распространены другие слова, в том числе слово *сарай*. Таким образом, если на севере и в ряде среднерусских говоров одним из следов комплексного значения является конкретное значение 'постройка для скота', то на юге такой след представляет значение 'участок, на котором находятся дом и хозяйственные постройки'[21].

Производные с корнем *-двор-*

Со значением 'место под домом, хозяйственными постройками, огородом, садом' (или 'отдельные части этого места') эти слова распространены преимущественно в северном наречии и среднерусских говорах. Как уже говорилось, отдельные суффиксальные или префиксально-суффиксальные образования локализованы в разных частях территории. Слова эти в исторических словарях и картотеках не нашли широкого отражения. Большинство из них, видимо, представляют новообразования довольно позднего времени. Но все же ряд слов отмечен в картотеках неоднократно, что позволяет делать определенные выводы о причинах их возникновения.

Дворина

Слово ***дворина***, образуя компактные ареалы в центральной части костромской группы северного наречия и в Поветлужье, спорадически отмечено в вологодской группе северного наречия и во владимирско-поволжской группе восточных среднерусских окающих говоров. По материалам ДАРЯ в подавляющем большинстве случаев слово обозначает весь участок и часто приводится в качестве единственного обозначения. Оно может также иметь значение 'место под домом и хозяйственными постройками' как при отсутствии общего названия и названия других частей, так и при их наличии. Например, в Починке Веселовке Варнавин. Горьк. обл. место, где находится дом, наз. *дворина*; земля около дома – *ободворок*; земля, занятая картофелем,

[21] Широкое распространение слова *двор* в значении 'место под домом и хозяйственными постройками' на территории Украины (см. Атлас українскоі мови, т. 1, карта 282, т. 2, карта 276 и комментарии к ним) позволяет думать, что в русских говорах юго-запада слово *двор* в этом значении сохранилось не без влияния украинских говоров.

наз. *усад* или *огородец*. В д. Мошкино Калин. Горьк. обл. *осырок* 'весь участок под огородом, домом, полем; *дворина* – 'место под домом'; *ободворок* – 'под огородом'.

Материалы КСРНГ подтверждают только значение 'земельный участок, занятый домом, двором', а кроме того фиксируют слово в других значениях: в значении 'участок за огородом' слово отмечено в с. Старое Междуреч. р-на Волог. обл. (I,32, П.Д. Доброумов, 1941); в значении 'место в лесу, где заметны следы древних поселений' оно отмечено словарями без указания места (СРНГ – Слов. Акад. 1895; Бурнашев). Кроме того, оно приводится в СРНГ в значениях 'дом, а также двор со всеми постройками' (Жиздр., Калуж., 1898; Костром., Вят.; Семен., Нижегор.; Костром., Смирнов, 1927) и 'сарай, хлев и другие хозяйственные постройки' (Судог. Влад., Зеленин. Буйск. Костром.). Как видим, набор значений (составляющих семантическое диалектное различие) очень ограничен, значения близки между собой. В исторических словарях слово не отмечено.

Удво́рина. Одво́рина. Ободво́рина.
Сдво́рина. Подво́рина

Префиксально-суффиксальные образования с тем же суффиксом представлены в Материалах ДАРЯ существительными *удворина, одворина, ободворина, подворина* и единично отмеченным *сдворина*. Ареал слова *удворина* примыкает с севера-запада к Рыбинскому водохранилищу, *одворина* и *ободворина* – с юго-запада и юго-востока и несколько далее на восток. За пределами этих небольших ареалов слово *удворина* образует небольшой ареал в южном Приладожье, а *одворина* и *ободворина* отмечены кое-где небольшими ареалами или в единичных нас. п. Все эти существительные по лингвогеографическим данным чаще всего служат названием всего участка, нередко они приводятся в качестве единственного названия. Если в ЧДС семантическое пространство как-то расчленено, то часто вычленяется (словами других корней) 'место под огородом, гумном'; иногда словом с корнем *-двор-* обозначенного лишь 'место под домом и хозяйственными постройками'.

В КСРНГ имеются материалы Г.Г. Мельниченко, подтверждающие данные ДАРЯ, касающиеся слова ***удворина*** (I,789, Яросл., 1961; I, Г 104, Яросл., 1970; I,808, 1964), а также материал С.А. Копорского: *удво́рина, удво́рок* – 'дворище, место, занятое строением одного хозяйства'; "двор и овинник земли"; "усадебная земля"; "полосы земли близ деревни, дому" (I,80, Пошехоно–Володар. Яросл., 1929). Последнее значение отмечено без помет Бурнашевым (КСРНГ, I, 70, 1843), Мельниченко (I, Г 104, Яросл., 1970: *удворина* – земля, ближайшая к усадьбе). Ю.И. Чайкина [1975], использовавшая для изучения ареала слова *удво́рина* в современных говорах картотеки вологодских и бело-

зерских говоров (наряду со многими другими), дает несколько более обширный ареал слова, распространяющийся до Белого озера в значении 'участок пахотной земли около крестьянского двора'. В этом значении существительное отмечено ею в белозерских памятниках конца XVII в. Автор приходит к выводу, что "*удворина* – это местное новообразование белозерской группы говоров", ареал которого находился в междуречье рр. Шексны и Суды, несколько выступая на левобережье р. Шексны, и относит его появление в юго-восточной части Белозерья к среднерусскому периоду, т.е. к XV – первой половине XVII в. [Чайкина 1975, 4, 103].

Другой пример – из картотеки ДРС: Да онъ же, деверь ея Василій Пикинъ, въ томъ же 706 году отнялъ отъ деревни ея поле и поставилъ огородъ на самыя *удворины* и владѣлъ тою ея землею насильно многое число. (Докл. в Сенате V, 1715 г.).

Данные КСРНГ свидетельствуют о распространении слова ***одво́рина*** в рассматриваемом значении в северо-западной части ладого-тихвинской группы: ...На своей *одво́рины* и поставился. Теперь приусадебный участок, раньше – *одво́рина*. На участке находятся жилой дом, огород, двор, лужайка (II, 712. Маяк, Гавр. Стар. Ладога Волх. Ленингр. Луппова, 1938–1941; Ленингр. Волх., д. Княщино, АДК, т. 6, л. 2, Луппова, 1954), а также в д. Селезнево, находящейся в пределах "Костромского акающего острова" (II, 1036, Шайтанова, р. Кострома, 1947–1951). Г.Г. Мельниченко приводит слово *одво́рина* с пояснением: "из слов, обозначающих крестьянскую усадьбу (в целом или ее части)" (I,808, Террит. б. Ростово-Суздальского княжества 12–13 вв. Мельниченко, 1964).

У существительного *одво́рина* также отмечено по говорам несколько других значений: 'крестьянский дом и хозяйственные постройки, примыкающие к нему' (КСРНГ, I, 1166 и I, 1037, Молоковск. Калин., Кириллова, 1968); 'постоялый двор' (КСРНГ, I, 1204, Беж – 365; Ост. – 378, Калин. слов., 1972). В "Опыте словаря говоров Калининской области" (СКГ, 1972) *одво́рина* приводится в значениях: 'усадьба' (? – Молок., Ржев., Уд.); 'место за двором' (Беж., Кал., Каляз., Каш., Лес., Уд.); 'поляна в лесу' (?) (Нов.). Значение 'земля позади дворов, за усадьбами' (I, 789. Яросл., Мельниченко 1961; I, 1166, Лесное, Конаковск. Калин., Кириллова 1968) раскрывается для говоров в верхнем течении р. Костромы следующим образом: "...приставочные образования этого корня употребляются для обозначения земельных участков, расположенных вблизи от дома: *адво́рицы* – этъ полъсы (пе́рвые по́лъсы въ̀т ъд гуве́н)" (Погр.); на абадво́ръшнъй земле́ – т.е. поближе к дому (Мах.); ...ъгуме́ннайа тъ ъдво́рина, ъгуме́нник-тъ (Селез.); агаро́дец... адвари́нный (Лат.) (КСРНГ, II, 1036, Шайтанова, р. Кострома, 1947–51). Слово отмечено и в качестве топонима: *Одворина Кабанова* – возвышенность близ г. Грязовца (КСРНГ, Волог., Иваницкий, 1883–1889).

Существительное ***ободво́рина*** в значении 'место, на котором находятся дом с хозяйственными постройками и огород' известно, кроме ареалов близ Рыбинского водохранилища, также кое-где в северо-западной зоне (с. Дядно Качанов., д. Паньково Пыталов., д. Софьино Пушкиногор. Псков. обл., д. Авдеенки Красногород. Великолук. обл.; также КСРНГ, II, 232, 233, Лен. обл., Новол. р-н; II, 33, д. Салтаново и Симушкино Пушкиногор., Пск. обл., 1952, 1957), единично в Поветлужье.

В значении 'полоса земли, близкая к селению' слово отмечено в Ярославской обл. (КСРНГ, I, 789, Яросл., Мельниченко, 1961), а также было известно в Вологодской губернии (КСРНГ, Волог., Суровцев, 1822; I, 52, Опыт, 1852; Волог., Дилакторский).

Существительное *одворина* встречается в памятниках XVII в. Ю.И. Чайкина [1975] приводит один пример на это слово, относящийся к 1630 г., в значении 'участок пахотной земли около крестьянского двора'. Слово *одворина* отмечено и в более ранних памятниках: сѣна по селищу *по одворинѣ* и по лѣшимъ полянкамъ 35 коп., лѣсу пашенного 3 дес., да непашенного 25 дес. (ДРС, Кн. п. Моск. I, 1578 г.); ...Да продалъ есми *одворину* тое жъ Зенововскіе деревни восмую доль, что язъ выминилъ у Стефана Оѳонасьева за проскурнимъ дворомъ, отъ Исаковы полосы Сумарокова (ДРС, А. Хол. и Уст. I, 1617 г.).

Слово ***ободворина*** приводит Ю.И. Чайкина: Язъ у нево, у Демида, купил избу и съ *ободвориной* ево полосою от улицы до ручея (Жал. кр-ян д. Михайлово 1645; Оп. св. Влг. в. 8). В картотеке ДРС по документам разных лет отмечены прилагательные с корнем *-двор-*, образованные с разными аффиксами (во *ободворномъ* полѣ – Акт. Х.У.; по *одворицкому* лужку – Кн. п. Моск. I,1577–1578; *одворишные* мѣста – Писц. д. 113; *одворишною* полосою – А. Хол. и Уст., 1626 г.; полоса *одворная* – ДАИ, 1629; *одворочное* поле – Кн. Солов. вотч. 1568; *одворочное* место – А. гр. распр. Ѳед. Чех.). В говорах также отмечены прилагательные с разными префиксами и суффиксами (см. ниже).

В КСРНГ имеются еще слова ***подворина*** : *Подворина*. Из слов, обозначающих крестьянскую усадьбу в целом (I, 808, Террит. б. Ростово-Сузд. княж., Мельниченко, 1964) и *подворинка*: Зарастала мая широкая *падворинка* Травушкой ана фсе муравушкай (I, 308, Червленая, Старогладковская, Терск., Водарский, Песни, 1901). В исторических материалах не выявлено. Отмечено более или менее соотносительное прилагательное: Съ подворною землею (КДРС АЮ, 133, 1611 г.); Заложиіл есми и [3] дворо[м] и [з] дворище [м] и с *по[д]дво[р]ною* землею и со всѣми дворовы[ми] хоромы, а во дворѣ хоро[м] и[з]ба старая да клѣть с по[д]клетом[ъ] и с погребомъ да хлѣвъ ново[и] с перерубом (КДРС, АСЛ, закладная 1650 г.) – В скобках показаны выносные буквы, таким образом прилагательное имеет приставку под, а не по.

Дворица. Удво́рица. Одво́рица, Ободво́рица. Подво́рица. Задво́рица

С суф. *-иц-* в говорах отмечены почти те же префиксальные образования.

Единично представленное в КСРНГ ***дворица*** (= двор Кас. у. 1,44, Рязан. Будде, 1892) отражено в памятниках, хотя и единичным же примером: ...с сѣна ставилось подъ *дворицею* межъ пашенъ 30 коп., лѣсу непашенного 5 дес. (КДРС, Кн. п. Моск. 1, 1577–1578).

Единичное по материалам ДАРЯ ***удво́рица*** в значении 'место, на котором находится дом, хоз. постройки и огород' (д. Акиньхово Улом. и д. Куколовская Верховаж. Волог. обл.) подтверждено в КСРНГ – также единичными примерами: *удворица(ча)* – 'место, где находится дом с хозяйственными постройками' (II, 652, Барашков, Каровайск. Удм. АССР, 1953–1957); Нынче на *удворицу* козочку водилъ пастись; *удво́рицъ* за до́мъм у нас (Б. Курган). *Удво́рица* – самый ближний платок земли; *удво́рицъ о́кълъ у́городъф* наших, вот и *удво́рицъ* зове́тцъ. (Затул. ПО. Федоц. Зам.) (II, 1049, Иванова, Моск., 1966). В исторических картотеках не отражено.

Единично отмечено ***подво́рица*** (д. Анисимовская Верховаж. Волог. обл.). И в КСРНГ: "Двор вот и есть что для скота в ограде. Кругом дома загорожено – садик. А уж вместе как все – усадьба, *подво́рица* (III, 1116, Хандала, Тасеев Красноярск. Самотик, 1971). В другом значении – 'пространства вокруг деревни': ...Лучшей сравнительно землей считаются "*подворицы*" – пространства, окружающие деревню (I, 74, СВ 1881 г. № 47, Вяземск, у., Смол Иванова и др., 1958). С этим суффиксом отмечено в КСРНГ слово ***задворица*** в значениях: 1) 'место за деревенскими дворами позади изб, где располагаются гумна, скотный двор и т.д.' "У миня нъ задворицъ сарай, а у каво огороды там" (II, 104, ПО–Б. Гук., ПА – Ржиц, Бор., Пыщ., Рог. Ю–Подх., Моск., Иванова, 1968); 2) 'луг за деревней' (там же); 3) 'крытый двор, где держат скотину, противополагается ограде, где держат птицу' (I, 117, Вят., Зеленин).

Существительные ***одво́рица*** и ***ободво́рица*** в современных говорах (по материалам ДАРЯ) распространены преимущественно в пределах северо-восточной зоны небольшими ареалами и в единичных нас. п.п. Раздельные ареалы обоих слов отмечены в северо-восточной части вологодской группы северного наречия и в западной части костромской группы (к северу от р. Волги).

Небольшие ареалы слова *одво́рица* находятся в восточной части костромской группы, во владимирско-поволжской группе восточных среднерусских говоров, в селигеро-торжковских говорах (к северу от Вышнего Волочка). Материалы КСРНГ и некоторых исследований подтверждают и частично дополняют сведения о распространении слова *одворица* в рассматриваемых значениях: 'место, на котором находится дом с хозяйственными постройками, огород, сад' (II, 1000,

Моисеенко, Вост. Мар. АССР, 1952, п.п. 11, 12, 14, 21, 23, 26); 'место, на котором находится дом с хозяйственными постройками' (II, 902, Киров. Кумен., Луппова, 1950); 'приусадебный участок за двором' (II, 41, Вожгальск. р-н Киров., Горева, 1950; II, 903, Слобод. Киров., Луппова, 1950; I, Кумен. волость Вятск. уезда, Е.В. Матвеева, 1925; II, 37, д. Туглас Березняков. р-на Арх. обл., Язикова, 1950: II, 925, Южн. р. Краснояр., 1967).

Они свидетельствуют также о том, что слово употребляется по говорам и в других значениях: *одворица*..., ы, ж. Земля, приближающаяся к усадебной. *Одво́рицей* зове́ццъ по́ле рядъм з домъм и з деревней, там может расти трава и фсе, штъ угоднъ. (II-Доп; II, 1049, Иванова, Моск., 1966); 'земельные угодья, пахотные и непахотные, возле деревни' (I, 464, Углич, Яросл., Влад. Русинов, 1956; I, 1204, Сопк. – 364, Калин. Слов. 1972; I, 789, Яросл. Мельниченко, 1961); 'ближайшая к деревне часть поля' (I, 51, Влад. Ковр., Доп. Оп. 1858); 'лужок' (I, 1073, Киров, Горева, 1962); 'очищенная от леса земля, пустошь' (I, 1037, Удомельск. Калин., Кириллова, 1968); 'место на пустоши, где расположены сараи' (I, 1204, Калин. Слов., 1972).

В "Словаре" В.И. Даля *одворица* приводится в значениях 'все место под двором и строеньем' с пометой "вят." и 'околица, прилежащая к деревне земля' с пометой "влд". В памятниках слово *одворица*, по-видимому, означает 'земельные угодья (ближайшие к поселению)', а не 'место под домом и строениями': Да он же Аниска на мою полевую землю на *одворицу* наставился избою (ДРС, АХУ, 759); сѣна на *одворищѣ* пять копенъ (ДРС, Хл. II 132); Пашетъ онъ Яковъ наши Троицкие земли силно, своимъ насилствомъ, безъ дѣлу, *одворицы* садовые земли и наволоки (ДРС АХУ 3. Явка игум. Гледен, м-ря Афанасия, 1658 г.); И писцы то помѣстейце, стакався с – ысцы моими, мѣрили не прямо, *одворищы*, и луги, и болота, и враги, и мшарины и въ пустошахъ усадные дворища (ДРС Писц. д., 503).

Существительное ***ободво́рица***, менее распространенное по данным лингвогеографии, меньше отражено в КСРНГ. Оно отмечено там в значениях 'место, на котором находится дом с хоз. постройками, огород, сад' (II, 1000, Восп. Мар. АССР, п.п. 8, 13, 15–22, 24, 25, Моисеенко, 1952; II, 37, д. Шардозеро Приозерн, Арх., Зайцева, 1949; II, 20, Арханг. Федоров, 1954; I, 215, Уржум, Вят., Магницкий, 1822); "1) Иногда – как только одворичное место: двор, огород. 2) Общее – все одворичное место, усадьба: двор с надворными хозяйственными постройками, огород и гуменник или кладушище" – так передает его значение Н.М. Васнецов (I,46, Вятск, Васнецов, 1907); 'земля, примыкающая к селению' (II, 936, Чигарских, Абакан, Хакассия, Шишкина, Краснояр., Андреева, 1967; I, 789, Яросл. Мельниченко; I, 52, Опыт, 1852; I, 423, Яросл. Труды ОЛРС, 1820).

В.И. Даль, приводя слово в этом последнем значении с пометами "влгд. ярс.", снабжает его примечанием: "эту землю крестьяне обычно делят особо, а дальнюю заполосную особо".

Удво́рок. Одво́рок. Ободво́рок,-ка, -ки. Сдво́рок. Издво́рок, -ка, -ки. Придво́рок. Подво́рок. Задво́рок, -ка, -ки. Па́дворок

Префиксально-суффиксальные образования с суф. *-ок-*(*ък-*) образуют на карте несколько ареалов.

Небольшой ареал слова ***удво́рок*** расположен в восточной части ладого-тихвинской группы северного наречия, где он примыкает к более значительному ареалу слова *одво́рок*, занимающему центральную часть этой группы. *Удво́рок* отмечено также в межзональных белозерско-бежецких говорах в среднем течении р. Суды, единично к востоку от Рыбинского водохранилища и в районе г. Гдова. В КСРНГ *удворок* отмечено в значении 'место, на котором находится дом с хозяйственными постройками' (II, 921, Речица, Бабаев., Волог. Меркурьев, 1954). К востоку от Рыбинского водохранилища слово отмечено также в значении 'двор и овинник земли', 'усадебная земля', 'полосы земли близ деревни, дому' (I, 80, Пошехоно-Волод., Яросл., Копорский, 1929).

Основные ареалы существительного ***одво́рок*** находятся в пределах ладого-тихвинской группы: кроме упоминавшегося уже ареала в центральной части (расположенного с северо-востока на юго-запад) здесь имеется еще ареал на юго-востоке. Небольшие ареалы отмечены в гдовской группе западных среднерусских окающих говоров, единично слово отмечено в пределах псковской группы западных среднерусских акающих городов.

По данным КСРНГ слово *одворок*, кроме указанных ареалов (где оно в основном означает 'место, на котором находятся дом, хозяйственные постройки, огород, сад', иногда 'место под домом и хозяйственными постройками'), подтвержденных данными КСРНГ (II, 1024, р. Мста, Строгова, 1955; II, 232, 233, д. Усадище Волх. р. Лен. обл.; I, 700, Борович. и смежн. р. Новг. XX в., Поршняков, 1965) представлено в этих значениях в Московской обл. (II, 1049, ПО-Бакш., ПО-Бобр., Моск., Иванова, 1968), отмечено в значении 'поле, смежное с двором, с избой' (II, 367, архив АН СССР, ф. 9, № 16; I, 70, Бурнашев, 1843), а также как топоним, служащий названием удаленного участка пахотной земли (II, 1024, р. Мста, Строгова, 1955).

В картотеке ДРС слово *одворок* нашло отражение в значении какого-то участка пахотной земли или луга: Погост Луской, а въ немъ ямскихъ Земель; пуст. Старой ямъ, пашни паханые на *одворке* и около *одворка* снято по смите ярового хлѣба 6 чет. (Кн. ям. новг., 1624); Пустошь лѣсомъ поросла; а на *одворкѣ* копенъ сѣна будетъ накосить с пять, и тотъ *одворокъ* отданъ косити... (там же); Деревня Дубовики двѣ обжи съ полполчетью, пашутъ зарубежскіе выходцы изъ пятого снопа... да на Ушовикахъ на *одворкахъ* и около *одворка* муровых сто пятнадцать копенъ (АЮБ, II, 1684); ... а опроче того ихъ мельничного дворового мѣста иного никакого писаного печища и *одворка* нынѣ нѣтъ и прежъ сего не бывало (А. гражд. распр. II, Фед. Чех., 776).

Основной ареал слова ***ободво́рок*** расположен к западу, востоку и юго-востоку от Псковского озера, а значительно меньший – к юго-востоку от оз. Ладожского. В пределах этих ареалов по материалам ДАРЯ слово имеет почти во всех случаях значение 'место, на котором расположены дом, хозяйственные постройки, огород, сад'. *Ободво́рок* отмечено также в Среднем Поветлужье. В некоторых единичных случаях слово отмечено в варианте жен. р. – *ободво́рка* (д. Бухалово Некоуз. Яросл. обл. и д. Берег Ковжин. Волог. обл.), в pl. tant. *ободво́рки* (д. Ольково Андом., д. Васютино Шольск. и д. Чалекса Белозер. Вологод. обл.)

Единично в пределах основных ареалов, а также и в отдельных ЧДС за пределами все эти существительные могут иметь значение 'место под домом и хозяйственными постройками' (д. Березье Выруск. ЭССР, д. Берег Ковжин. Волог. обл., д. Бестужево Устьян. Арх. обл.) или 'место под посадками' (д. Низино Новоладож. Лен. обл., д. Беклемишево Устьян. Арх. обл., д. Мошкино Калинин. Горьк. обл.).

Материалы КСРНГ подтверждают наличие слова *ободворок* во всех перечисленных значениях: 'место, на котором находятся дом, хозяйственные постройки, огород' (II, 27, д. Гридино Новоржев., Псков., Максимов, 1957; II, 52. Пск. Пск. Копаневич, 1904–1918); 'место, занятое домом и двором, усадьба' (I, 1204, Бол. 130, Калин. Слов., 1972; II, 33, д. Салтаново Пушкиногорск. Пск., Царева, 1952); 'участок земли при доме' (II, 232, 233, д. Низино, Новолад. Ленингр., 1955; II, 27, д. Пещивици Славков Пск., Завьялов, 1957; II, 1094, Залесье, Подграмье Печорск. Пск., Боровкова, 1963); отмечено также значение 'задний двор' (I, 51, Пск., Твер., Осташ. Доп. Оп. 1858). В памятниках письменности слово не встретилось.

Существительные ***сдво́рок*** и ***издво́рок*** образуют ареалы тоже в пределах северо-запада. *Сдво́рок* отмечено в нескольких ареалах, один из которых находится в пределах новгородских говоров в их центральной части (к северо-западу от оз. Ильмень), второй – в пограничье новгородских говоров с псковской группой, третий – в смежных районах ладого-тихвинской и селигеро-торжковской групп ("Помостье").

По материалам ДАРЯ оно почти всегда отмечено в общем значении 'место, на котором находятся дом с хозяйственными постройками, огород, сад', за исключением говоров д. Мельница Пушкиногор. Псков. обл. и д. Меньково Волотов. Новг. обл., где оно означает 'место, на котором находятся жилые и хозяйственные постройки' и д. Жихново Опечен. Новг. обл., где оно означает 'место под посадками'.

Материалы КСРНГ подтверждают второе из этих значений: *сдворок* – 'место, занятое жилыми и хозяйственными постройками одного домохозяина' (II, 945, д. Владыкино и др. Борович. Новг., Гарновский, 1968). Даны и такие ответы: 'усадебное место в деревне' (II, 52 Пск. Пск. Капаневич, 1902–1904), 'усадебное место, усадебная оседлость'. Четыре брата живем на одном *сдворке* (II, Новгор. Новгор. Второе Доп., Покровский и Яценко, 1905–1921).

Другой вариант этого слова – *издво́рок*, занимает пространство между ареалами варианта *сдво́рок* и слова *ободво́рок*, включая юго-западную часть новгородских говоров и некоторые северные районы на территории псковской группы. В СРНГ слово приведено только в значении 'приусадебный участок' (Луж. Петерб. Срезневская, Славк. Пск., 1957), в картотеке есть свидетельства об общем значении: *издворок* – 'участок земли, занимаемый избой, двором и усадьбой'. На сваи́м *издво́рки* пасяли́фшы // карто́шка, капу́ста, угурцы́ паса́жана на *издво́рки* (КСРНГ, Гинеи Славковск. Пск., В. Максимов, 1957) и о значении 'участок земли, где находится дом с постройками' (Амосово Славковск. Пск., 1957).

Слова ***придво́рок*** и ***подво́рок*** в материалах ДАРЯ приводятся в таких значениях, которые относятся к хозяйственным постройкам различного назначения. По материалам КСРНГ *придво́рок* (с ударением на корне) в значении 'участок при доме, открытый двор' отмечено единично в пределах северо-западной зоны (II, 232, 233, д. Низино Новоладож. Лен., 1955; I, 1204, Ржев., Пен., Калин. слов., 1972). Оно отмечено также в Новосибирской обл. (II, 816, д. Кретово Сузун). С ударением на приставке *при́дворок* отмечено в этом же значении в псковской группе (КСРНГ, II, 27 д. Подсосонье Пушкиногор., Кудяево Новоржев. Пск., 1957; II, 69, Мясов, Пск., 1958; II, 57, Пск., Осташ., Твер. Карпов, 1855; I, 52, Опоч., Псков., Опыт, 1852). Слово нашло отражение в фольклоре: ... Вотъ тебѣ грамота посольная Отъ Кастрюка сына Кастрюкова: Чисти улки съ пріулками, Дворцы с *придворками*, Конюшни спаражнивай И дворы разглаживай (ДРС, Пес. Рыбн., III, 258).

Слово, *подво́рок* в значении 'пространство земли, занимаемое двором' отмечено в материалах середины XIX в. (II, 57, Доп. Оп., ПСК., Осташ., Твер., 1858; Даль, вост.). В другом значении: 'крестьянское строение, заключающее амбары, сараи, маслобойки на другой стороне улицы' (I, 645, Курск., Орл., Тул., Калуж., Васьянов, 1840). В значении 'усад' – в псковских, тверских говорах (Даль). Е.Э. Бломквист характеризует *подворок* в связи с тенденцией "разделения двора на передний, охваченный разными службами и навесами, и задний (*подворок*), где держат скот; со двора на *подворок* ведут ворота в середине навесов, прямо против избы. На *подворке* расположены закуты (хлева) и варки (загоны) для скота" [Бломквист, 1956, 192]. Она отмечает эту тенденцию от Воронежской области на восток. А южнее, по ее наблюдениям, небольшой задний двор телят и овец называется *придворок*. В.И. Даль указывает для слова *придворок* значение 'задний, скотный двор' для курских говоров, а значение 'место, пригороженное ко двору, огороженное место супротив двора, напереди его, где амбар и другие строения' локализует пометами пск., орл. и др. В формулировках Даля заметно стремление подчеркнуть мотивированность слов ("место под двором и домом" для *подворка*, "место, пригороженное ко двору" для слова *придворок*).

Фактически значения у этих слов одни и те же, хотя локализованы они различно.

В памятниках отражено слово ***подворок***: ... отъ устья той рѣчки до города Балаклѣй *до подворковъ* пятьсотъ дватцать сажень (КДРС, Баг. Мат. XXVI, с. 84, 1680); ... да выше города Красного Кута *за подворками* вверхъ подле реки Мерли монастырь... (там же, XXXIV, с. 139, 1686); ... да онъ же Иванъ отнялъ у него *подворокъ* и сенные покосы... (там же, XII, с. 166, 1692).

Образования с приставкой *за-* и суф.-(*о*)*к*-представлены в ДАРЯ единичными примерами, а в КСРНГ – в шести вариантах звуковой формы – ***задво́рка*** // ***за́дворка*** // ***задво́рок*** // ***за́дворок*** // ***задво́рки*** // ***зо́дворки*** (pl. tant.) и в довольно большом количестве примеров. Ни один из вариантов не имеет определенной территории распространения, каждый зафиксирован в той или иной мере и в южном и в северном наречии.

В большинстве случаев слово означает 'место позади дворов' (*задво́рок* – Арх. Шенк., Второе Доп., Покровский и Яценко,: 1905–1921; II, 367, арх. АН СССР, ф. 9, № 16; II, 584, Шенк., Арх., Плечев, 1898; II, 937, д. Княщино, Волх. Лен., 1967; I, 51, Олон. Доп., Оп. 1858; II, 909, Вашкин. Волог., Амосов, 1964; II, 136. Уломск. Волог. Матвеев А.К., 1961; Урал., Миртов, 1930; *за́дворок* – II, 57. Пск. Осташ., Твер. Карпов, 1855; *задво́рка* – II, 165, Пошехон., Яросл., Архангельский, 1849; II, 104, Казан., 1847 (задний двор для скота); II, 44, д. Бахарево и д. Чернеево Горицк. Калин., 1959; *за́дворка* – I, 54, Олон. Куликовский, 1885–1898; II, 152, Бредихино, Новос. Тул., Глаголев, 1900; *задво́рки* – с. Усьянско-Дмитревское Сев.-Двин., Романов, 1928; II, 233, д. Белая Кириш. Ленингр., 1955; Повс. Волог. Иваницкий, 1883–1887; 1,89, Кашин, Твер. Смирнов, 1897; I, 112, Яросл. Голанов и Копорский, 1926; I, 789, Яросл., Мельниченко, 1961; II, 109, Нерехт. Костром., Смирнов, 1853; I, 74, Смолен., Иванова и др., 1958; II, 140, Волог. Грязовецк. Волог., Обнорский; II, 161, Самар., 1854; *за́дворки* – Петерб. Царскос., Курск. Щигр., Второе Доп., Покровский и Яц., 1905–1921; II, 311, Славян. Царскос. Петерб. 1848–1850; I, 915, КАССР, Частушки, 1937; I, 196, Дорогоб. Смол., В.М. Архангельский, 1927).

Оно может означать: 'сарай позади дома и надворных строений' (*задво́рок* – II, 50, Пск., Копаневич, 1904–1918; I, 257, с. Голунь и Новомихайловское Новосил. Тульск., Руднев, 1853); 'сарай против дома' (*задво́рок* – Калуж. Мещовск., II Доп., Покр. и Яц., 1905–1921; II, 135, д. Селино Дубенск. Тульск., Ф.П. Филин, 1933); 'место, обнесенное заборами с навесами напротив дома через улицу' (*за́дворок* – I, 52, Орл. Малоарх., Опыт, 1852); 'дорога за воротами деревни' (*задво́рок* – I, 51, Олон., Доп. Оп. 1858).

Еще одно образование с суф. -(*о*)-*к*- нашло отражение в материалах ДАРЯ и в КСРНГ – ***по́дворок***. По данным лингвогеографии слово лока-

лизуется в южном наречии на пограничье восточной группы и межзональных говоров типа Б в значении 'постройка, помещение (для скота) при доме'. По материалам картотеки СРНГ *пáдворок* отмечено примерно в тех же местах и западнее, означает 'задворки, задний маленький двор' (I, 589, Малоарх. Орл., Вуколов, 1928; I, 146, Нижнедев. Ворон., Поликарпов, 1893), а также 'огороженное место для скота отдельно от жилья (в поле, в лесу)' (II, 45, д. Выворотково Беседин. Курск., О. Кузнецова, 1962; II. 379, Орел, Горожанский, 1885). В.И. Даль приводит слово в значении 'сарай, надворное холостое строение' (с пометой орл.).

Двóри́ще. Подвóрище. Одвóрище

С суф. *-ищ-* по лингвогеографическим данным два варианта беспрефиксных образований – ***дворúще*** и ***двóрище*** – образуют расположенные в разных наречиях ареалы. Вариант *дворúще* характерен для некоторых говоров северного наречия. Он отмечен в вологодской группе в верховьях р. Ваги в значениях 'место, на котором находятся дом с хозяйственными постройками, огород, сад' и 'место, на котором находятся дом и хозяйственные постройки'. В тех же значениях этот вариант образует небольшой ареал в белозерско-бежецких межзональных говорах в низовьях р.р. Шексны и Суды (у северной оконечности Рыбинского водохранилища) и еще меньший ареал к востоку от г. Боровичи на пограничье ладого-тихвинской группы северного наречия и селигероторжковских среднерусских говоров. Вариант *двóрище* образует два небольших ареала в западной группе южного наречия – к западу от Смоленска на границе с Белоруссией в значении 'место под жилыми и хозяйственными постройками' и в районе г. Рославля в значении 'место, на котором находятся дом, хозяйственные постройки, огород, (сад)'.

В КСРНГ слово *дворище* отмечено в значении 'место, на котором находится дом с хозяйственными постройками' (II, 813, Черепов. Волог. Чайкина; I, 789, Яросл., Мельниченко, 1961; I, 700, Прионеж., Шайжин, 1922; II, 78, Волог., Дилакторский, II, 816, с. Козиха, Ордын. Новосиб., 1966). Иногда оно отмечено в других значениях: 'место, где раньше находился двор с постройками на нем' (I, 189, Междуречье Оки и Прони, Ряз., Руделев, 1955–1957; II, 36, д. Усть-Цильма Усть-Цилемск. Арх., Ивашко, 1951); 'нежилой заброшенный дом вместе с относящимися к нему постройками' (II, 215, д. Панино Верховаж. Вологодск., А.А. Никольский, Ю.П. Чечков, 1956); 'расчищенное место в лесу' (Волог., Иваницкий, 1883–1899). Во всех случаях, когда ударение поставлено, оно падает на суффикс: *дворúще*.

И.И. Срезневский в соответствующей словарной статье (Срезневский, I) не дает толкования значения слова *дворище*, ограничиваясь приведением довольно большого материала.

В ДРС слово дано в двух значениях: 'огороженный участок земли, где находятся жилые и хозяйственные постройки' и 'место, где когда-то

был двор'. В материалах картотеки ДРС есть пример, видимо, подтверждающий значение 'нежилой заброшенный дом вместе с относящимися к нему постройками': Едино же обретоста пусто *дворище* ветхо и сѣдша по (sic!) сѣнью полаты ѥсти начаста еже ношаста босъманый (sic!) старець (Пролог XV в., л. 137 БА 24,4.33, Слово о судьбе божиих неискателей). Остальные примеры (имеющиеся в значительном количестве) либо подтверждают данные в словаре толкования (ДРС, 4), либо не дают возможности установить значение слова.

В Словаре Академии Российской (1809 г.) вариант *дворúще* приведен в качестве увеличительного в словарной статье на слово *двор*. Вариант *двóрище* дается там отдельной словарной статьей с толкованием "то же, что подворье" и иллюстрируется примером: Владыка Давидъ заложи церковь каменну въ Неревъскомъ концѣ на своемъ *дворищѣ* (Новг. ЛѢт. 169).

Существительное ***подвóрище*** на карте ДАРЯ локализовано в районах среднего течения р. Угры (ближе к верховью) в значениях 'место, на котором находятся дом с хозяйственными постройками, огород (сад)' (д. Пустошка Всход. Смолен. обл.), 'место, на котором находится дом с хозяйственными постройками' (д. Большая Мышинка того же района) и 'место, на котором раньше стоял дом' (д. Бесово Вязем. Смолен. обл.). В КСРНГ префиксально-суффиксальное образование *подвóрище* приведено в значении 'место, где когда-то был двор' (Деулин. Ряз., 1960–1963).

Другое префиксально-суффиксальное образование ***одвóрище*** образует небольшой ареал в левобережье р. Сож вблизи границы с Белоруссией. Оно означает здесь 'место, на котором находятся дом с хозяйственными постройками, огород (сад)'. В картотеке ДРС оно также отражено: ...сѣна на *одворище* 40 коп, лѣсу непашенного вдоль на полверсты, а поперегъ тожъ (Кн. п. Моск., I, 1592–1594); Список порозжимъ землямъ и пустошамъ и оселкомъ и *одворищомъ* (Доп. XXI НИ с. 687, РИБ).

Удвóрье. Одвóрье. Ободвóрье. Задвóрье. Подвóрье

Слова с суф.-*ьj*- на карте ДАРЯ не нашли отражения, в материалах они встретились в единичных случаях: ***ободвóрье*** (д. Ракула Кириллов. Волог. обл., с. Рылеево Галич. Костр. обл., д. Кишкино Пушкиногорск. Псковск. обл.); ***удворье*** (д. Балмасово Бабаев. Волог. обл., д. Гатика Кириш. Лен. обл.); ***задворье*** (д. Киселево Грязовец. Волог. обл.); ***придворье*** (д. Бор Залуч. Новг. обл., д. Большие Фоменки Батур. Смолен. обл.); ***подворье*** (с. Тазино Б.-Березников. Морд. АССР, д. Уруково Трубчев. Брян. обл., с. Теляжье Русско-Брод. Орлов. обл., д. Каменка Измалков. Липец.обл.). В словарных картотеках эти слова представлены в разной степени.

Наибольшее отражение в КСРНГ получили слова ***задворье*** и ***подворье.*** В значении 'земля за двором' слово *задворье* отмечено чаще в северном наречии (I, 557, Беломор., Федоров А.И., 1952; II, 37, д. Пылема Лешуконск. Арх., Баркет; I, 49, Холмог. Арх., Грандилевский; Волог., Дилакторский, 1902; I, 53, Арх., Подвысоцкий, 1885; также Слов. русск. гов. Средн. Урала, 1964; II, 57, Пск., Осташ., Тверск., Карпов, 1855; I, 51, Доп. Оп. 1858; но и: I, 314, Березовка Дмитров. Орл., Пески, В.Н. Добровольский, 1905; I, 81, Осташк. Калинин., Копорский, 1946).

Слово включено в Словарь Д.Н. Ушакова с пометой обл., оно есть в Словаре Бурнашева (I, 70, Бурнашев, 1843), в "Сборнике" Н.В. Гоголя (I, 508, Н.В. Гоголь, 1891). В этом же значении слово включено в "Дополнения" к словарю И.И. Срезневского (Срезневский, III): *Въ задворіи* три двора казачіихъ (Купч. Кирил. мон., 1568 г.).

В значениях 'пристройка к двору для скота' или 'место, обнесенное заборами с навесом' слово отражено в немногих материалах (КСРНГ, I, 86, Пудож. Олон., Песни, Рыбников, 1864; I,51, Перм., Доп. Оп., 1858; II,154, Перм., Муллов; Урал., Миртов, 1930; I,145, Тобол., Патканов и Зобнин, 1899; Кург. Тюм., Сургут., – Ж. С., 1899, 4).

Слово ***одворье*** может также означать 'место за двором' (КСРНГ, I, 1204, Ос. 378; Калин. слов., 1972) или 'все место во дворе, которое не застроено' (I, 1204, Ржев. 363, Беж. 365, Выс. 366, Каш. 362, Д. твр. II, 609, Калин. слов., 1972), 'первые полосы в поле к дворам' (Волог., Дилакторский, 1902); 'пристройка к двору' (II, 37, д. Березники, Лешуконск. Арх., Хаустова, 1949). В картотеке ДРС слово *одворье* нашло некоторое отражение: сѣна ставилось по *одворью* и межъ пашенъ 10 коп. (Кн. п. Моск. I, 1577–1578); ... А косѣли на тое пустоши около *одворья* Ноугородецъ Харка Шапочникъ... (Кн. Ям. Новг., 186; см. также: НПК № 1. Кн. пер. Бежецк. пят., 1564). Слово приводит Ю.И. Чайкина по новгородским и вологодским документам XVI–XVII вв. [Чайкина 1975, 102] в качестве названия сенокосного или пахотного угодья.

В картотеке СРНГ приводится уменьшительное образование *одворьице* в значении 'усадьба' ("*одворьице* имею", "*одворьице* косят" – II, 18, Пестиха Суздаль. Влад., Чернышев, 1910).

В значении 'место, окружающее двор' слово ***ободворье*** приводится в ряде районов Калининской обл. (I, 1204, Выс. – 366, Каш. 362, Кал. 303, Олен. 304, Ржев. 363, Калин. слов., 1972), было известно и в псковских говорах (II, 57, Пск., Осташ., Твер., Карпов, 1855). Другое значение – 'земля около деревни, околица' (I, 81, Осташк. Калин. Копорский, 1946; I, 1037, Осташ. Калин., Кириллова, 1968; I, 1204, Калин. слов., 1972). А.И. Федоров отмечает слово в некоторых памятниках (А. Холм.Уст. епар. 3,1658; Кн. Писц. Моск. I, 1577–78 – КСРНГ, II, 20, Арх., Федоров, 1954).

Образование с приставкой *по-* – ***подворье*** – в КСРНГ в материалах, относящихся к северу и средней полосе, отмечено в значении 'наемное

жилье', 'квартира', 'житье на чужом дворе, в чужой избе' главным образом по данным XIX в. (I, 147, Ярен. Волог., Протопопов, 1853; I, 518, Арх., Ефименко П.С. Сборн. 1867–1868). "Выражение *жить на подворье* – пользоваться по бедности квартирою бесплатно (в городе) или с обязанностью помогать в работе и отбывать посылки" (I, 53, Онеж., Арх., Подвысоцкий, 1885. См. также: II, 435, Кем. Арх. И. Дуров, Арх. АН, ф. 197, 2, № 2/2; Волог., Иваницкий, 1883–1889; II, 32, Шенкурск. Арх., М-лы Второго Доп.; Волог. Дилакторский, 1902; I, 49, Холмог. Арх., Грандилевский, 1907; I, 52, Тихв., Новгор., Опыт, 1852; I, 38, Черепов. Новг., Герасимов, 1893; II, 192, Вят. Слобод. Котельн., Вят., Тиховидов, 1848; I, 215, Уржум, Вят., Магницкий, 1882; Перм., Луканин, 1856). Эти значения отражены и в некоторых современных материалах (II, 909, Вашкин. Волог., Амосов, 1964; II, 41, Вожгальск. Киров., Горева, 1950; II, 964, Белояр. Свердл., Голубых, 1952).

Для севера отмечено еще и такое значение 'дом с двумя отдельными жилыми помещениями (по концам) и общими хозяйственными строениями (в середине), соединенными в одну постройку' (Шенкур. Арх., Дерягин, 1970), хотя больше, видимо, распространены были значения, сформулированные выше.

В близких значениях 'гостиница', 'дом в городе, принадлежащий архиерею или монастырю, в котором останавливаются на время приезжие' слово известно по словарям русского литературного языка, а также по обильному материалу КССРЛЯ. Однако среди материалов этой картотеки есть часть примеров из произведений разных авторов, в которых значение слова *подворье* можно скорее понимать как 'место, на котором находятся дом, хозяйственные постройки и т.д'., например: ...большинство домиков стояло прямо в степи, без всякой изгороди, и лишь неглубокие канавы разделяли одно *подворье* от другого (Мих. Соколов, Искры, кн. I, ч. II, I) или 'место, на котором находятся хозяйственные постройки, и сами постройки': Шли годы, и братья Меркушевы постепенно обзавелись и хатами *с подворьем*, и коровами (Бабаев, Кав. Зол. Зв., кн. II, гл. 23); Дом и *подворье* ему были известны до последнего сусека в амбаре... (В. Авдеев, У нас во дворе III, Гурты на дорогах). Подобные примеры относятся как правило к степным местам, т.е. к территории юга, они извлечены из произведений С. Бабаевского, М. Шолохова и некоторых других авторов. В таких значениях слово *подворье* отражено в Словаре русских донских говоров (СРДГ, 1975), где оно приводится как широко распространенное, в КСРНГ в источниках, локализованных в южном наречии (I, 474, Петино, Гремяч. Ворон., Собинникова, 1954; II, 1007, Орлов., Ново-Аннен. Сталингр. 1948–1953; I, 85, Донск. Миртов, 1929; II, 42, Романов. Рост., Рожкова, 1948–56; II, 303, ст. Кирпильская, Усть-Лабинск. Краснодар., 1965; II, 573, Терск., Кубан., Водарский, 1901). В этих же значениях, видимо, в песнях, записанных на Смоленщине и в Западной Брянщине (I, 314, Смол., В.Н. Добровольский, 1905; I, 967, Смол., Добровольский, 1890; I, 314, Лужки, Дмитров. Орл., Добро-

вольский, 1905; II, 1065, с. Горяны Зап. Брян., Расторгуев, 1957 – уменьшит. *подворъейка*). Уменьшительное *подворьицо* отмечено в фольклоре, записанном на Севере (I, 870. Былины Печоры и Зимн. Берега, 1961; I, 335, Кокшеньга, Тотем., М. Едемский, 1905).

В современной периодической печати это слово часто заменяет бывшее раньше в употреблении слово *двор: подворье* в значении 'хозяйство крестьянского двора' вытесняет словосочетание "*колхозный двор*", которое было употребительным в силу его официальной закрепленности в Конституции СССР, в Уставе сельхозартели. Это связано, по всей вероятности, с развернувшимся в деревне строительством домов усадебного типа и изменениями в быту сельских жителей. Но, возможно, что в этом значении слово *подворье* известно давно. Оно отмечено и в XIX в.: Всего вообще владения моего под строением, садом, *подворьем* и огородом едва ли было 450 кв. саженей земли (Записки Добрынина, Русск. Старина 1871 г. т. IV). В этом же значении – в произведениях фольклора: Собирайтеся, подружки, На *подворье* на мое! Собирайтесь поскорее, Посоветуйте вы мне (Русск. песни XIX в. Вечор поздно из лесочку); Как возговорит хозяин: "Мы погребемте, ребята, Вниз по матушке по Волге, ко Аленину *подворью*, Ко Ивановны здоровью" (там же, Вниз по матушке по Волге).

В словаре И.И. Срезневского (Срезневский, II) слово приводится с толкованием 'дом с двором и с дворовыми постройками, усадьба, жилище'. Правда, едва ли не в каждом примере значение слова может быть понято как 'временное жилье (на время приезда)', 'предоставленный приют'. Но для некоторых случаев в памятниках имело место значение, сформулированное И.И. Срезневским. В частности, оно зафиксировано в важских актах (Дерягин 1971).

Подво́рник

Подво́рник – еще одно префиксально-суффиксальное образование отмеченное в КСРНГ в единственном случае в значении 'земельный участок под огород, находящийся при крестьянской усадьбе' (II, 1047, Сенкевич, Южн. Ур., 1968). Слово той же звуковой формы, но в качестве личного существительного в значении 'жилец, постоялец, квартирант', отмечено в ряде северных областей, на Урале и в Сибири, а в значении 'бездельник, бродящий из дома в дом' – в некоторых среднерусских говорах (II, 365, Влад., Белик И.А., 1976; I, 52, Нижегор., Опыт, 1852; "про детей", Черкасы, Пенз., П.В. Зимин, 1963).

Дворе́ц. Одворе́ц.

Эти существительные также встречаются в значениях, примыкающих к рассматриваемой группе. ***Дворе́ц*** может в некоторых говорах выступать в значениях 'двор', 'небольшой двор' (I, 62. В. Чернышев, Псковск., 1927; Урал, Миртов, 1930; I, 688, Вят., Зеленин, 1915). Оно

отмечено в значении 'постоялый двор' (I, 150, Брян. Орл., Тиханов, 1904 – проиллюстрировано примером конца XVIII в.), а также в значении 'дом': Он живеть на томъ то *дворцы́* (-он живет в том-то доме – II, 75, Трубч., Карач., Брян., Орл., Сполохов, 1961) и в некоторых других, в том числе специальных. По материалам ДАРЯ *дворец* отмечено единично.

Существительное ***одворе́ц*** известно из КСРНГ, где оно представлено единичной фиксацией: *одворе́ц* – огороженное место для скота, вместо двора, хлева устраиваемое. В тех местах, где пастьба весной находится далеко от деревни и так как переганивать скот ежедневно затруднительно, то на пастбищах и устраивается всей деревней один *одворе́ц*, куда скотину и загоняют на ночь (Волог., Дилакторский, 1902). В СРЯ XI–XVII вв. слово *дворец* приведено в двух значениях 'уменьш. к двор' и 'усадьба и дворец правителя'. Первое значение связано со словом *двор* в нескольких значениях, как это имеет место и в современых говорах. Слово отмечено в памятниках XV в. в топонимической функции на территории Новгородского княжества (Лемтюгова, 1983). В той же функции отмечено *Одворец* (там же).

Одво́р. Подво́р. Придво́р.

Префиксальные образования, видимо, не распространены сколько-нибудь широко. В материалах ДАРЯ встретилось ***придво́р*** в значении 'огороженное место для скота при доме' (д. Заверняйка Опочец. Великолук. обл., с. Губарево Семилук. Воронеж. обл.).

В КСРНГ слово ***одвор*** отмечено в значении 'открытое помещение для скота' – "то же, что двор", т.е., видимо, в том же самом значении (II, 1084, Бур. АССР, Молодых, 1968). Оно отмечено также в значениях 'хлев, примыкающий к дому' (Кург. р., Урал, Миртов, 1930); 'летняя конюшня' (II, 713, Свердл., Пашковский, 1965), а также в значении 'место, загороженное для спуска ставного невода' (II, 1099, Кабанск. р., Бурят. АССР, Соколов).

Существительное ***подвор*** отмечено в значении 'двор' (I, 783, Басс. Ср. течения р. Оби, 1964), а кроме того в памятнике XVII в.: А мнѣ, попу Лукѣ, дати имъ, Семену и Лукѣ, мѣста земли под мельничной онбар и *подворъ*, гдѣ учнут мелницу... на котором берегу (Калуж. акт № 34, 1687 г.).

* * *

Как показало описание многочисленных префиксально-суффиксальных, префиксальных и суффиксальных образований с корнем *-двор-*, большинство из них характерно для северного наречия и некоторой части среднерусских говоров. Подавляющее большинство многозначно, и одно из повторяющихся у многих слов значений – 'ближайшие к жилым домам и дворам участки поля или луга'. Интерпретировать

такую структуру семантических диалектных различий, представленных этими словами, можно, видимо, только обратившись к истории хозяйственного освоения земель разных регионов великорусской территории на протяжении нескольких веков. Для всех тех слов, которые в части говоров отмечены со значениями 'участок пашни или луга, примыкающий к деревне' или 'ближайший к месту, на котором находятся дом, хозяйственные постройки, огород (сад)', эти значения следует считать более древними. Значение 'земля, непосредственно окружающая деревню' отмечено преимущественно у тех слов, которые имеют соответствующую словообразовательную структуру. У этих слов семантика преф. *у-*, *о-*, *обо-*с локальным значением определяет возможность такого значения слова, а семантика суффиксов не противоречит этому; общеименной суф. *-ин-* использовался в древнерусском языке со значением отношения/принадлежности, общеименные суф. *-ък-*, *-иц-* обладали структурной функцией [Азарх 1984, 24]. Исторические материалы свидетельствуют о том, что называемые этими словами участки использовались как луговые или пахотные земли, причем эти земли считались лучшими, о чем говорят и такие контексты, содержащие некоторые соотносительные с существительными прилагательные: Смотря по поземли: которые *одворочные* навозные земли – подорожѢ..., а полевые пахотные земли подешевле (КДРС, Д Т. II. XXXVIII, кн. 4, РИБ, 1596); И нынѢ, государь, тотъ МостоѲа владѢеть у меня насильствомъ моею *одвришною* лутчѢю зѢмлѢю и лишнѢю пашнѢю и покосы (Писц. д. II, 1627). См. выше и более поздние свидетельства и приведенное высказывание В.И. Даля. Эти значения атрибутивных сочетаний и соответственно существительных, видимо, были присущи этим словам с момента их возникновения. Слова зафиксированы только в старорусский период. Но "общеименной суф. *-ин-* в древнерусском книжно-письменном языке используется для подчеркивания конкретного значения абстрактного имени, если последнее имеет основное значение действия/состояния или качества" [Азарх 1984, 25]. В дериватах с корнем *-двор-* этим суффиксом, присоединенным непосредственно к корню, оформлены слова, конкретное значение которых (уточненное префиксом) в какой-то исторический период стало очень актуальным. Это – слова, связанные с общинным землевладением, при котором каждое из принадлежащих крестьянской общине угодий распределялось между ее членами, т.е. делилось на доли.

Для более раннего времени, для которого ряд исследователей предполагает наличие однодворных поселений [Чайкина 1976; Лемтюгова 1983; Витов 1962; Воронин 1935], допускается территориальное единство двора и возделываемой земли, при котором ближайшая возделываемая земля получала название *одворина* или *ободворина, одворица, ободворица* и т.п. в отличие от других участков обрабатываемой земли, названия которых, отражающие разные стороны обработки земли или виды использования, исследованы историками и лингвистами ([Кочин 1965; Ю.И. Чайкина 1975] и др.) "Лоскутность и распыленность пахотных участков отражала трудный путь разработки пашенной

земли, отмечала отдельные его этапы" – пишет Г.Е. Кочин [1965, 97], прослеживая эту лоскутность по материалам писцовых книг, актам и другим текстам с конца XIII по начало XVI в. Ю.И. Чайкина исследует появление различных названий, отражающих переход от подсечного земледелия к пашенному, ареалы их распространения и причины появления в говорах разных районов территории Белозерья. Выделение особым названием примыкающих к поселению земель ввиду их большей разработанности было необходимым – отсюда и появление слов с корнем *-двор-*.

Возникновение у этих слов значения 'место, на котором находятся дом, хозяйственные постройки (огород, сад)', отмеченного, как мы видели, во многих говорах, дающее ареалы, можно объяснить тем, что изменилась семантическая структура слова *двор:* на смену комплексности значения, включавшего и семантический признак 'участок земли, на котором...', во многих говорах пришла обычная многозначность, при которой слово стало известно в таких значениях, как 'постройка для скота (и других хозяйственных нужд) при доме' и 'хозяйство одной семьи', утратив (или ослабив) компонент 'участок земли, на котором...'. При этом слова *одворина, одворица* и под. могли переосмысляться уже в соотнесении с новым значением слова *двор* 'постройка для скота (и других хозяйственных нужд) при доме'. Значения других префиксально-суффиксальных образований тоже в основном определяются семантикой префикса. Таковы, например, слова с префиксами *при-*, *за-*, *па-*.

Суффиксальные образование *дворец* и *дворище* отмечены уже в древнерусских памятниках. У первого суф. *-ьц-* – из тех суффиксов, "которые участвуют в деривации уменьшительных образований" [Азарх 1984, 68]. По материалам можно предположить, что *дворец* уже с давних времен означало не только уменьшительное от *двор* (на это значение имеются убедительные примеры), но и некоторую часть целого, иногда в виде участка земли, иногда в виде постройки в пределах двора- 'совокупности жилых и хозяйственных построек и участка земли (под ними и при них)'. В значении 'место, на котором находятся дом, хозяйственные постройки и участок при них' слово известно больше по историческим материалам (СРЯ XI–XVII вв., в. 4), в СРНГ отмечено только комплексное значение, иллюстрируемое примерами из фольклора.

Суф. *-ищ-*, вычленяемый в слове *дворище,* по мнению некоторых исследователей, не обладал первичной экспрессивной функцией [Азарх 1980]. Об этом свидетельствует отсутствие соответствующих образований с экспрессивным значением при наличии слов с пространственным и некоторыми другими значениями в памятниках древнерусского языка. Пространственное значение слова *дворище* не подлежит сомнению и для тех ареалов, которые выявлены по данным лингвогеографии, и в тех контекстах, которые выявлены в памятниках. У слова *дворище* в белорусском языке отмечено по говорам Припятского Полесья значение 'патронимия, община родственнохозяй-

ственная' [Косвен 1950]. Такие *дворища* состояли из нескольких семей (*дворов*) и могли являться составной частью более крупных поселений. По мнению М.О. Косвен, в русских говорах термин *дворище* не связан с патронимией, по нашему материалу такая связь также не устанавливается. Видимо, приведенное в СРЯ I значение 'древнерусская форма коллективного землевладения и одновременно сельского поселения родственной группы' установлено по историческим исследованиям.

Суффиксальное образование *дворина* не нашло отражения в памятниках, возможно потому, что, будучи поздним и узко местным образованием, слово это не обозначало участка наиболее ценной для крестьянина земли. Оно тоже многозначно, тоже может иметь комплексное значение 'жилые и хозяйственные постройки и участок под ними', но в таком значении, видимо, совсем мало распространено.

Большинство рассматриваемых слов, входя в ЛГС названий участков земли, на которых находится жилище и приусадебное хозяйство крестьянской семьи, другими значениями относится либо к ЛСГ 'жилые и хозяйственные надворные постройки' (*двор*, *дворец*, *дворина*, *подворье*, *подворица*), либо к ЛСГ 'участки обрабатываемой земли, угодья'. Слова *подворье*, иногда *двор*, *дворец* могли входить в ЛСГ с интегральным признаком 'временный приют'. Как показывает карта, слова, оформленные разными префиксами и одним суф. *-(о)к-*, образуют значительные ареалы, которые, однако, расчленяются на менее крупные ареалы на основании различий в префиксации (*из-*, *с-*, *о-*). Префиксально-суффиксальные образования с суф. *-ин-* и вариантами преф. *о/обо-* (*одворина*, *ободворина*) создают общий ареал, перемежаясь мелкими отдельными ареалами. Все они представляют образования, не восходящие к древности. Их возникновение, видимо, связано с формированием довольно поздних диалектных группировок.

Префиксально-суффиксальные образования с корнем *-двор-* известны и белорусскому языку: в КСУМ отмечены слова *падвор'я* в значениях 'хозяйство' и 'двор, место, на котором находятся жилые и хозяйственные постройки'; *надвор'я* 'погода'; в том же значении это слово отмечено в ТС. В СБГПЗБ также приводятся это и другие существительные с преф. *на-* в разных значениях, а также *падвóр* 'двор', *падвóрак*, *пудвуóрак* в том же значении, *падвóр'я*, *падвóрка*, *падвóрышча*.

На карте 282 АУМ кроме слова *двір* представлены также *двóрище* и *подвірйе*, довольно широко распространенные.

Существительные с корнем *-сад-/-сѣд-*

Как уже говорилось, из слов этого корня широкое, почти повсеместное распространение имеет слово *усадьба*, довольно значительно распространено слово *усад*. Остальные слова образуют небольшие ареалы либо зафиксированы в единичных ЧДС.

Слова с вариантом корня *-сад-*

Сад. Усáд. Усáда

Безаффиксное ***сад*** отмечено по данным ДАРЯ только в одном из видовых значений: 'место под огородом' (д. Плесовская Верховаж. дд. Опариха и Кононовская Сямжен., д. Окатовская Тарног. Волог. обл.).

В качестве названия всего участка слово не зафиксировано в материалах ДАРЯ. Можно предполагать, что по говорам широко, а может быть и повсеместно, известно то значение, в котором слово *сад* зафиксировано в словарях русского литературного языка: 'участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами, обычно с проложенными дорожками' (СРЯ, IV). В Словаре Ушакова кроме этого значения приведено с пометой "обл." значение 'огород' для формы мн. числа *овощные сады*.

В областных словарях слово приводится еще в некоторых значениях 'огород вне дома' (СРДГ), 'небольшой лесок на полях' (НСО, Новосиб.); 'ограда палисадника' (НСО, Татар.), 'комнатный цветок' (НСО, Кыштов.; СРГК). 'глубина посадки судна на воде' (Арх. Подв.); 'отверстие в каком-л. орудии, куда вставляется рукоятка' (Приамур); 'водоем для хранения живой пойманной рыбы' (НСО, Колыван.) 'хлев для откорма свиньи' (СРДГ), 'пара мельничных жерновов' (СРДГ). *Сады* (мн.) отмечено в значениях 'комнатные цветы' (Ср. Оби, Доп. 1975); 'огородные растения' (Забайк.); 'посадка растений, время посадок' (Арх. Подв.).

В Словаре Даля приведено также *сады* в значениях 'цветы в горшках на окнах' (Арх.), 'семенной ячмень', 'семена для посева' (Арх.), 'овощи, особ. капуста, пущенная на семена' (Яросл., Влд.), 'присадки, вырытые с корнем деревья, для посадки куда' (Сиб.). *Сад* отмечено у Даля в значении 'откорм животного на убой' (Тмб., Сар.). Деминутивы *садок, садик*, кроме уменьшительного к первому значению, приведены в значении 'всякое устройство для содержания в неволе животных'.

В исторических источниках слово *сад* в значении 'место, на котором находятся дом, хозяйственные постройки, огород, сад', видимо, также на употреблялось. Кроме указанных в Словаре Срезневского значений – 'растение, дерево', 'деревья (собир.)', 'сад', 'роща', слово употреблялось в значении 'водоем для хранения живой пойманной рыбы': У того* пруда здѣлань *сад* на живую рыбу... (ДРС, Оп. белоз. рыбн. дв. 14, 1683); слово употреблялось с определениями: *стоячей сад, рыбный сад, деревянные сады, рубленые сады*, а также *сад заячеи*, огорожень вострымъ тыномъ (ДРС, Арз. А), что свидетельствует о более широком, общем значении: 'место для содержания или откорма различной промысловой живности'.

Префиксальное образование ***усáд***, имеющее широкое, хотя и непоследовательное распространение на востоке картографированной территории (исключая север, см. карту 1), в большинстве ареалов отме-

чено в значении 'место, на котором находятся дом с хозяйственными постройками, огород, сад...', но во многих случаях имеет видовое значение 'место под посадками'. В этих значениях оно отмечено в ЛСП разных типов. В первом значении оно чаще оказывается единственным названием всего участка земли при отсутствии названий частей участка. Ареалы такой "минимальной модели" наблюдаются в бассейнах рек Ветлуги и Унжи, к югу от г. Костромы, к юго-западу и востоку от г. Иванова, в бассейне р. Суры, где слово *усáд* образует ареалы, участвуя и в других семантических отношениях. Оно выступает в значении 'место под посадками' в парадигме (чаще двучленной), в которой в значении всего участка отмечены разные слова, чаще всего слово *усáдьба*.

В том же значении 'место под посадками' слово *усад* выступает в парадигме со словами, представляющими название места под домом и хозяйственными постройками: *усáдьба* (д. Хабаровское Богород. и с. Таможниково Дальне-Константинов. Горьк. обл.), *селитьба* (с. Кишкино и с. Григорово Б. Мурашкин. Горьк. обл., с Горки Б.-Игнатов. Мордовской АССР), *позьмо* (д. Кугушевка Лунин. Пенз. обл.), *дворина* (д. Жуковка Лух. Иван. обл., Починок Веселовска Варнавин. и д. Новая Красно-Баков. Горьк. обл.), *место* (с. Калапино Шашков. и д. Ягодное Курмыш. Горьк. обл.) при отсутствии названия всего участка.

Усад в единичных случаях означает 'место под домом и хозяйственными постройками' (с. Валки Лысков. и д. Шмойлово Работник. Горьк. обл.).

Вариант женского рода ***усáда*** отмечен в единичных ответах в значениях: 'место под посадками' (с. Спас-Загорье Малоярославец. Калуж. обл.) и 'место под домом и хозяйственными постройками, огородом, садом' (с. Колесниково Бельков. Ряз. обл.). В последнем значении отмечен также деминутив *усадец* (Лыково Верхне-Ландехов. Иванов. обл.).

Материалы областных словарей не позволяют уточнить характер "многозначности" слова в различных его реализациях по говорам, так что материалы ДАРЯ – основной источник наших знаний о нем (характере распространения, парадигматических отношениях, употребительности). В словарях сибирских говоров слово не отражено (НСО, Ср. Оби, СРГК, Ю. Красноярск, Забайк., Приамур.), его нет, видимо, в речи Кольских поморов (ЖРКП), русских донских говоров (СРДГ), д. Деулина (ДС). В картотеке ПОС слово приведено только один раз – в значении 'сад' (ПОС, АКП 493, Себ. Припиши, 1962). Вариант мужского рода – наиболее распространенный. Вариант женского рода отмечен по материалам словарей в Черкассах Пенз. обл. (КСРНГ, 1963, Зимин), в д. Борисково и с. Малахово Касим. р-на, с. Ветчаны Тум. р-на Ряз. обл. (КСРНГ, I, 1188, Ванюшечкин, 1968), в некоторых говорах Калуж. обл. (КСРНГ, I, 444, 361, Никольский, 1956, 1903).

У Даля слово приводится в сл. ст. *усаживать*. Оно дано с пометой "вост." в значениях 'отвод, место под крестьянский двор' и 'приполок, где сидят голуби' (*усад голубятни*). В сл. ст. *садáк* (сиб.) дается толко-

вание 'тягловый крестьянин, на полном *усаде* и тягле', т. е. Даль употребляет слово в авторской речи. Вариант *усада* приведен без локальных помет и без примеров.

Слово *усад* (*усада*) встречается в значениях, относящихся к участкам земли, в памятниках, связанных с той же примерно территорией, на которой оно наиболее известно в современных говорах: это – восток центральных областей. Оно известно и в памятниках юга.

Слово отмечено в нижегородских и арзамасских памятниках XVII в.: ... Новой ево *усадъ* на Шилаевской вершинѣ ... крестьянъ Федору Сычеву отделилъ въ томъ же *усаде* (КДРС, Арз. А. 10)... отдалъ в семъ Короповѣ послѣ гдрва крстьянина Симанка Амосова дворево осмушномъ здворомъ и с *усадомъ* и с огородомъ и схоромы ... того же села Коропова крстьянину Ивану Иванову сну (КДРС, Нижегор. а. № 28, 1642); А досталь того места до ука^{зу} гсдря нашго поберечь в *уса*^{0} крстьяномъ не давать (там же, № 23, после 1686 г.); И на той землѣ межа ... на два дуба ... на одном дубу три грани, грань по гранямъ, къ *усадамъ* (КДРС, Кн. Стр. 14); Отмѣрено на пашню ... подлѣ Свіяги рѣки, противъ *усадовъ*, в полѣ (там же, 15) ... а тотъ столбъ стоитъ промежъ *усадовъ* (там же, 16) ... а та береза стоитъ въ суходолѣ противъ гуменныхъ *усадовъ* подгородной слободы (там же, 27) ... дана имъ поляна полсемы десятины для *усадовъ* съ Федором Богдановымъ да съ Борисомъ Соколовымъ (там же, 62).

Оно есть в памятнике, относящемся к Московскому уезду: ... или будетъ которые помѣщики и вотчинники бѣдны и въ своихъ *усадехъ* земли не испахиваютъ, а отдаютъ въ наймы, и имъ про то сыскивать накрепко (КДРС, Писц. д. I, кн. 3).

Тот же наказ в несколько иной редакции: ... которые помѣщики и вотчинники бѣдные люди и въ своихъ *усадехъ* сами не испыхиваютъ, // а отдаютъ внаймы... тѣ пашни писати въ наѣзжую пашню (КДРС, Писц. д. II, 16–17, 1627 г.).

Слово употребляется писцами, описывающими владения Касимовских князей: ... и въ томъ Дасаевѣ ... помѣстье князь Кутушева вельѣно описать *усады* и на *усадехъ* мѣста дворовые и пашню; и сѣно, и лѣсъ, и всякіе угодьи (КДСР, АЮБ I, 1629 г.), помещиков Пензенского уезда: ... и въ томъ его Ивановѣ помѣстье при стороннихъ людехъ описали *усады* и *на усадехъ* мѣста дворовые и пашню и сѣна и лѣсъ и всякіе угодьи (там же, 42/43).

Судя по некоторым написаниям, видимо, также к территории юго-востока относится такой текст: ... наказъ данъ за дьячию приписью, штобъ намъ тое деревню Стинково по ихъ дачамъ усадищи ихъ живущи и пустые размежевать сряду, с одного, для того што у нихъ межъ себя въ *усадехъ* и въ пашне чинитца брань великая и тяжба (КДРС, Писц. д. I, 511).

Слово *усад* употреблялось в деловом языке достаточно широко: ... стряпчей Тимофѣй Мандрыкинъ ... старцу Трефилю да крестьянину Ивашку Пелѣгово рамешко, поземъ и дворищечки, и скотинные выпу-

ски съелхи и с сенными покосы и со всякими угодьи по тѣмъ рубежамъ, какъ они Государю били челомъ, на лготу в *усадъ* далъ; ... (КДРС, А. гражд. распр. I–II, 338) Приселок Воронино на речке на Удомке, а в нем церковь... Да крестьянских дворов и дворовых горелых мест... Двор горелой Сеньки Онаньина, полполчети выти, в 176[м] году вышел жить на Бакалды, а ныне тем *усадом* владеет Васька Семенов да Гараська Кирьянов, отдал им на новоприбылое тягло в номер (КДРС, Кн. переп. Мураш., 1671 г.). А велети ему рассмотреть *усады*, где пригоже устраивати церковь, и около церкви кладбище и слободу... (КДРС, Гр. Сиб. Милл., 1624 г.) ... пустовой *усадъ* и земля и луги и лѣсъ лѣвая сторона Григорья Черткова да сестры его Пелагеи да Михаила Савина (КДРС, АЮБ III, 109) ... Въ прошлом въ сотомъ году... сведены отцы наши и мы въ Оскольскiи городъ въ твою государеву станичную службу изъ розныхъ городовъ и велѣно насъ устроить дворами и *усадами* воеводѣ Сепану Данилову: и тотъ воевода, Степанъ Даниловъ, далъ намъ подъ дворы и *усады*, и под гумны землю... (КДРС, АМГ I, Челоб. Оскол. стан. вожей, 1628) ... мы били челомъ тебе, государю, о тѣхъ своихъ *усадахъ* и о пашнѣ, что Богданъ Сабуровъ и писецъ Юрiй Ловчиковъ у насъ огородныя и гуменныя *усады* отняли и отдали ямскимъ охотникамъ, а намъ въ то мѣсто дали *усады* въ Соковой полянѣ, и была у насъ твоя государева грамота, что намъ в Соковой полянѣ *усады* и дворовыя, и гуменныя, и огородныя даны, (там же) ... дикимъ полемъ въ ихъ межахъ и граняхъ и въ урочищахъ середъ *усадъ* и поля... (КДРС, Воронеж. А., 1682); ... рыбные ловли звено рѣки Дону, да звено рѣки Воронежа противъ ихъ *усадъ*... (Врн. П., 84).

В большинстве приведенных примеров (кроме последних) формы слова уверенно указывают на вариант мужского рода. Но и вариант женского рода в памятниках нашел достаточное отражение, причем не только в воронежских памятниках: ... церковь Воскресенье..., а церковныхъ дворовъ *на новой усадѣ*, что ему дано против ево *старой усады*: во дворѣ попъ, во дворѣ пономарь (КДРС, Ряз. п., 318); ... а на его жеребей сѣна... сто двадцать копенъ, лѣсу усадного *от усады* его на сто сажень... (КДРС, АЮБ. II, 1637) ... а липа стоитъ *за усадою* (КДРС, Ряз. П., с. 1286); 10 десятинъ *новой усады* на рѣчкѣ... (там же, с. 567); На ево *усадѣ* на новомъ выселку дворъ помѣщиковъ, дворъ задворного человѣка... на *другой усадѣ мѣсто* дворовое пустое помѣщиково (там же, с. 566) ... *через усаду* и черезъ огородъ и черезъ гумно... черезъ врагъ (там же, с. 745) и т. п. В арзамасских памятниках слово *усад/усада* отмечено в составе топонима: ... въ Орзамасской уѣздъ въ Ырженской станъ въ село *Березову усаду* (КДРС, А.Ю., 1574) ... въ селѣ *Козлинѣ усадѣ*... (КДРС, Зап. кн. о прод. хл., 1670).

Наличие примеров, в которых слово дано с определением (*гуменные усады*, *дворовые усады*), свидетельствует о том, что семантика его носила общий характер 'любой надел земли, предназначенный для жи-

лого строения и/или хозяйственного использования'. Другие примеры показывают, что слово употреблялось в качестве названия всего надела земли (на *усадах*, например, предлагалось описать и места дворовые, и пашню, и луг, и лес и т. д.). Или земля, называемая *усадом*, не включала пашню (у нихъ ... *въ усадахъ* и въ пашне чинитца брань ...). – *Усадом* могла быть названа только какая-то часть земли, на которой находятся еще и жилая и хозяйственные постройки, огород и т. д. (отдал ... двор ево осмушной з двором и с *усадом* и с огородом и с хоромы ...).

Показательно, что в текстах, написанных одними и теми же лицами, слово употреблено в одних случаях с определениями, указывающими на его общее значение, в других – в каком-то конкретном значении (подъ дворы и *усады* и под гумны – из Челоб. Оскол. стан. вожей, 1628).

Материалы памятников свидетельствуют о том, что слово *усад* могло относиться к наделам земли, принадлежавшим или отводимым как помещикам, так и служилым людям разного звания и крестьянам.

Сопоставление данных памятников и материалов ДАРЯ позволяет предположить, что слово *усад* в говорах, сохраняя всегда основной семантический признак каждого из своих значений 'надел земли', конкретизировало их впоследствии в соответствии с тем, каковы значения других слов – его ближайших семантических соседей в разных диалектных системах[22].

В литературном русском языке слово *усад/усада* квалифицируется как устарелое и областное (ССРЛЯ, т. 16; СРЯ, 4), в качестве иллюстраций в словарях приводятся тексты из произведений авторов XIX в.: Себе Герасим поставил *на усаде* не келью, а большую пятистенную избу. Печер. На горах, II, 15 (ССРЛЯ, 16). Заокские помещики устрояли на диком поле *свои усады* с 20, 30, 60, 75, 80 десятинами усадебной земли (ССРЛЯ, т. 16; Ключ. Курс русской истории) и т. д.

Са́дьба. Сади́ба. Уса́дьба

Существительное ***са́дьба*** известно по материалам ДАРЯ, оно приведено в немногих ответах на "Программу", преимущественно для говоров, находящихся вблизи границы с Белоруссией (д. Булино Велиж., д. Лептюхи Касплян. и д. Бердяево Пречистен. Смол. обл., д. Неониловка Глушков. Кур. обл.). По другим источникам оно не выявлено.

---

[22] Сохранение в говорах в основном варианта муж. р. – проявление общей тенденции сокращения числа родовариантных дублетов к концу старорусского периода [Азарх 1984, 58]. Исследователи установили также, что к этому времени у девербативов с нулевым суффиксом муж. р. идет активный "процесс конкретизации, опредмечивание значений" (там же), хотя соотносительность их с глаголами проявлялась и поддерживалась употреблением в одних и тех же контекстах существительного и глагола: ... велѣно воеводѣ Богдану Сабурову да писцу Юрью Ловчикову тѣхъ ямскимъ (!) охотниковъ строить и *усадою усадить* и пашнею гдѣ пригоже... (КДРС, АМГ I, Челоб. Оскол. стан. атам., 1628, 238).

Другое суффиксальное образование ***сади́ба***, в которой выделяют суф. -иб- [Лемтюгова 1983] встретилось два раза в пределах Смоленщины, хотя и ближе к ее восточной окраине. В одном случае у слова указано значение 'весь участок' (д. Глагазино Семлев. Смол. обл.), в другом – значение 'место под посадками' (д. Афонино Дорогобуж. Смол. обл.).

Слово считается полонизмом, вошедшим в украинский и белорусский языки в период вхождения юго-западных территорий в состав Речи Посполитой [Лемтюгова 1983]. Но в белорусском языке, видимо, более обычен вариант *седи́ба*: *сядзі́ба, сядзі́ма* гл. *сяліба* (СБГПЗБ). В памятниках юго-запада оно употреблялось в значениях 'участок земли, отведенный под двор или занятый двором, селище и 'двор-дом со всеми надворными постройками и огородом' [Лемтюгова, 1983]. В материалах, содержащихся в статье И.В. Шадурского [1965] встречаются написания *садыба* и *садибка*. В русских говорах Смоленщины слово *садиба*, очевидно, представляет сохранение более старого звучания, не претерпевшего последующих сближений с вариантом корня *-сед-*.

Префиксально-суффиксальное образование ***уса́дьба*** свойственно как говорам, так и литературному языку. В словарях литературного языка у слова выделено несколько значений: 1) 'совокупность строений (жилого дома, надворных построек) и примыкающих угодий (сада, огорода и т.п.), представляющих отдельное хозяйство (преимущественно в сельской местности)'; 2) 'поселок, место, где расположены жилые дома и хозяйственные постройки совхоза, колхоза и т. п.'; 3) 'земельный участок отдельного хозяйства' / 'земельный участок около дома, занятый садом, огородом и т. п.'. К этим определениям значений, данных в СРЯ, иллюстративный материал приведен из произведений писателей, принадлежавших и принадлежащих разным векам: первое значение, дополненное "оттенком значения" 'помещичий дом', проиллюстрировано цитатами только из произведений писателей XIX в., второе – примерами современных писателей. Это естественно, хотя для первого значения, вероятно, нашлись бы примеры и более позднего времени. Важно подчеркнуть, что в части говоров слово *усадьба* могло относиться лишь к помещичьему домовладению в деревне. Вообще, по-видимому, слово *уса́дьба* известно в говорах едва ли не повсеместно, но не везде оно относится к участкам земли. Поэтому на карте, свидетельствующей о широком распространении слова в интересующих нас значениях, есть пространства его непоследовательного и даже островного распространения[23]. Наименее распространено слово в этих значениях в костромской группе и в некоторых прилегающих районах вологодской группы северного наречия, а также в большей части белозерско-бежецких межзональных говоров. Значительны ареалы его

[23] Слово *усадьба* отмечено по говорам в нескольких вариантах звуковой формы. Наиболее распространен вариант *уса́дьба*. Вариант *уса́рьба* имеет некоторое распространение к югу от Рыбинского водохранилища и в ряде единичных нас.п.п. в пределах северо-восточной зоны. Вариант *уса́льба* отмечен единично в тех же пределах.

отсутствия в ладого-тихвинской группе северного наречия, в новгородских говорах и в псковской группе западных среднерусских говоров (см. карту 1).

Слово *уса́дьба* распространено главным образом в значении 'место, на котором расположены дом и хозяйственные постройки, огород, сад...', причем на обширных территориях в качестве единственного названия. В пределах северного наречия большие ареалы слова в этом значении имеются в вологодской и в ладого-тихвинской группах, в лачских говорах. В среднерусских говорах такие ареалы есть в их центральном регионе, несколько меньшие – в остальных частях. В южном наречии, кроме восточной части территории, распространение слова *уса́дьба* более последовательное, причем здесь, являясь в основном названием всего участка, во многих мелких ареалах слово служит названием только места под постройками. В разрозненных населенных пунктах и в небольших ареалах говоров центра слово отмечено как в этом, так и в другом видовом значении 'место под посадками'. В последнем значении *усадьба* отмечено и в некоторых говорах северного наречия (Новая Деревня и д. Самино Андом, д.д. Антоновская и Мелешево Тотем., д. Биричиха Велико-Устюг. Волог. обл., д. Бочево Бокситогор. Лен. обл., д. Заболотная Конст., д. Семеновская Черевков., д. Кононово Каргополь. Арх. обл.).

Об основных типах семантических отношений между словом *усадьба* и другим словом (словами) этой ЛСГ уже говорилось. Рассмотрим более подробно лингвогеографию ЛСГ, в которых одним из членов является слово *усадьба*.

Прежде всего необходимо отметить разрозненность населенных пунктов, в которых отмечено слово *усадьба* в составе ЛСГ, в том числе с одними и теми же словами. Это связано не только с характером распространения некоторых слов, но и с тем, что в каждой частной диалектной системе могут складываться семантические отношения между словами, независимо от соседних диалектных систем[24]. Как уже было показано выше, слово *усадьба* в парадигме соотносительных ЛСГ по говорам может занимать любую из рассматриваемых позиций.

Так, в составе ЛСГ со словами с корнем *-двор-* слово *усадьба* может означать 'место под домом с хозяйственными постройками, огородом (садом)': а) в трехчленных парадигмах, в которых в значении 'место под домом и хозяйственными постройками' выступают слова *дворина*: I *усадьба*, II *дворина*, III *усад* (д. Колбино Макарьев. Костром. обл.); *одворица*: I *усадьба*, II *одворица*, III *огород* (с. Власово Кривандин. Моск. обл.); б) в двучленных парадигмах, в которых в значении 'место под домом и хозяйственными постройками' выступают слова: *одворок* (д. Мишина Гора Полнов. Псков. обл.; д. Белая Кириш. Лен. обл., с. Семенково Чухлом. Костром. обл.); *сдворок* (д. Мельница Пуш-

[24] Напомним, что материал, который анализируется в данном случае, получен из нас.п.п., отстоящих один от другого на расстоянии не менее, чем 15–20 км.

киногор. Псков. обл.); *дворина* (с. Тимошино Макарьев. Костр. обл.; в качестве названия всего участка здесь приведено также слово *одворица*); *удворина* (д. Гришино Брейтов Яросл. обл.); *ободворина* (д. Софьино Пушкиногор. Псков. обл.); *одворица* (д. Щетниково Пошехоно-Володар. Яросл. обл. – в качестве названия всего участка приведено также *усадебник*; с. Каликино Ростов. Яросл. обл.); *ободворица* (д. Желтиково Лаль. Киров. обл.; д. Федорково Локнян. Великолук. обл.); *одворье* (д. Ивачино Харов. Волог. обл.; в качестве названия всего участка приведено также слово *оседлость*); *дворúще* (д. Мало-Степановская Пришекснин. Волог. обл.); *двóрище* (д. Прохладная Краснин. Смол. обл., д. Середнево того же района; здесь наряду со словом *усадьба* в качестве названия всего участка приведено слово *седлость*); в) в двучленных парадигмах, в которых в значении 'место под посадками (картофеля, овощей...)' выступают слова: *ободворок* (д. Олькова Андом. Волог. обл. – в форме множ. числа; д. Кириково Паш. Лен. обл.); *одворина* (д. Лаврово Мгин. Лен. обл.); *одворица* (д. Веретья Бабушкин. Волог. обл.; наряду со словом *усадьба* слово *одворица* употребляется и в качестве названия всего участка; д. Великий Двор того же р-на); *ободворица* (д. Мал. Степановская Котлас. Арх. обл.).

Слово *усадьба* может означать 'место под домом и хозяйственными постройками': а) в трехчленных парадигмах: I *сдворок*, II *усадьба*, III *план*, *сдворок* (д. Глушица Чудов. Новгород. обл.); I *удворок*, II *усадьба*, *удворок*, III *огород* (д. Пашозеро Капшин. Лен. обл.); I *одворина*, II *усадьба*, III *овинница* (с. Великое Село Тутаев. Лен. обл.); б) в двучленных парадигмах с первым заполненным членом, т. е. при наличии названия всего участка – слова *одворина* (д. Верховина Средняя Волхов. Лен. обл. – наряду со словом *усадьба* во II-ой позиции приведено слово *одворок*); в) в двучленных парадигмах с третьим заполненным членом – названием места под посадками картофеля и овощей. Из слов с корнем *-двор-* в такой позиции встречено *одворица* (д. Избное Коношск. Арх. обл.; наряду со словом *усадьба* во второй позиции приведено слово *дворúще*).

Слово *усадьба* может означать 'место под посадками (картофеля, овощей...)': а) в трехчленной парадигме: I *овинник*, II *дворище*, III *усадьба* (д. Дуброво Пришексин. Волог. обл.); б) в двучленной парадигме с первым заполненным членом: *одворица* (д. Песчанка Сольвычегод. Арх. обл. – также *номер*; д. Астафьево Струнин. Влад. обл.); *ободворица* (д. Остажевский Починок Подосинов. Киров. обл.); *дворúще* (д. Боровая Пустошь Верховаж. Волог. обл.); в) в двучленной парадигме со вторым заполненным членом: *сдворок* (д. Кремено Оредеж. Лен. обл.; наряду со словом *усадьба* в третьей позиции приведено слово *план*; д. Меньково Волотов. Новгород. обл.); *дворина* (д. Труфонцово Ильин. Яросл. обл.); *ободворица* (л. Яковлевская Гора Подосинов. Киров. обл.); *дворúще* (д. Прягаево Кадуй. Волог. обл.; во

второй позиции здесь приведено еще слово *обседлость*, а в третьей – слово *огород*; д. Фоминское Краснобор. Арх. обл. в третьей позиции также приведено и слово *огород*); *дво́рище* (д. Недвижи Краснин. Смол. обл.);

На востоке картографированной территории однокоренные *усадьба* и *усад* часто оказываются сосуществующими в одних и тех же ЧДС. Выше уже отмечались некоторые из тех семантических отношений, которые имеют место между ними. Чаще всего эти слова приводятся в материалах в качестве дублетов в значениях 'место, на котором находятся дом, хозяйственные постройки, огород, сад...' или, реже, 'место для посадки (картофеля, овощей...)'.

В ареале слова *усадебник* (вокруг г. Пошехонье-Володарск) слово *усадьба* почти во всех ЧДС также присутствует и выступает в том же значении 'место, на котором находятся дом, хозяйственные постройки, огород, сад...', т. е. эти однокоренные всегда являются дублетами.

Те же отношения наблюдаются между словом *усадьба* и словами, образованными от варианта корня *-сед-*, в ареалах их сосуществования. Исключения немногочисленны.

Усадьба может выступать в первой позиции при наличии слова *оседлость* в третьей (д. Меглино Пенов. Великолук. обл.), но отмечено и обратное отношение (с. Муньга Вашкин. Волог. обл.). *Оседлость* отмечено во второй позиции – в значении 'место под домом и хозяйственными постройками' при наличии слова *усадьба* в первой позиции (д. Тиняково Малоярославец. Калуж. обл., с. Усть-Демино Ельнин. Смол. обл.). Возможно слово *оседлость* в общем значении (первая позиция) и тогда, когда слово *усадьба* отмечено в значении 'место под посадками (картофеля, овощей...)' (д. Назарово Пушкин. Моск. обл.; в первой позиции отмечено также слово *гнездо*). Отмечена и такая двучленная парадигма, в которой слово *оседлость* означает 'место под домом и хозяйственными постройками', а слово *усадьба* 'место под посадками' (с. Шокино Курмыш. Горьк. обл.).

С вариантом *обседлость* слово *усадьба* тоже зафиксировано в дублетных отношениях (д. Красные Глины Бабаев. Волог. обл., д. Шаблово Кологрив. Костром. обл., д. Тырыково Соколь. Волог. обл.) и в более сложных отношениях, когда слово *усадьба* возможно в двух позициях: I *усадьба*, *план*, *обседлость*, III *усадьба* (д. Старина Борисово-Суд. Волог. обл.).

В немногих случаях наблюдаются дублетные отношения между словом *усадьба* и вариантами *оседланность* // *обседланность*. В северном наречии они отмечены в значении 'место, где находится дом с хозяйственными постройками, огород, сад...'. За пределами северного наречия *оседланность* отмечено в немногих единичных нас.п.п. чаще в значении 'место под домом и хозяйственными постройками', причем слово *усадьба* в этих ЧДС может выступать и в общем значении (с. Рыбное

Острогож. Воронеж. обл.), и в значении 'место под посадками' (д. Плешивка Алексин. Туль. обл.) и в том же значении, что и *оседланность*, т. е. может быть в отношениях дублетности (д. Крутицы Тарус. Калуж. обл.).

При сосуществовании слова *усадьба* со словами с корнем *-сел-*, что имеет место в пределах юго-западной зоны (*селитьба*, *селиба*, *селина*, *селибник*, *оселок*) и к востоку от г. Тулы (*уселок*), во всех случаях наблюдаются дублетные отношения, чаще всего в значении 'место, на котором находятся дом с хозяйственными постройками, огород, сад...', иногда в значении 'место под домом и хозяйственными постройками' (со словом *уселок* – в с. Раступово Михнев. Моск. обл.; со словом *селиба* – в д. Ст. Кочева Дубров. Брян. обл.).

В тех ареалах, где наблюдается сосуществование слова *усадьба* со словом *печина*, эти слова либо находятся в отношениях дублетности (выступая чаще в общем значении, единично в значении 'место под домом и хозяйственными постройками'); либо слово *усадьба* означает 'место под домом, хозяйственными постройками, огородом, садом' – слово *печина* – 'место под домом и хозяйственными постройками' (д. Горушки Углич. и д. Судилово Ильин. Яросл. обл., д. Черноярово Новоржев. Псков. обл., дд. Дощаново Холм. Козловка Торопец. и Монино Кудевер. Великолук. обл.), либо, наконец, *усадьба* выступает в значении 'место под посадками', *печина* – в значении 'место под домом и хозяйственными постройками' (дд. Брыкино и Юрново Калязин. Калинин. обл., д. Труфонцово Ильин. Яросл. обл.). В этом небольшом ареале наряду со словом *усадьба* в III позиции приводятся и другие слова: *огород*, *гумно*, *гуменник*, причем они не обязательно являются синонимами, а могут относиться к разным частям приусадебного участка. Так, в ответе из д. Юрново говорится, что *усадьба* – место, где косят, а *огород* дают отдельно.

Со словами *огород* и *огородец*, *загорода* слово *усадьба* вообще неоднократно отмечено в синонимических отношениях в общем значении. Но в отдельных случаях при их сосуществовании в ЧДС в составе одной ЛСГ они занимают в парадигме разные позиции: *усадьба* означает 'весь участок', *огород* – 'место под посадками' (д. Демушкино Сасов. Ряз. обл., д. Русская Ламша Рыбкин. Мордовской АССР, с. Чиресь Б.-Болдин. Горьк. обл.; в качестве общего названия здесь приведено еще и слово *гумно*; такие же отношения наблюдаются между словами *усадьба* и *огород* в с. Евсюковка Усман. Липецк. обл., но в этой ЧДС слово *гумно* относится к приусадебному участку). В некоторых случаях оба слова *усадьба* и *огород* относятся к месту под посадками, посевами, но различают участки, занятые разными культурами: *усадьба* (и *усад*) – где садят картошку, *огород* – где садят овощи (д. Амачкино Павлов. и с. Березники Дальне-Константинов. Горьк. обл.; словом *усадьба* здесь называется и весь участок); *усад* – *усадьба* – где сеяли ячмень, конопли, льны; *угород* – грядки, картофель (с. Арманиха Дальне-Констан-

тин. Горьк. обл.). На *усадьбе* – просо, картошка, на *огороде* – овощи (д. Кужадон того же района) и т. п. Отмечены и такие отношения, при которых словом *усадьба* называют место под домом и хозяйственными постройками, а словами *огород* и *гумно* – приусадебный участок (с. Новосеки Вознесен. Горьк. обл.).

Примерно те же типы семантических отношений наблюдаются между словами *усадьба* и *гумно*, *гуменник* (с. Никольское Рязанцев. Яросл. обл., д. Гари Залесн. Горьк. обл., д. Олифники Углич. Яросл. обл., с. Яковлево того же раойна, с. Большое Курапово Клепиков. Рязан. обл., с. Гулюшево Сур. Ульян. обл., с. Студенки Усман. Липецк. обл., с. Михайловка Эртиль. Воронеж. обл.).

В ареалах слов *осырок* и *творило* слово *усадьба* распространено частично налагающимся ареалом, обычно в качестве дублета – названия всего участка земли. В единичных случаях наблюдаются иные семантические отношения: слово *осырок* обозначает 'весь участок земли', а *усадьба* – 'место под домом и хозяйственными постройками' (с. Рождественское Яран. Киров. обл.). Слово *осырок* – в том же значении, слово *усадьба* – и в значении 'весь участок' и, чаще, в значении 'место под посадками' (д. Харюзово Кичменгско-Городец. Волог. обл.). Слово *творило* – в значении 'место под домом и хозяйственными постройками', *усадьба* – и в общем значении и в значении 'место под посадками' (д. Нижняя Волманга Мурашин. Киров. обл.).

В составе ЛСГ со словами *овинник*, *овинница* слово *усадьба* также может занимать разные позиции, хотя в тех единичных пунктах, где эти слова отмечены, слово *усадьба* не всегда приводится. Тем не менее оно отмечено в значении 'место под домом и хозяйственными постройками' в трехчленной парадигме, в которой весь участок называют словом *одворина*, а место под посадками – *овинницей* (д. Локтево Арефин. Яросл. обл.); в значении 'место под посадками' *усадьба* приведено также в трехчленной парадигме, в которой *овинником* называется весь участок, а место под домом называют словом *дворúще* (д. Дуброво Пришекснин. Волог. обл.).

Со словом *позьмо* слово *усадьба* сосуществует в основном в западных частях ареалов этого слова, преимущественно в одном и том же знечении 'место, на котором находятся дом, хозяйственные постройки, огород', т. е. в отношениях дублетности. В отдельных случаях оно отмечено в разных позициях в составе трехчленных и двучленных парадигм: *усад* 'весь участок – *позьмо* 'место под домом и хозяйственными постройками' – *усадьба* 'место под посадками' (с. Протасово Саран. Мордовской АССР); *усадьба* 'весь участок' – *позьмо* 'место под посадками' (с. Чуево-Алабушка Уваров. Тамбов. обл.); *усадьба* 'весь участок' – *позьмо* 'место под домом и хозяйственными постройками' (с . Соловцово Иссин. Пенз. обл.); *позьмо* 'весь участок' – *усадьба* 'место под посадками' (с. Салтыково Сасов. Ряз. обл.): *позьмо* 'место под домом и хозяйственными постройками' – *усадьба* 'место под посадками'

(сс. Блохино и Ключарево Саран. Морд. АССР, д. Березовский Майдан Кувакин. Чуваш. АССР, д. Осиновка Балашов. Сарат. обл.).

Со словом *место* или с атрибутивными сочетаниями с этим словом в тех разрозненных ЧДС, в которых оно отмечено, слово *усадьба* может быть в дублетных отношениях, но едва ли не чаще слова образуют парадигму: *место* 'место под домом и хозяйственными постройками' – *усадьба* 'место под посадками' (д. Карчагино Пудож. Карельск. АССР; д. Шамокша Лодейнополь. Лен. обл.; с. Борисовское Кесовогор. Калин. обл. – *казенное место*; д. Черная Маза Лысков., д. Полупочинки Дивеев. Горьк. обл. – в значении 'место под посадками' – *усадьба* и *усад*; д. Ртищево Курмыш. Горьк. обл.); *место* и *усадьба* 'весь участок' – *плановое место* 'место под домом и хозяйственными постройками' (д. Дундуково Вытегор. Волог. обл.); *усадьба* 'весь участок' – *поддомовое место* 'место под домом и хозяйственными постройками' (д. Аксеновская Вилегод. Арх. обл.).

Со словом *поместье*, широко, хотя и непоследовательно, распространенным на юге и юго-востоке, слово *усадьба* отмечено преимущественно в дублетных отношениях в значениях 'весь участок' или 'место под домом и хозяйственными постройками'. Исключения немногочисленны: в д. Зимницы Думинич. Калуж. обл., д. Рагозино Знамен. Орлов. обл., с. Чихачевка Новопокров. Сарат. обл. *усадьба* означает 'весь участок' – *поместье* 'место под домом и хозяйственными постройками'. В сс. Павловка Пителин., Каргашино Сасов. и д. Абрахово Клепиков. Ряз. обл., с. Хрущевка Гремячен. Воронеж. обл. *поместье* 'весь участок' – *усадьба* 'место под домом и хозяйственными постройками'. В с. Данилкино Балашов. Сарат. обл. *поместье* 'весь участок' – *усадьба* 'место под домом и хозяйственными постройками'. В с. Малая Кавендра Наровчат. Пенз. обл. *поместье* и *корень* 'весь участок' – *усадьба* 'место под домом и хозяйственными постройками', а в с. Быки Сев. Брян. обл. *поместье* и *селитьба* 'весь участок' – *усадьба* 'место под посадками'.

Оба слова могут быть в видовых отношениях: *поместье* 'место под домом и хозяйственными постройками' – *усадьба* 'место под посадками' (д. Мостовая Дедилов. Туль. обл., с. Долгоруково Голицин. Пенз. обл., с. Бурдино Больше-Полян. Липец. обл.)

Сосуществование слова *усадьба* со словом *план/плант* наблюдается далеко не во всех ареалах, где локализовано слово *план(т)*. При сосуществовании дублетные отношения в целом преобладают, за исключением ареалов к западу от Москвы. Здесь, как уже говорилось (см. с. 54) словом *план(т)* называют место, на котором находятся дом и хозяйственные постройки, словом *усадьба* – место под посадками.

В других ареалах и в отдельных ЧДС между этими словами возможны и другие отношения, например, *усадьба* 'весь участок' – *план* 'место под домом и хозяйственными постройками' (д. Ванькин Бор Максатихин. Калинин. обл.) или *план* 'весь участок' – *усадьба* 'место под

посадками' (д. Ручьи Конаков. Калинин. обл., д. Кочергино Солнечногор. Моск. обл., д. Березовка Муром. Влад. обл., д. Русские Темяши Ибрес. Чуваш. АССР). В трехчленной парадигме: *сдворок* 'весь участок' – *усадьба* 'место под домом и хозяйственными постройками' – *план* и *сдворок* 'место под посадками' (д. Глушица Чудов. Новгород. обл.).

Любопытную картину представляет сосуществование слова *усадьба* со словом *грунт*. На северу Чудского озера слова эти представлены в дублетных отношениях. Ареал в окрестностях г. Велижа весь расчленен различиями в семантических отношениях между ними. Так, здесь представлены дублетные отношения (д. Чепли Велиж., д. Кавширы Демидов. Смол. обл.), трехчленная парадигма, в которой *усадьба* 'весь участок' – *грунт* 'место под домом и хозяйственными постройками' – *селиба* 'место под посадками' (д. Дятлово Велиж. Смол. обл.); двучленные парадигмы: *усадьба* 'весь участок' – *грунт* 'место под домом и хозяйственными постройками' (д. Дубье Слобод. и с. Рацковина Велиж. Смол. обл.); *усадьба* 'весь участок' – *грунт* 'место под посадками' (д. Бакланово Слобод. Смол. обл.); *усадьба* 'место под домом и хозяйственными постройками'– *грунт* 'место под посадками' (д. Самуси Велиж. Смол. обл.).

В предложенном выше обзоре мы не касались вопроса о том, насколько часто в материалах ДАРЯ приводятся сведения об употребительности слова *усадьба*, свидетельствующие о его исконности или неисконности в говоре. На разных территориях количество таких сведений неодинаково. Наибольшее число свидетельств того, что слово *усадьба* является в говоре новым, получено из ответов с территории северо-западной зоны. Однако в этой же зоне много несомненных свидетельств давности этого слова и даже указаний на то, что оно более старое, чем другое (например, *план*). За пределами северо-запада такие указания имеются всего не более чем в 60 ответах на общее число около 3000, в которых слово *усадьба* входит в исследуемую ЛСГ (или "заполняет" ее минимальную модель, что распространено очень широко). Совершенно единичны указания на то, что слово *усадьба* более старое. Новыми в этих случаях могут быть слова *план* (с. Захарово Селиванов. Влад. обл., д. Липига Емельян. и д. Ванькин Бор Максатихин. Калинин. обл.; д. Гверестка Гдов. Псков. обл., д. Заполье Белебелков. Новг. обл.) и *поместье* (с. Поповка Староюрьев. Тамб. обл. и с. Березовка Балашов. Саратов. обл.).

В материалах ДАРЯ имеются в небольшом количестве данные о других значениях слова *усадьба*. В ряде разрозненных ЧДС оно означает весь надел обрабатываемой земли одного хозяина при доме (и под огород, и под пашню), которая не застроена жилым домом и постройками для скота (д. Малеево Вашкин. и д. Красавино Нюксен. Волог. обл., с. Борисовское Кесовогор. Калинин. обл.), в составе которой был и луг (д. Труфонцово Ильин. Яросл. обл.); оно могло выступать в значениях 'приусадебный участок покоса' (д. Юрново Калязин. Калинин. обл., д. Большая Вишня Лух. Иванов. обл.), 'принадлежащий

одному хозяину участок пахотной земли в поле' (д. Лебяжье и Югозеро Андом. Волог. обл., д. Поржало Каргоп. д. Завандышье Конош., дд. Буторинская и Новая Кошутиха Вель. Арх. обл., с. Благовещенье Лух. Иван. обл.); этим словом могла называться купленная земля (д. Огнецово Пречистин. Яросл. обл.). В д. Золотилово Мяксин. Волог. обл. *усадьба* это 'дом с хозяйством' или (если на отшибе) 'только хозяйство (сараи, амбары)'. В ряде случаев *усадьба* это 'огород', а не 'место под посадками' (д. Бараны Подпорож. Лен. обл., д. Климовская Вель. Арх. обл., д. Большая Мышинка Всход. Смол. обл., с. Щепотьево и д. Наровчат Белин., д. Николаевка Колышлей. Пенз. обл.). В значении 'дом с хозяйственными постройками и с прилегающим участком' слово также приводится (д. Пекуново Кимр. Калинин. обл., д. Пашково Пречистен. Смол. обл., д. Чаново Ново-Петров. и д. Скрипило Подоль. Моск. обл., д. Сластенка Щучин. Воронеж. обл., пос. Красная Эртиль. и с. Бирюч. Тамбов. той же обл., х. Николаевка Новониколаев. Волгоград. обл.). Единичны свидетельства того, что этим словом называлась барская усадьба.

Материалы картотеки СРНГ и областных словарей подтверждают выявленные ЛСВ слова *усадьба*. Так, значение 'место, на котором находятся дом с хозяйственными постройками, огород, сад' отмечено в ряде нас п.п. на территории ДАРЯ, а также за ее пределами в Саратовской и Курганской областях (II, 1022, Старцева, Галкин, Курган. 1950–51; I, 103. Натальино (Обрезкино) Дергачев. р-на Саратов. обл. А.В. Богданова, 1948).

В значении 'место, на котором находятся дом с хозяйственными постройками' *усадьба* отмечено в ряде нас. п.п. в пределах ДАРЯ, а также в Архангельской, Свердловской, Новосибирской, Иркутской и Саратовской областях (I, 1126, Холмогор. Арх. Пирогова, 1952, 1956; II, 962, Глазырина, Полев. Свердл. 1950–52; II, 216, Новосибир., Сузун. с. Бобровка; II, 1099, с. Анга, Ангин. р-н Ирк. обл. 1953; II, 989, Никольское, Демьяс Дергач. Сарат. 1948).

Значение 'место, на котором находится огород' известно в Архангельской, Кировской, Куйбышевской, Новосибирской, Иркутской областях, в Хабаровском крае (II, 30, Арх. Вель. д. Н. Кошутино, 1957; I, 1073, Киров., Горева, 1962; II, 909, Куйбыш. Ст. Рачейка Сызран. р. А. Кочетков; II, 1104, Федоров, Новосиб. Колыван. с. Сидорово, 1970; II, 1099, Соколов, д. Романова Н.-Ишим. Ирк. обл., 1962; I, 1140, Маринское Ульчин. Хабар. Оленина. 1956). В д. Деулино Рязанской обл. слово *усадьба* – член парадигмы: *место* 'весь участок' – *поместье* 'участок, на котором расположен дом' – *усадьба* 'приусадебный участок' (ДС).

В картотеке СРНГ отмечены также значения: 'дом с принадлежащей ему землей' (II, 1164, с. Южино Колыван. Новосиб., Федоров, 1970; II, 1112, д. Локти Ишим. Тюмен., Федоров, 1966; в старых источниках II, 32, Владимир. у., II Доп.); 'дом со всеми хозяйственными постройками' (II, 816, с. Гычи, Маслякин. Новосиб., Федоров, 1964–1965; II, 939, с. Красный Яр, Куйбыш., А. Хенкина, 1956; II, 816, с. Бея Хакас.

АО; I, 274, д. Таршинская Шольск., Волог.; Нюксенск., Волог. В. Аранов, 1956); 'хозяйственные постройки' (II, 1099, Соколов, Чит. обл., Н.-Заб., Тарбагатай); 'огород' (II, 810, Камышл. Куйб., Безуглова; II, 230, д. Лебедь-Сергеевский, Россош. р. Воронежск., И. Попов, 1961; II, 19, Мещовск. Калужск. г. Косогоров, 1916).

Слово *усадьба* отмечено также в значении 'станичное правление' (II, 663, Лобаново, Кокчетав. обл., 1961). Сведения о том, что *усадьба* является новым словом, содержатся в двух источниках из Кировской обл. и в одном из Ленинградской (II, 902, Киров., Кумен., Луппова, 1950; II, 903, Слобод., Киров., Луппова, 1950; д. Усадище Волх. р. Лен. обл., 1954).

Большой материал на слово *усадьба* содержится в картотеке Псковского областного словаря. Анализ этого материала позволяет уточнить соотношение близких значений, предствленных в разных ЧДС. В большинстве случаев *усадьба* приводится в значении 'приусадебный участок возделываемый земли', в части ответов *усадьба* означает 'весь участок или весь комплекс домовладения', в некоторых ЧДС слово относится только к постройкам или только к месту, где стоит постройка. Иногда слово соотносят с другим словом (*здворок*, *печина* и т. п.) – дублетом или как-то отличающимся по значению. В немногих материалах говорится о том, что *усадьба* вошло в язык только со времени организации колхозов. Принимая во внимание, что по Псковскому областному словарю обследовано больше нас. п.п., чем по "Программе" ДАРЯ, можем предположить, что несовпадение той картины, которая получена по материалам ДАРЯ и ПОС, связано отчасти с несовпадением нас.п.п., собранных по сетке ДАРЯ и ПОС. Но, думается, причина кроется и в том, что постановка вопроса "Программы" не подразумевает уточнения объема понятия и что однословные ответы на вопрос и в других случаях неточно передают значение слова *усадьба*, увеличивая процент ответов со значением 'весь участок'. Однако ответов, подтверждающих это значение, тоже достаточно много, так что сомневаться в его реальности, да и в сильном расхождении данных ДАРЯ с действительностью вряд ли стоит.

Обратим внимание на то, что в материалах почти нет упоминаний о помещичьих усадьбах. И на то, в то же время, что во многих материалах ПОС с понятием 'усадьбы' связывают сотки, которыми наделяли колхозников.

Г.Г. Мельниченко [1973], посвятивший слову *усадьба* специальный раздел в своей работе, рассмотрел различные лексикографические данные, в том числе и исторические, и пришел к выводу, что с самого начала фиксации слова и вплоть "до Октябрьской революции в литературном языке и в местных говорах оно имело четкую социальную отнесенность и, как правило, обозначало княжескую, боярскую, господскую помещичью усадьбу" [там же, 44]. Однако широкое распространение слова в диалектных значениях в качестве единственного названия места, на котором находятся дом с хозяйственными постройками, огород, сад, заставляет еще раз вернуться к материалу

исторических источников. Попытаемся рассмотреть их во всех подробностях. Сначала несколько общих наблюдений.

Исторические источники свидительствуют о том, что слово *усадьба* не было особенно употребительным, хотя в XVII–XVIII вв. оно отмечено не только в деловых текстах, но и в летописях и в других литературных жанрах. Оно не связано с памятниками, относящимися к определенным территориям, но можно предполагать, что слово это, образованное с помощью суффикса, известного уже исходной системе древнерусского языка, появилось в народном языке, видимо, поздно и не было связано с севером. По мнению Ю.С. Азарх [1984, 192], оно представляет производное от девербатива с нулевым суффиксом, но можно предположить и действие близких по семантике аналогичных образований (например, *городьба, селитьба* из *селитва*). Судя по картотеке ДРС, в памятниках слово известно с середины XVII в., причем некоторые связаны с территорией юга. Семантика слова не однозначная. Оно может означать участок земли, принадлежащей какому-то владельцу (светскому или духовному) со всем, что на этом участке находится, может означать место поселения (деревни или однодворка), а может относиться к какому-то конкретному угодью.

Для первого значения можно привести такие примеры: Прежъ того была церковь и *церковная усадьба* отъ д. Одерихинской внизъ по рѣчкѣ по Локнѣ; а на старой *церковной усадьбѣ* 4 м. церковныхъ (Ряз. II. 780); В то же время повелѣ государь ... розсылати около Великого Новагорода на всѣ четыре стороны во вся пятины, по станомъ, и по волостямъ, и по *усадбамъ* (вар. *усадищемъ*)боярскимъ, и по помѣстьямъ (Новг. III Лет.); А взял я Алфим за тот свой /двор/ и за хоромы и за всю *усадьбу* на нем Прокофею шесть рублей (Калуж. акт. № 10, стр. 41, 1664). В том я Алфим на тот свой двор и на всю *усадбу* ему Прокофею и купчею дал (там же).

Для значения 'место поселения' имеются такие примеры: *А усадба* той землѣ... подо кремъ, что вышелъ сквозь тое *усадбу* колодезь, а подъ дворы и подъ огороды и под гумна и под хмелники и на выгонъ дватцать десетинъ в длину, а поперегъ десять десетинъ возлѣ Бѣлевцевъ дѣтей боярскихъ Калины Шеталова с товарыщи, да пашни въ поли на ста чети, а въ дву потомужъ, да угодной дубровы на хороменной и на дровеной лѣсъ по крямъ и по дубровомъ окола *усадбы* въ длину на четыре версты, а поперегъ двѣ верстѣ (АЮБ I, 27). Мѣновная... А противъ того я... Кутлухинъ вымянилъ у него... Остолопова его помѣскую землю *усадбу* ж селцо Чепулино и Кошелево тожъ (АЮБ II, 1655 г.). Да въ той вотчинѣ въ половинѣ села Песочни, на *усадбѣ*, дворъ боярской со всякимъ дворовымъ хоромнымъ строеньемъ, дп на *усадбѣ* жъ крестьянъ и бобылей (Розыск о Шакловит. 4 / конец XVII – первая четверть XVIII в. /)... а помѣстья имъ даны въ Коротояцкомъ уѣздѣ... по берегу рѣчки Мелкой Голышевки, подъ лѣсомъ калинниками, *усадьбами*, и пашнею, и сѣнными покосы изъ диково поля (Доп. Д. 1654 г., т. 1 835).

Третье из предположенных нами значений можно выделить в таких случаях, когда слово *усадьба* употреблено с определением: и въ тѣхъ денгахъ заложил я Леонтей ... своей помѣстной земли, на рѣкѣ Усѣ, ... половину верстаной и неверстаной, и половину сѣнныхъ покосовъ, и *дворовой усадбы* половину жъ, и гумна, и огорода (АЮБ II, 1693, с. 22) ... а крестьянамъ, нашимъ въ той деревнѣ Спиридовѣ жить по старымъ *дворовым усадбамъ*, а изверстать мнѣ дворовые крестьянскіе мѣста пополамъ (там же, 1694, с. 470). Определение *дворовый* уточняет предмет спора, выделяет определенные участки земли.

Определения могут отсутствовать, но перечисляются другие угодья: А мнѣ попу Лукѣ дати им Семену и Лукѣ, мѣста земли под мелничной онбар и подворъ, гдѣ учнуть мелницу строит, гдѣ имъ прігожо, на котором берегу, и под избу и под кладовой онбар мѣста земли под *усадбу* и под овощъ десятину мѣрою поперег сорокъ сажен, а длина возмдесят сажен (Калуж. акт. № 34, 1687 г.). В последнем примере, видимо, под *усадьбой* понимается изба и ближайшие хозяйственные постройки, огород в *усадьбу* не входит.

В XVIII в. в деловом языке слово *усадьба* в этом последнем значении тоже употребляется: ... по переписнымъ книгамъ 186 г. показано 62 двора, изъ которыхъ 14 переведено въ Керенскій уѣздъ въ сельцо Архангельское и 2 запустѣло отъ солдатского набора, и что *усадьбы* нынѣ лежатъ въ пустѣ и строенія на нихъ никакого нѣтъ (КДРС Док. в Сенате III, I, 1713 г.). А у него Ивана Ситникова своя *усадьба* лежит почти пуста (КДРС В. арх. Б Палх. № 38. Челобитная крестьян 1724 г.). II. При томъ же измѣреніи на *дворовыя усадьбы* и огородныя и огуменныя и конопляныя мѣста и на выгонъ Дворцовымъ крестьяномъ у мѣры оставливать такъ, какъ и помѣщникамъ противъ вышеписанной же 5 главы 2 пункта (СК–XVIII, ПСЗ, т. XIV, с, 132, 1754, № 10234). Къ тому жъ купецкіе дворы состоятъ *на усадьбѣ* обще съ помѣщиковыми крестьяны, которые нынѣ во владѣніи за помѣщикомъ господиномъ статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Савичемъ Ермолаевымъ и поселены на бывшей государственной ямской усадебной землѣ, у коихъ имѣется во владѣніи прежняя жъ ... земля ... (КДРС, Наказы Ком Улож. (Курмыш. Гражд.) 1767).

Но слово употребляется уже и в значении не только 'место, на котором', оно может означать скорее все, что построено на определенном месте (принадлежащем кому-то или используемом кем-то) – весь комплекс построек и все, находящееся при них: ... караулщіки, опредѣленныя для охраненія *усадебъ*, мостовъ, воротъ и посажовъ... (СК–XVIII, Устав о войсках морских Людовика XIV, 1715 г., с. 98) ... отъ меня подано прошеніе, чтобъ мнѣ строить церковь каменную ... близъ дома *усадьбы* Шишкина (КДРС, Зап. Нащокина, 1747 г.).Иногда речь идет, видимо, только о постройках: *Крестьянская усадьба* или шале на прекрасном местоположеніи окруженная полями, лугомъ, огородомъ, садомъ, рощею, наполнена всѣми снадобьями домостроительства (СК–XVIII, Ф. Туман. Нечто о Павловском... Росс. магазин, 1792,

56); ...выйдетъ почти 15 десятинъ на ревизскую душу..., положимъ 2/3 оной земли на воздѣланіе, то есть: на пашню, конопляники, огороды и *усадьбы* (СК–XVIII, Радищ. Опис. влад., СС ч. IV, с. 103, 1811).

Речь может идти о населенных пунктах, например, в сочинениях Тредиаковского: Всѣ-тѣ къ твоей сторонѣ Привлещи Елладски *Усадьбы*? (СК–XVIII, Тредиак. Тилемах., 1766, т. I, кн. X, с. 174); Для чего жъ сами Вотъ и Локрійцы, Народы Елладски, Съ Варвары соединяются на однородных Пеласговъ? Для чего многи *Усадьбы* цвѣтущи на самомъ семъ Брегѣ Не имѣютъ себѣ Воины, какову ты имеешь (там же, с. 171); Имъ Тилѣмахъ предложилъ потомъ отдать Діомиду Всѣ Арпінски Поля къ Поселенію тамо *Усадьбы*. – Новый сей Народъ, – тѣмъ такъ притомъ говорилъ онъ, – Будетъ вамъ одолженъ... (там же, т. II, кн. 21, с. 167).

В сочинениях других жанров: Станицей у Донскихъ казаковъ называется *усадьба*, гдѣ известная часть казаковъ жительствует. Они имѣютъ тутъ Станишнаго Атамана и помогателя ему или разсыльщика... (КДРС, Лепехин, Днев. Зап. 1795). ... и въ ландкартахъ, какія тѣ земли и на какихъ водахъ, и гдѣ можно быть *усадьбамъ*, назначивать и описывать именно (КДРС, Гр. ук. о крест. 1754); Растетъ она *въ усадьбах* подлѣ дорогъ на улицахъ, цвѣтеть въ Августѣ и СентябрѢ, принадлежитъ къ худымъ и презираемымъ травамъ... (СК–XVIII, Чулк. Лечебник, 1789, ч. I, с. 664); сія бѣлая /дятловина/ отмѣнна отъ красной тѣмъ, что бываетъ гораздо меньше оной и всегда стелется по землѣ; а растетъ также на лугахъ, выгонахъ, а наиболѣе въ *усадьбахъ* по улицамъ (там же, с. 170).

По некоторым контекстам можно понять, что *усадьба* могло употребляться и в значении 'поселение особого типа': Селения в Пермской губернии, также и въ Тобольской, опричь заводских, которые построены *усадьбою*, беспорядочны, причина, может быть, та, что селятся не вдруг (СК–XVIII, Радищ. Зап. путеш. из Сибири, ПСС, т. III, 1952, с. 260). Тот же признак значения можно предполагать в таком тексте: Я съ досадою по большой части во многихъ мѣстахъ видалъ, что *усадьбы* и деревни находятся на голыхъ холмахъ, что весьма неприятный видъ делаетъ (СК–XVIII, ТВЭО, ч. I, 1765, с. 35).

Но понятие 'поселение особого типа', видимо, связано уже с тем, кому оно принадлежит. Владелец *усадьбы* как правило помещик, дворянин, а потому признак 'собственность определенного вида' (а не 'угодье, которое выделяли в качестве источника существования людям, несшим какую-то службу') уже может преобладать: Я, поздоровкавшись и поговоривъ со всѣми ими, пошелъ такимъ же образомъ осматривать всю *свою усадьбу* и всѣ знакомыя себѣ мѣста, какъ осматривалъ въ предследовавший вечеръ свои хоромы (СК–XVIII, Бол. Зап. П, 308); Иль въ стекла оптики картинныя мѣста Смотрю *моихъ усадьбъ*; – на свиткахъ грады, царства, моря, лѣса, – лежитъ вся міра красота Въ глазахъ, искуствъ черезъ коварства (СК–XVIII, Держ. Соч., 1808, ч. II).

В переводном произведении словом *усадьба* переведено слово une colonie: ...А городъ ихъ сталъ быть Римскою усадьбою (СК–XVIII, Роллен, Римск. ист. т. I, 1761, с. 46).

В переводных словарях XVIII в. слово *усадьба* при переводе иностранных слов попадает в один ряд со словами *поместье* и *угодье*, если не указывается признак малого размера (СК–XVIII, Вейсм. Лекс. 1731, с. 193, 384) и в один ряд с аттрибутивным сочетанием *малая мыза*, уменьшительным *усадебка* (СК–XVIII, Лекс. Волчк. 1764, ч. II, с. 47), если этот признак присутствует.

В первом академическом словаре слово *усадьба* трактуется следующим образом: домъ господской съ прочимъ принадлежащимъ строеніемъ въ деревнѣ или селѣ. Иллюстрируется примером: Деревня подъ горою *усадьба* нагорѣ (СК–XVIII, САР, V, с. 324), т.е. подчеркивается социальная отнесенность слова в его уже, видимо, самом употребительном к этому времени значении.Однако в последующие годы другие значения слова не исчезли из литературного языка. Социальная отнесенность могла быть, а могла и отсутствовать, о чем свидетельствует довольно частое употребление соответствующих определений: В ближайшей ко мне старинной *княжеской усадьбе*, с вековыми лесами, с знаменитыми оранжереями и с прекрасно устроенным господским домом, в течение двух лет переменились два владельца. Салт. Убежище Монрепо (ССРЛЯ); Вынырнув из-под деревьев, тарантас очутился перед небольшой *помещичьей усадьбой* (Тургенев. Новь). У того же Тургенева есть такие употребления слова *усадьба*, которые доказывают, что для него слово означало определенный тип однодворного поселения: Посреди леса, на расчищенной и разработанной поляне возвышалась одинокая *усадьба* Хоря. Она состояла из нескольких сосновых срубов, соединенных заборами (Тургенев. Хорь и Калиныч, СРЯ, 4).

Подобный тип застройки домовладения был более характерен для помещиков, поэтому в ССРЛЯ примеры, иллюстрирующие I значение (сформулированное несколько иначе, чем в СРЯ, но учитывающее те же признаки денотата), содержат указание на социальную отнесенность референта: Вдруг увидел я вороты – и въехал на *барский двор* нашей *усадьбы* (Пушкин. Капитанская дочка). У него была *прелестная усадьба*, то есть собственно *господский дом*, окруженный обширным садом (Гончаров. Воспоминания, II, 2).

Характерно, что в фольклоре *усадьба красовитая* – весь комплекс построек и разных насаждений на приусадебном участке: Был двор на семи столбах. На семи столбах, на семи верстах... Было сделано три терема златоверхие, Вершечки с вершечками свивалися, Потоки с потоками сросталися, Крылечка с крылечками сплывалися, Розсажены были сады да зеленые, Цвели да цвели все цветы лазуревы. Подведена *вся усадьба красовитая* (КССРЛЯ, Пес. Рыбн. II, 332); И ты прости, прости село да деревенское И ты *усадьба*-то прости да *красовитая* И вы деревенки простите садовитыи (КССРЛЯ, Причитанья Сев. кр., II. 9).

В качестве "оттенка значения" в ССРЛЯ и СРЯ выделено значение 'помещичий дом', т.е. только жилая постройка: *Барская усадьба* состояла из нового, длинного и узкого сруба, с шестью окнами в ряд (Дост. Село Степанчиково). Однако другие примеры не дают основания думать, что речь обязательно должна идти именно о помещичьем доме: Нужно было пройти глухим двором какой-то растрепанной *усадьбы* без крыши, с вырванными окнами и дырявыми стенами. (Павлен. Баррикады.) Студент сонно и хмуро поглядел на завешенные окна *усадьбы*, мимо которой проезжала тройка. (Чех. Почта.)

О том, что значение 'тип поселения' продолжало существовать в языке, свидетельствуют вошедшие в современную лексику словосочетания *центральная усадьба совхоза, усадьба МТС* и под. В ССРЛЯ это значение сформулировано более точно, чем в СРЯ, так как подчеркивается приоритет центра производственной деятельности, а не поселения как такового: Производственный и жилой центр совхоза, колхоза и т.п. Приведенные там примеры полнее отражают специфику употребления слова в этом значении: На окраине села Кайгородище рядом с *усадьбой МТС* стояло здание бывшей школы. (Тендряк. Не ко двору.) Палаточный городок, что раскинулся среди необозримых ковыльных просторов и представляет из себя *центральную усадьбу совхоза* "Кайракты", вдруг оказался как бы на острове. (Солоухин. Рожд. Зернограда.)

Наконец, значение 'земельный участок отдельного хозяйства' также сохранилось в литературном языке и нашло отражение в словарях: Отдала вдова свою *усадьбу*, а за это ей избу перенесли на край села, да еще дали десять рублей. (Гарин. Неск. лет в деревне.) Иван Максимович облюбовал новую *усадьбу* в центре города и получил согласие городской управы на застройку ее. (Сартак. Хребты Саянские, кн. I.) Выделяемое в качестве "оттенка" значение 'земельный участок около дома, занятый садом, огородом и т.п.', которое по материалам ДАРЯ выступает как самостоятельное в составе трехчленных и двучленных парадигм, проиллюстрировано в словарях также вполне убедительными примерами: Они купили прекрасное имение Обухово с домом и *усадьбой* в 50 верстах от Москвы по Верейской дороге. (Фет. Ранние годы моей жизни.) После Невы и Тосны вам у меня совсем не понравится. Дом и *усадьба* еще туда-сюда, но место ровное, без красот, и воды мало. (Чех., Письмо Н.А. Лейкину.) При каждом домике был фруктовый сад на *задней усадьбе* и кудрявый палисадник перед окнами. (Гладк. Энергия.) Летом она неутомимо копалась на маленькой *усадьбе*, за своей избой. (Б. Полевой.)

Чтобы понять процесс распространения слова *усадьба* в русском языке и, в частности, его проникновения в те говоры, в которых, как можно предполагать, оно не было известно, так как существовали другие слова, аналогичные по исследуемым значениям, надо, во-первых, сопоставить его судьбу с судьбой других слов того же корня – уже рассмотренного *усад/усада*, сохранившегося в говорах опреде-

ленных территорий, и вышедшего из употребления слова *усадище*. Во-вторых, необходимо учесть факторы социально-экономические, которые могли способствовать его сохранению в литературном языке и распространению в говорах. Как было показано выше, слово *усад/усада*. локализованное в современных говорах в пределах востока картографированной территории, в исторических источниках представлено довольно широко. Однако среди них не находим таких, которые указывали бы на связь с Вологодско-Архангельским севером или с Новгородско-Псковским северо-западом. Напротив, многочисленны указания на связь с востоком и югом. Хотя оно и нашло отражение в документах, в основном относящихся к XVII в., но не стало употребительным в каких-либо других жанрах, кроме деловых и, видимо, оставшись областным, в деловом языке также впоследствии вышло из употребления. в художественной литературе оно нашло слабое отражение в произведениях писателей XIX в., как областное слово, позволяющее придать повествованию местный колорит.

Другое слово того же корня, бытовавшее в старорусском языке, – *усадище*. Оно представляет дериват с суфф. *-ище-*, продуктивным в древнерусскую эпоху от девербатива с нулевым суффиксом [Азарх 1984, 185]. Такие существительные имели пространственное значение и могли означать 'место, где находится' или 'происходит' или 'место, где было...' (там же).

По материалам ДАРЯ слово не отмечено. В картотеке СРНГ имеется единственный пример фиксации его в середине XX в.: *усадище*, а, ср. Усадьба. *Усадишче* ни сажгли (II, 27, Ругодив Новоржев. р-на Пск. обл. В. Максимов, 1957). Для середины XIX в. слово указывается для ряда уездов (II, 57, Пск., Осташ., Твер., Карпов, 1855; I, 51, Доп. Оп., 1858). В памятниках оно известно с XV века [Лемтюгова 1983]. Ю.И. Чайкина [1977], отметившая широкий ареал слова в среднерусский период, проанализировала процесс вытеснения словом *усадище* словосочетания *большой двор* в значении 'усадьба феодала' в XVI–XVII вв., который отражен в памятниках, относящихся к Шелонской, Деревской, Обонежской и особенно к Бежецкой пятинам Новгородской земли. В.П. Лемтюгова [1983], также анализировавшая материалы XV–XVII вв. с апеллятивом *усадище*, формулирует для него значения 'усадьба', 'центр поместья', 'господский двор'. Она приводит пример: з боярского докладу досталось князю Семену старое его *усадище* село Лучкино, а въ немъ дворъ княжъ (АТР, I, № 49, 64, XV в.). Эпитет *старое*, по мнению Ю.С. Азарх [1984], служит указанием на то, что в слове ослаблен предметный признак 'место, где находился предмет, названный производящим словом'. В данном случае прилагательное связано с отношением принадлежности, поэтому не вполне ясно, действительно ли поселение уже не находится на *усадище*. На дальнейшую судьбу слов на *-ище* влияет возникновение дублетов с субъективно-оценочным значением [там же].

И.И. Срезневский цитирует один из ранних источников: Та деревня Палъ вынята изо Дгинскіе половины и дана къ *усадищу* къ Хотѣнову, потому что въ селѣ во Дгинѣ *усадище* угоднѣе и землею получше (Отдельн. кн. Обол. 1536). Он переводит *усадище* словом *усадьба*, не уточняя, в каком из значений этого последнего может быть понято слово *усадище*. По-видимому, оно тоже было первоначально широким по объему понятия. Из другого примера, видимо, продолжающего содержание первого, можно определить его значение как заселенное землевладение: А пашня роздана къ *усадищомъ* къ селу ко Дгину и къ Хотѣнову съ деревнями, обѣма по половинам (там же). Судя по первому примеру, подразумевается и приусадебный участок, поскольку там речь идет о качестве земли.

В некоторых текстах в значении слова *усадище* более отчетливо выступает признак 'жилище': А Дмитриеву деи сну Заицу даете два *усадища* в старомъ помѣстье, *усадище* гдѣ он Живеть, а при даче другое *усадище* гдѣ о^{т}цъ его жи^{л} (КДРС, Новгор. Грам. Грозн. Оп. Грек. № 23, л. 187 об., 1555–56); ... и намъ бы Матѳѣя пожаловати, велѣти бъ старое его помѣстье обмѣнити, а велѣти бъ ему дати на *усадищо*, до помѣстного верстанья, изъ порожныхъ помѣстей, гдѣ доведетца, чтобъ ему было съ чего наша служба служити (КДРС, ДАИ, I, 92, 1555–56). В последнем случае к признаку 'жилище' добавляется признак 'хозяйство': пожалованное Матѳѣю имение должно стать источником его существования. Подобным образом можно толковать слово и в следующих примерах: ... по выписи дѣтей боярскихъ Путивльцовъ и Рылянъ помѣстныхъ 69 человекъ, да и тѣ испомѣщены по окладомъ не сполна, иные въ полы, а иные въ третей и въ четвертой жеребей, а инымъ дано на *усадища* непомногу, а неиспомѣщено 99 человѣкъ... (КДРС, АМГ, I, 1577); ...штобъ намъ по ихъ дачамъ *усадищи* ихъ живущи и пустые размежевать сряду с одного (КДРС, Писц. д., 511). ... и посажалъ ихъ на старые ихъ *усадище* /мн./, а того де Олешку Жукова с ними же вмѣстѣ (КДРС, Писц. д. 1625–1634 гг., с. 394, Боровск, Верея, Таруса).

Слово *усадище* могло, видимо, означать 'приусадебный участок': ... да за Кленкою позадъ ево двора *усадище* три десятины да за рѣкою за Усманью огородъ да въ бору полянка (КДРС, Врн, п. 34). При таком перечислении угодий можно предполагать, что *усадище* это либо засеваемая/засаживаемая земля, либо покос. Аналогично можно толковать значение слова в таких случаях: ... будто се ихъ монастырскіе крестьяне ево Борисовы помѣстные пустоши *усадища*, острова на рѣчкѣ на Дубенки подъ Кустовымъ у рѣчки у Судомы пашню пашутъ и сѣнокосомъ владѣютъ насилствомъ (КДРС, А. гражд. распр., 2);... пашня, и луги, и леса, и *усадища*, и займища, и пустоши, и всякие угодья делити мне, князь Ивану, з шурьями своими, с князь Тимофеем да с князь Федором... (КДРС, Д. Холоп., 1622, 348).

Можно в некоторых случаях толковать слово *усадище* как 'место, на котором находятся жилые и хозяйственные постройки и приусадебный

участок': ... и ото всякихъ угодей отмежевалъ, и на межахъ признаки и гранѣ учинилъ отъ помѣстной земли отъ *усадища* Наумова болшого двора Леонтія Путятина по Сяси рѣкѣ (КДРС, АЮБ II, 1678, с. 161). Таким образом, слово *усадище*, как и слово *усадьба*, могло актуализовать то один, то другой из признаков денотата в зависимости от специфики референта. Оно широко представлено в памятниках делового языка в XVI и особенно в XVII в., относящихся к разным территориям. В имеющихся материалах нет данных, чтобы судить, могли ли *усадища* предоставляться крестьянам или этим словом обозначались только владения помещиков и вотчинников. Возможно, что слово имело некоторую социальную ориентированность.

Возможно, что и территориальная ограниченность, несмотря на наличие слова в документах, относящихся к самым различным землям, все же была ему свойственна, что его воникновение связано с определенным регионом, скорее всего с северо-западом, в пределах которого отмечено наибольшее количество ойконимов *Усадище* или с этим словом [Лемтюгова, 1983].

В материалах Псковского областного словаря имеются примеры, свидетельствующие об употребительности слова *усадище* в местной письменности: ... да на той же отчей земли поставлено было у прежнихъ помѣщиковъ *усадище* и нынѣ то *усадище* згорѣло, да въ томъ же *усадище* свадъ, яблони, сливы, да прудъ копаной, да пустые житницы и сарай, и рей с гуменникомъ да пожня... (КПОС, 7193, М-лы для пск. истории, ПТВ, Неоф. № 43, 1849, с. 168) ... а по мѣрѣ подътѣмъ *усадищемъ* пашни три четверти съ четверикомъ (там же) ... сказалъ, что де онъ стрѣльца Олешку Ларионова, прозвище Июдина съ женою и съ дѣтьми, которой жилъ у Опочецкого казака у Федора Буркова въ задворныхъ въ Опочецкомъ уѣздѣ, въ Черницкой губѣ на *усадищѣ*, онъ Юрьи отпустилъ и отпускную ему Алешкѣ за своею рукою далъ... (КПОС, Гр. порядк. 1679, с. 33) и др. Но и в южных памятниках, исследованных С.И. Котковым, слово *усадище* тоже встречается [Котков 1970].

Дальнейшая судьба слова *усадище* – снижение употребляемости, утрата в ряде случаев номинативной функции, выпадение из словарного состава русского языка: уже в первой четверти XVIII в. слово почти не встречается. Интересно, что в некоторых источниках появился было дублет, произведенный от другой производящей основы: *усадьбище*: ... а имѣетъ въ Новогородскомъ уѣздѣ *усадбище* называемое Середогоща съ людьми и со крестьяны и пустошьми (СК XVIII, ПСЗ, IX, № 6367, 79, 1733 г.). ... И сверхъ того получали съ обоихъ уѣздовъ судебный хлѣбъ, на которыя дачи особливые положены были сборы, а именно: Лагманскихъ денегъ со всѣхъ уѣздныхъ жителей кромѣ Шляхетскихъ *усадьбищъ* и ихъ бобылей... (там же, № 6873, 73, 1736 г.). Но в дальнейшем, видимо, слово совершенно вышло из употребления. Единичная фиксация относится к середине XIX в.: *Усадбище*, а, с, ср. Село, в котором временно бывает помещик. Пск. (КСРНГ, II, 57, Пск.,

Осташ., Твер., Карпов, 1855; I, 51, опыт, 1858). В картотеке ПОС слово не отмечено. В Материалах ДАРЯ отмечено только бесприставочное образование *садьбище* (д. Переузино Красногород. Великолук. обл.).

В то же время употребительность слова *усадьба* сохранялась, и оно вошло в литературный язык. Характерно, что значение, сформулированное в САР, было, видимо, общеизвестным. Н.В. Гоголь в своем "Сборнике слов простонародных, старинных и малоупотребительных" приводит это значение: *усадьба*, господский двор в деревне (КСРНГ, I, 508, Н.В. Гоголь, 1891).

В некоторых источнках уже в XIX в. слово употребляется в значениях 'тип однодворного поселения' или 'тип застройки индивидуальных участков в многодворных поселениях'. Это имеет место в материалах по перепланировке русских деревень. Еще в начале XVIII в. было обращено особое внимание на то, что беспорядочность застройки поселений способствует выгоранию целых деревень при пожарах, что это приводит к разорению крестьян. Был издан именной указ Петра I, предписывавший соблюдать определенные правила при застройке деревень после пожаров или на новых местах. Предлагалось "строить дворы по два вместе, а огороды конопляники иметь между двумя дворов, мерою смотря по положению места, сколько где место даст, только же, конечно, чтоб между дворового строения меньше 30 саженей трехаршинных не было построено..." (Указ 7/VIII–1722 г. См. [Введенская 1941]). В течение XVIII в. указов, предписывавших перестройку деревень, издавалось несколько. Хотя сама перестройка происходила крайне медленно и не осуществлялась повсеместно до конца даже к середине XX в., тем не менее сами указы привлекли внимание к крайнему неблагополучию устройства жилищ, поскольку они касались и государственных и помещичьих крестьян.

В XIX в. тоже было издано несколько указов. В дополнение к указам издавались чертежи проектов планировок и фасадов домов, предлагались разные варианты для более состоятельных и неимущих, с определенного времени стали учитываться и зональные особенности (север, средняя полоса, юг – "Атлас нормальных чертежей..." 1842 г.). Если первоначально указы предписывали строить крестьянские дворы "гнездами" – попарно без промежутка между двумя избами разных хозяев, но со значительными промежутками между такими гнездами, то уже в положении "О устроении селений с примерными планами"1830 г. рекомендуется разделение изб одного "гнезда" огородами, хотя принцип "гнезд" сохранялся [Введенская 1941]. Это разделение изб незастроенными участками все более способствовало тому, что крестьянские дворы превращались в индивидуальные хозяйства. В различных пособиях они уже именовались *усадьбами*. Так, например, критикуя недостатки существующих построек и проектов, авторы "Атласа проектов и чертежей сельских построек" 1853 г. пишут: "Несоответственность расположения построек роду материала, удобству сообщения

между частями *усадьбы*" ... "Непропорциональность надворных строений величине всей *усадьбы* и их хозяйственным назначениям" (КСРНГ).

"Перепланировка селений, – пишут исследователи типов поселений Н.И. Лебедева и Н.П. Милонов [1950, 30], – создала *индивидуальные усадьбы*, объединив их со всеми хозяйственными постройками; тем самым осуществлена была тенденция того времени (конца XIX в. – *О.М.*) – создание индивидуальных мелких хозяйств".

Видимо, благодаря этим процессам развития крестьянских жилищ и приусадебных участков в русском языке создались условия сохранения слова *усадьба* применительно к месту, на котором расположен крестьянский двор там, где это слово возникло и было исконным, и его распространения еще в конце XIX – начале XX в. во многие говоры, где существовали различные местные обозначения частей этого места или всего участка.

Другие образования с вариантом корня -сад-.

Слово ***усадебник***, кроме описанного выше ареала у Рыбинского водохранилища, почти нигде не отмечено. По материалам ДАРЯ сведения о нем имеются только из одного нас. п. (в общем значении) на границе с Белоруссией (д. Петровка Ершич. Смол. обл.), а по КСРНГ – с северной окраины картографированной территории: дом и *усадебник* – номер (II, 30, АДК, Арх. Вел–4, Кошутина, 1957–58). В последнем случае трудно сказать, означает ли слово 'огород', 'место под огородом' или 'весь участок с постройками при доме'. По материалам ДАРЯ отмечено несколько иное образование *усадбенник* (с. Юрьево Пителин. Ряз. обл.).

Не образует ареалов слово ***усадник*** в общем значении (с. Семьяны Воротын. Горьк. обл. и с. Мокрая Поляна Николо–Пестров. Пенз. обл.). Один раз отмечено слово *усадьбина* (д. Бабенки Данилов. Яросл. обл.).

Слово ***посад*** также встретилось в материалах ДАРЯ только один раз (д. Посад Подпорож. Лен. обл.). Этим словом обозначался в далеком прошлом определенный тип поселений, представлявший в XVI–XVII вв. промежуточное звено между городским и сельским типами поселений [Лемтюгова 1983], истории которого посвящены многие исследования. В интересующем нас значении слово могло появиться скорее там, где был распространен сам этот тип поселений. В.П. Лемтюгова картографировала ойконимы *Посад* и производные. Их явное преобладание в районе северо-западного Поморья – след того, что основную массу замлевладельцев здесь составляли государственные крестьяне, для которых зачисление в состав промысловых посадских общин являлось престижным [там же, 115]. Поскольку здесь, по подсчетам М.В. Витова [1962], было много однодворных поселений, можно предположить, что слово *посад* перешло в нашем случае из разряда административных

терминов в группу обозначений земельных участков в результате упадка посадского хозяйства и падения престижа посадов в XVII в. [Лемтюгова 1983, 114–115].

От основы ***усад(е)б-*** известно несклько вариантов прилагательного. В Материалах ДАРЯ встречается атрибутивное сочетание со словом *участок*. Кроме официального названия *приусадебный участок* в таком словосочетании прилагательное может быть в различных диалектных звуковых формах: *усадебный* и *усаребный*, *усадьбенный* и *усарьбенный*, а также *приусаребный* и *предусадебный*. Кроме слова *участок* в словосочетание могут входить и другие существительные; так, отмечено *усадебное подворье* (д. Калужкино Сухинич. Калуж. обл.), *приусадьбенный надел* (д. Липово Ломоносов. Лен. обл.), *усадебная, усадьбенная земля* (с. Никольское Тоснен. Лен обл., д. Дединово Луховиц. Моск. обл., д. Оселок Княгинин. Горьк. обл.), *усадебное место* (единично на севере и неоднократно на юго-востоке картографированной территории), *усадьбенное место* (с М. Мурашкино Б. Мурашкин. Горьк. обл., с Паны Наровчат. Пенз. обл.), *приусадебное место* (д. Пустошь Подпорож. Лен обл.).

В КСРНГ прилагательные с основой *усад(е)б-* представлены в словосочетаниях: *усадебное место* (II, 939, Куйбыш. с. Красный Яр, 1957); *усадьбенная земля* (II, 18, Даниловское Юрьев, у. Чернышев, 1910; II, 32, М-лы II доп., № 69, Боровск. у.); с вариантом этого же прилагательного: *усадьбельна земля* (II, 32, М-лы II доп. 1 69, Васильсур.). Возможно, с такой звуковой формой прилагательного, в которой имеет место диссимиляция согласных, связано существительное *усадбелье* (д. Зубово Собин. Влад. обл.). В Осташковском р-не Калининской обл. С.А. Копорский записал наряду с *усадьбенный участок* также *усадьбежный* (I, 81, Осташ. Калин., 1946).

Отмечен также субстантиват *усадебна* (место, на котором находятся сад, огород и дом с хоз. постройками, называется *усадебной* – I, 34, д. Городище Пришекснин. Волог. обл. Г.П. Шаргина). В Прииртышье известно прилагательное *усадьбичный*, которое скорее можно связывать с основой *усадьбищ-*: *усадьбичный. Усадебный – Усадьба, усадьбишно место*, плетень, палисад (II, 1072, Ом. Тар. Ср. Прииртышье, Пыхтеева, 1967; II, 920, там же, Блинова и Палагина, 1967).

В словарях современного русского литературного языка представлено только прилагательное *усадебный*, в академическом словаре XVIII в. находим другую звуковую форму: *Усадьбенный*, ная, ное. прил. Принадлежащій къ усадьбѢ (САР; V, с. 324). В памятниках встречается форма *усадебный*, которая, видимо, является первичной (КДРС, Кн. Стр. 69; Калуж. акт. № 39, 1692 и др.), а также образования от другой основы – *усадный* (КДРС, Писц. д. 503), *усадищный* (КДРС, Кн. ям. новг., 276, 277) и с другим суффиксом: *усадижская* (КДРС, Новг. писц. кн. V, 46).

Слова с вариантом корня *-сед-*

Осе́длость / Обсе́длость / Осёдлость / Обсёдлость

Самый большой ареал этого существительного расположен в районе г. Вологды, преимущественно к северу, вокруг оз. Кубенское и особенно к северо-востоку от него. На остальной территории северного наречия и среднерусских говоров слово распространено небольшими ареалами или в единичных ЧДС с некоторым сгущением на юго-востоке (вост.) картографированной территории. В южном наречии оно отмечено в единичных разрозненных нас. п.п.

Наиболее распространенный вариант – ***осе́длость*** – представлен в говорах северного наречия как в основном ареале, так и почти во всех ЧДС, в мелких ареалах. Он характерен для части среднерусских говоров к востоку от Москвы (окающих и акающих), известен в отдельных ЧДС западной группы южного наречия (д. Ивонино Стодолищен. Смолен. обл., д. Зимницы Барятин. Калуж. обл., с Ущерпье Клинцов. Брян. обл.), в ряде говоров рязанской мещеры и к северо-востоку от нее, где он зафиксирован в нескольких случаях (д. Астахово Курлов. Владим. обл., д. Ильино и с. Колпь того же р-на, с. Ломовка Кулебак, с. Березники Дальне-Конст. и с. Вторусское Чернухин. Горьк. обл. и др.).

Вариант ***обсе́длость*** распространен к северо-западу от Рыбинского водохранилища и к востоку от г. Вологды – всего в нескольких нас. п.п., причем в этих же пределах в других ЧДС примерно такое же распространение имеет вариант *обсёдлость*.

Вариант ***осёдлость*** не характерен для северного наречия. Он известен в среднерусских говорах к югу от г. Горького, от Москвы и в ряде ЧДС южного наречия, где это слово вообще мало распространено (д. Селиверстово Волов. Тул. обл., с. Марицы Льгов. Кур. обл., д. Ильинка Лев-Толстов. Липецк. обл., с. Засечное Пенз. Пенз. обл.). Материалы КСРНГ подтверждают распространенность варианта *осе́длость* преимущественно в говорах северного наречия, отмечают вариант *обсёдлость* в Вологодской области (Кадуйск. Волог., 1950).

Предметное значение слова – чаще всего ‘место, на котором расположены дом, хозяйственные постройки, огород (сад)’; в северном наречии замечены исключения всего в нескольких случаях: в с. Коварзино Кириллов. Волог. обл. *осе́длость* означает место под постройками; это же значение отмечено у варианта *обсе́длость* в д. Большая Пельпахта Борисово-Суд. Волог. обл. В дд. Тарасово и Межерье того же р-на Волог. обл. вариант *обсе́длость* известен и в значении ‘весь участок’ и в видовом значении ‘место под посадками’.

В среднерусских говорах слово не образует значительных ареалов. В большинстве ЧДС оно и здесь известно в общем значении ‘весь участок’. В значении ‘место под домом и хозяйственными постройками’ вариант *обсе́длость* отмечен в д. Назарово Пушкин. Моск. обл. и в с. Шокино Курмыш. Горьк. обл., а вариант *осёдлость* – в с. Абрамовка

Майн. Ульян. обл. В значении 'место под посадками' этот последний вариант отмечен в с. Красная Сосна Базарно-Сызган. Ульян. обл., а в пределах южного наречия в с. Печерники Михайлов. Ряз. обл.

Из тех немногих нас. п.п., в которых слово отмечено в южном наречии, вариант *осёдлость* в д. Тиняково Малоярославец. Калуж. обл. и в с. Марицы Льгов. Кур. обл. имеет значение 'место под домом и хозяйственными постройками'.

В источниках старорусского языка слово не зафиксировано, только во второй половине XVIII в. оно встретилось в одном документе: ... такожъ городамъ, землямъ, мѢстамъ, *осѢдлостямъ*, мѢстечкамъ, селамъ... отъ всѢхъ платежей, также отъ платежа всякихъ поборовъ, строенія и починки крѢпостей и мостовъ королевскихъ, свободнымъ... быть... (КДРС, Мат. Ком. Ул. 43. Наказ Син., 1767).

В словари *оседлость* включается начиная со Словаря Академии Российской 1822 г. В приведенном документе XVIII в. очень отчетливо выявляется значение 'поселение определенного типа', но не повсеместно, а в юго-западных областях, где словами *место* и *местечко* назывались тоже поселения особых типов. Известно, что слово *оседлость* было употребительным в старобелорусских памятниках XV–XVI вв., в которых оно является полонизмом [Лемтюгова 1983, 102]. У Даля слово *осѢдлость* приведено в словарной статье *обсаживать* как 'состояние оседлой жизни' (во 2-м издании Словаря – без вариантов, в 3-м издании – в вариантах *оседлость* и *осёдлость*).

В русском литературном языке слово в качестве названия поселения особого типа или участка земли под постройками и посадками, видимо, настолько малоупотребительно, что не нашло отражения в словарях. Значение слова формулируется в словарях как 'постоянное пребывание, проживание в одном месте' (Ушаков, ССРЛЯ), 'состояние по значению прилаг. *оседлый*' (СРЯ). Лишь в одном примере из источников этих словарей в словосочетании *усадебная оседлость* можно видеть значение 'место, на котором расположены дом, хозяйственные постройки, огород, сад': Крестьянам предоставляется *усадебная оседлость*, которая составляет часть земли (Чернышевский, Зап. об освобожд. креп. крестьян).

По всем признакам, довольно широко распространенное диалектное значение слова 'весь участок', а тем более видовые значения не нашли отражения ни в художественной, ни в научной литературе, ни в каких других жанрах. В словарях нашли некоторое отражение варианты звуковой формы. Выше уже говорилось о Словаре Даля. В словаре Ушакова приводятся два равноправных варианта *осе́длость* и *осёдлость*, в ССРЛЯ и СРЯ вариант *осёдлость* имеет помету простореч. Интересно, что Даль приводит один вариант – с ударенным Ѣ в корне. Лишь в 3-м издании появляется второй вариант – с *ё*. Как мы видели выше, в диалектах эти варианты локализованы. Кроме того, в варианте *осе́длость* ударенный гласный в некоторых ответах передан через дифтонг *и*^{э} (д. Сафониха,Сямжен. и с. Боярское Харов. Волог. обл.),

через *е*^{и} (д. Судово Харов. Волог. обл.). Отмечен вариант *оси́длось* (д. Большая Крестовая Окулов. Новг. обл). Короче говоря, можно сделать заключение, что в северном наречии и в части среднерусских говоров слово образовалось от основы с *ѣ* в корневой морфеме, в южном наречии звук корневой морфемы повел себя как *е*, поскольку его в большинстве случаев заменяет *'о*. В говорах рязанской мещеры вариант *осе́длость* может быть связан с явлением неперехода *е* в *'о* перед твердыми, свойственным этим говорам в прошлом.

Осе́дланность / Осе́дленность / Обсе́дланность / Обсе́дленность / Осёдланность

Слово, отмеченное в стольких вариантах звуковой формы, распространено, главным образом, в северном наречии – в западной половине костромской группы на ее стыке с вологодской, к югу от Вологды, к югу от оз. Белого и на стыке белозерско-бежецких говоров с онежской группой, в южной части ладого-тихвинской группы, а также на севере селигеро-торжковских говоров и к западу от оз. Селигер. Оно образует небольшие ареалы, часто перемежаясь со словом *оседлость*.

На остальной территории среднерусских говоров и в южном наречии оно нигде не образует ареалов, лишь местами отмечено в двух-трех нас. п.п., расположенных недалеко друг от друга.

Самый распространенный вариант – ***осе́дланность***. Он представлен в ответах более чем 30 нас. п.п. в пределах северного наречия, в нескольких ответах с территории селигеро-торжковских говоров (дд. Оболтино и Дубище Удомель. Калинин. обл., дд. Белавино и Терелесово Вышневолоцк. той же обл.), у Н. Новгорода (пос. Гавриловка Дзержин. Горьк. обл.). Он единично представлен в пределах южного наречия (д. Самохваловка Хомутов. Кур. обл., с. Рыбное Острогож. Воронеж. обл.).

Вариант ***осе́дленность*** образует небольшие ареалы к западу и востоку от Вологды. Здесь же единично представлен вариант ***обсе́дленность*** (с. Шестиково Междуречен. Волог. обл.).

Вариант ***обсе́дланность*** известен в отдельных нас. п.п. только на территории северного наречия (д. Антонково Данилов. и д. Назарово Тутаев. Яросл. обл., дд. Борисово и Костино Судай. Костром. обл., д. Перховта Белозер. Волог. обл. и др.). Единично представлены варианты *обсе́дальность* (д. Заполье Судай. Костром. обл.) и *осе́дловость* (д. Королево Яросл. Яросл. обл.).

Вариант ***осёдланность*** в северном наречии не отмечен. Он представлен в немногих ответах в пределах западных среднерусских акающих говоров (д. Лилье Молвотиц. Новг. обл., д. Подол Вышневолоц. Калинин, обл., д. Песчанка Пустошкин. и д. Блиновка Торопец. Великолук. обл.); в Тульской группе межзональных говоров южного наречия (д. Столбово Дубен. и д. Плешивка Алексин. Тул. обл., д. Крутицы Тарусс. Калуж. обл.); на востоке картографированной территории (с. Уржумское Тагай. и д. Томбы Майн. Ульян. обл.,

д. Надеждино Колышлей. Пенз. обл. с. Березовка Балашов. Сарат. обл.). В СРНГ слово нашло отражение. В частности, вариант *обсе́дланность* наличествует там со значением 'крестьянская усадьба' и с пометами Влад., Яросл., 1964. В северном наречии слово почти всегда имеет значение 'весь участок', как и в среднерусских говорах. Исключения немногочисленны. В нескольких случаях слово встретилось в двух значениях 'место под посадками' и 'весь участок' (в варианте *осе́дланность* – в д. Лесутино Холм. Великолук. обл., в д. Жихново Опечен. Новгор. обл.). В варианте *осе́дленность* – в значении 'место под посадками' (д. Михайлово Грязовец. Волог. обл.).

В значении 'место под домом и хозяйственными постройками' – в вариантах *осе́дланность* (с. Великое Село и д. Большая Погорелка Тутаев. Яросл. обл.), *обсе́дланность* (д. Антонково Данилов. Яросл. обл.). В южном наречии оно чаще имеет значение 'место под домом и хозяйственными постройками' (д. Крутицы Тарусс. Калуж. обл., д. Плешивка Алексин. Тул. обл., д. Томбы Майн, Ульян. обл., д. Надеждино Колышлей. Пенз. обл., с. Березовка Балашов. Сарат. обл., с. Рыбное Острогож. Воронеж. обл.), но иногда приводится в общем значении (д. Столбово Дубен. Тул. обл., с. Уржумское Тагай. Ульян. обл., д. Самохваловка Хомутов. Кур. обл.). В источниках нет более ранних сведений об этом слове. В Словаре Даля кроме приведенного выше слова *осѣдлость*, есть еще слова *осѣдло* сщ. ср. 'оседлое место, жилье', *осѣдлины* 'празднование новой *оседлости* ' – оба без локальных помет. Это показывает, что рассматриваемые слова в некоторых говорах русского языка, являясь как правило местным образованием, не представляют изолированных фактов, а связаны с определенной продуктивностью основы прилагательного *оседлый*. При этом возможны разные суффиксы, усложняющие основу этого прилагательного, в том числе самые распространенные *-ан* и *-ен* указывают уже на глагольную основу. Глагол *оседлываться* 'обосновываться на постоянное место жительства' встретился, правда, в одном лишь, сибирском источнике (КСРГ, Том. Пар. Томск, 1979).

Показательно, что слова *оседлость, оседланность* не попадают в поле зрения исследователей исторических источников [Воронин 1935; Кочин 1965; Чайкина 1976 и др.]. Можно предполагать, что слова эти, соотносительные с глаголами *осесть, оседать, оседлываться*, возникли тогда, когда от подсечного к пашенному земледелию переходило крестьянство в основной своей массе – то крестьянство, которое не было связано с помещичьим землевладением, которое стало более или менее независимым от перемещений в поисках новых угодий, подлежащих вырубанию, выжиганию, подготовке под очередную пашню [Кочин 1965; Чайкина 1975]. Они, возможно, пришли на смену словам *починок, роздель, ново, новцо*, имевшим первоначально нерасчлененное значение 'расчищенный под пашню участок леса' и 'селение на таком участке'. Характерно, что в составе рассматриваемого диалектного различия они редко сосуществуют со словами с корнем *-двор-*. Это

может быть объяснено не только тем, что в современных говорах эти слова и слова с корнем *-двор-* выполняют в разных говорах одни и те же функции, но и тем, что в говорах, в которых названиями участка земли под домом, хозяйственными постройками и посадками при доме являются слова *оседлость* или *оседланность*, слова с корнем *-двор-* выполняют другие функции. Например, по данным Ю.И. Чайкиной [1975], слово *удворина*, существовавшее в XVII в. в значении 'участок пахотной земли около крестьянского двора', сохранилось и в современных говорах, видимо, с этим же значением [102–103, 185 – карта № 18). Оно локализовано несколько шире и в тех местах, где отсутствуют слова *оседлость, оседланность*, может иметь значение 'место под домом, хозяйственными постройками, посадками при доме', как и другие слова этого корня (см. выше).

Существительные с корнем *-сел-*[25]

Большинство слов этого корня образует небольшие ареалы, преимущественно вблизи границы с Белоруссией.

Селитьба / Селиба. Селибник

Из этих существительных самые значительные ареалы образует вариант ***селиба***, но только в ограниченном районе. Он известен на юго-западе и юго-востоке Псковской обл., образует несколько ареалов в пределах Смоленщины, по течению р. Десны, отмечен и в Брянской области.

Вариант ***селитьба*** отмечен к северу и к югу от г. Брянска в немногих нас.п.п., в единичных ЧДС к югу от Москвы, а также в ряде говоров восточной части территории, картографированной к востоку от Москвы. Слово ***селибник*** отмечено в двух небольших ареалах: на северо-запад от г. Торопца и к югу от г. Рославля. В подавляющем большинстве случаев эти слова приведены в значении 'весь участок'.

---

[25] Вопрос о возможности объединять по происхождению корни *-сел-* и *-сад-/-сѣд-* не нашел в трудах этимологов достаточно убедительного истолкования. В этимологических словарях русского языка (Преображенский, Фасмер) предполагается слияние в одном слове двух: **sedlo*, соотносимого со словами некоторых индоевропейских языков, обозначающими 'местожительство', 'гнездо', 'седалище', 'хлев', и соотносимого со словами в значении 'поле', 'земля' в одних древних языках, 'жилище', 'помещение' – в других. Ж.Ж. Варбот, рассматривая соотношение суф. **-slo*, присоединявшегося к корням на зубные согласные, и *-lo* – к корням на гласные, губные и задненебные, приводит слово *село* в числе примеров, противоречащих этому правилу, так как принимает точку зрения, согласно которой это слово имело корень **sed-*, но образовано присоединением суф. **-lo* [Варбот 1969, 87]. В данной работе *-сел-* рассматривается как корень, функционирующий в русском языке в рассматриваемой лексике самостоятельно: существительные *селиба, селитьба, уселок* и др. соотносятся только с глаголами *селить, селиться*, тогда как рассмотренные выше существительные с *-сад-/-сед-/сѣд-* соотносятся с глаголами *садить(ся), усадить, сесть, оседлываться* (ср. [Лемтюгова 1983, 17]).

В немногих случаях существительное *селитьба* приведено в значении 'место под постройками' (с. Кишкино и Григорово Б.-Мурашкин. Горьк. обл., с. Горки Б.-Игнатов. Мордовской АССР). В одном ответе оно приводится в значении 'место под посадками' (с. Быки Сев. Брян. обл., м-л см. выше). Существительное *селиба* отмечено в значении 'место под постройками' в д. Большая Мышинка Всход. Смол. обл., д. Ст. Кочева Дубров. Брян. обл. (наряду со словом усадьба). В значении 'место под посадками' оно приводится в д. Дятлово Велиж. Смол. обл. (м-л см. выше).

В областных словарях (за пределами ДАРЯ) эти слова почти не нашли отражения. *Селитьба* известно в говорах Новосибирской обл. в двух значениях: 1. Земельный участок, предназначенный для заселения. – *Селитьбы* большие захватывали, вон там захватил я *селитьбу* (Чулым., Алексеевка). 2. Двор при крестьянском доме (в 1-м знач.), селина. – А теперь не *селитьбой*, оградой зовут (Чулым., Алексеевка) (НСО). Оно отмечено в Томской обл. в значении 'двор при крестьянском доме' (Диалектн. словообразование. 1979). *Селиба* известно в некоторых белорусских говорах: *сяліба, сядзіба, сядзіма.* ж. Сядзіба. Мая *сяліба* харошая была: рэчка бліска цікла. Ахрэмаўцы Брасл. Дауней гаварылі *сяліба*, а цяпер – участак. Рудня Чэрв. Гэта не у нашай *сялібы*. Малькуны Угн. Наіхнай *сялібя* мушчыны зміраюць. Саланое Віл. (СБГПЗБ).

По данным Т. Стешковича, *сялиба* отмечено в Гродненской области Белоруссии в значении 'усадьба': *Сялібы* там добрыйа, ноччу нейку *сялибу* праехали. Морына Уўеў. (Стешкович, 1972). У В.И. Даля приведено *селитьба* в значениях 'водворение', 'заселенное место', 'поселение', 'дом и двор со всеми ухожами' – все без локальных помет.

Слово ***селибник*** известно нам только по данным ДАРЯ.

В исторических источниках существительное *селитьба* встречается довольно часто в документах, относящихся к разным местам Московского государства: ...А усадьбы имъ на рѣкѣ Воронѣ одна *селидба* съ Хоперской стороны на полянѣ... а другая *селидба* съ руской стороны вверхъ по рѣкѣ Пондѣ на лѣвой сторонѣ (КДРС, Т Арх. XXIII прил.). Въ Песьѣ слободѣ... 5 мѣстъ дворовыхъ... и во 187 году тѣ мѣста отведены подъ дворовую *селидьбу* устюжаномъ посацкимъ людемъ... (КДРС, Уст. II. 139); Столпъ, а въ немъ выписки безъ годовъ объ Абътекарскомъ дворѣ, ис подмосковныхъ селъ о всякихъ дѣлехъ... і о *селидбе* выходцовъ въ Вяземскомъ уѣзде... (КДРС, ДТП, 21); Акты о строеніи въ Сибири городовъ... Да имъ же Кондрашкѣ и Гришкѣ сбирать въ государеву казну таможенные всякіе пошлины съ тутошныхъ крестьянъ и съ бѣломѣсныхъ казаковъ для новые *селидбы*, по оцѣнкѣ по десяти денегъ съ рубля (КДРС, ДАИ, VII, 1680). ...А на усть де Ирбити никакого заводу и *селидбы* Бѣлослудцкихъ крестьянъ не бывало и по се время, а на усть де Ирбити рѣки построена Ирбитцкая слобода (КДРС, АЮБ, I, 476); А будет на которые пустые

порожжіе мѣста на дикіе леса учнутъ имъ бить челомъ на *селитьбу* тутошніе люди и похотятъ ставить починки, // и писцомъ тѣ пустые мѣста на *селидьбу* давати и починки ставить велѣти охочимъ людемъ... (Писц. д. II, 1628 г.); Да донскіе де казаки расколники живутъ въ собраніи на рѣкѣ Кумъ болши 1000 человѣкъ, въ урочищѣ Карамыкѣ, близъ Болшой Кабарды Месеуста князя Горского, и съ нимъ де Месеустомъ живутъ въ согласіи, и просили де тѣ расколники у того Месеуста на *селидбу* мѣста подъ Бечтовыми горами (КДРС, А.И. 12, Отп. воев. Цар. и Сар. о вор. раск. 228, 1688).

Контексты свидетельствуют о том, что чаще слово употребляется в значении действия по глаголу *селить(ся)*, которое в одних случаях вполне очевидно, например: ...а сколко по смѣте и по мѣрѣ подъ пашню земель, и сѣнныхъ покосовъ, и какихъ всякихъ угодей и рыбныхъ ловель будетъ для *селитбы* крестьянъ, и тѣ земли отъ Красноярской слободы крестьянъ росписать порознь, в доѣздной списокъ... (КДРС, ДАИ, V, 1666–1670); ...И намъ бы ихъ (калужанъ) для ихъ пожарного разоренья и для ихъ *селитбы* пожаловати, въ нашихъ податѣхъ велѣти дати лготы (КДРС, А.И. III, 1622).

В другихъ случаях довольно явственно выступает значение 'усадьба' или 'поселение': ...а около де тѣхъ рѣкъ и речекъ дикое поле лежитъ порожжо, никто имъ не владѣетъ и *селитбы* ничьей нѣтъ (КДРС, Тамб. Арх. XXIII прил.).

В третьих речь идет скорее о месте для поселения – см. выше примеры, в которых бьют челомъ или просят, и такой текст: ...или кто из нихъ тѣхъ же крестьянъ братъ или племянникъ, которые даны были в монастырь вкладомъ, а нынѣ живутъ на новой *селитбѣ*, и что у кого у нихъ детей и братьи и племянниковъ и всякого хлѣба и животины, и то все описать имянно же... (КДРС, А. гр. распр. Фед.-Чех.).

Но чаще, видимо, слово употреблялось не в значении 'место под усадьбу', а в общем значении и места, и построек, о чем свидетельствуют употребляемые иногда определения: Да имъ же дано за Лебяжьимъ озеромъ поляна, для *дворовой селитьбы* вообще... (КДРС, Кн. Стр., 61)... для *новой селитьбы* сколько дано на дворовое строенье... (там же, 84), и такие примеры: ...а в тех де старинных своих ухожьях деды и отцы их и они деревнями и *селитьбою* не жили, а жили в иных местах... (Тр. Башк., 101, 1700 г.); Гдѣ пристойно быть *крестьянским селидьбам* (КДРС. Дт. т. XXI, кн. I, стр. 394, РИБ).

Вариант *селитьба* известен и по старобелорусским текстам, исследованным В.П. Лемтюговой: ...а онъ дей мне напротивъ тое земли, на которой тоею *селидбою* седитъ, отмены дати не хочетъ (АВАК, XVII, 310, 1541, Гродно, КИСБЯ); ...и я дей его съ тое *селидбы* Щербовщины зогналъ (АВАК, XVII, 356, 1541, КИСБЯ).

Цитированные источники относятся к XVI–XVII вв., но в русских текстах XVIII в. слово сохраняет свою употребительность. Вариант более раннего образования *селитва* (в диалектных материалах не обнаруженный) носит книжный характер и мало употребителен в дело-

вых текстах, хотя все же встречается: Се жалуеса Яков Голутвинич с братом Прокопом и с детемь за пот и кровь селищем Пустухом, да рыбные ловли. Се жалуеса *селитва* ставити да рыбу ловити неводом да мережи (КДРС, Гр. Новг. и Псков. 1673 г. ~ 1308–1312 гг. т.е. восходит к XIV в.); ...бьеᵀ челоᴹ и евляеᵀ холоᴾ твоᴵ ЕлисѢᴵко Пеᵀровъ снъ Труновъ... Ѣхоᴸ крᶜтьянишка моᴵ Паᴺка МихѢевъ снъ Щекинъ... в новоселенную мою дрᴮню Стоᴵлову в СолоᴮскоИ уѢᶻдь... да с ниᴹ же Паᴺкою Ѣходи дворовые мои дѢловые людишка... для *селиᵐвы* тоᴵ моеᴵ новосеᴸноᴵ дрвнишки... (КДРС, А. Дедил. Воев. Избы № 467, 1678 г.).

Что касается существительного *селиба*, то в старорусских памятниках и в СК–XVIII оно не встретилось. Оно известно по старобелорусским памятникам XVI–XVIII вв. [Лемтюгова 1983, 34] в значениях 'крестьянский двор как отдельная земельно-имущественная единица' [Шадурский, 1967], 'одинокий двор', 'выселок' [Харузин 1907]. В.П. Лемтюгова приводит такие примеры: ...где сами седятъ *селибами*, поля морговъ двадцать три среднего (АВАК, XXIV, 165, 1554, КИСБЯ); Первей досталися намъ *Селибы*, на чомъ отцы наши жыли (ИЮМ, XXII, 456, 1627, КИСБЯ); ... Я ... имъ далъ *селибу* за собою у въ огородникахъ на КатерининѢ (Арх. сб., 260, 1617, КЯСБЯ).

Слово *селибник* в исторических источниках не обнаружено.

По данным СК–XVIII, книжный вариант *селитва* отражен в словаре начала века: Селеніе, *селитва*, οἰκητύρων, οἴκησις, οἴκημα, villa, habitatio (Поликарпов, Лекс., 1704). Попадает в некоторые поэтические произведения: Въ мерзости есть у насъ ЗвѢроправїе о́но свирѢпо, Кое, именъ подъ – Красо́й Любочестія также и – Славы, Идетъ, безумно стремясь, разорять чужіе *Селитвы*, И проливаетъ кровь ЧеловѢковъ, себѢ братородныхъ. (Тредиак. Тилемах., 1766, т. I кн. X, с. 168); Не слышны лаи псовъ во кругъ его *селитвы*, Лишь Турковъ, никого онъ въ свѢтѢ не разилъ... (В. Петров, Соч., т. I, с. 164, Ода Потемкину, 1777). *Селитва* включено в Словарь Академии Российской: *Селитва*, *твы*, с. ж. Жилище, обиталище. Сроденъ на *селитву* человѢкомъ. Прол., Апр. 17 (САР, V, с. 411).

Вариант *селитьба* употребителен на протяжении всего XVIII в., причем уже и в самых ранних источниках он может употребляться в значении 'место, на котором...', т.е. уже означает не действие, а место действия: ...строеніе въ немъ все каменное *селитьбою* не великъ;... (Путешествие П.А. Толстого 1697–1699. Р. архив, кн. 1, 1888, с. 506); ...И от того в конечную скудость приходят, а аще бы *селидбою* их не теснили, то бы гибели такой им не было (Посошков. Кн. о скуд. и бог. (к.), 242–244). И в более позднее время: На меже отделяющей *селидьбы* их от соседей построена была при дороге гостиница, в которой отец и мать Филаретовы в свободные часы от сельских упражнений ходили сами на угощение убогих, нищих и странных (Радищ. Филарет. ПСС I, 1938, 408).

В большинстве случаев *селитьба* употребляется в значениях 'заселение' и 'поселение', 'усадьба': Прилегло де мѣсто около нижнего острогу болотное и кочевникъ, и впредь для новой *селидбы* въ прибавокъ ставить новыхъ дворовъ служилымъ людемъ будетъ невозможно... (ПСИ I № 128, 1713, с. 549); ...И тѣ мѣста очистить в артиллерныхъ линѣяхъ *подъ селитьбу* артиллернымъ служителямъ подлымъ (ПСЗ, IX, № 6308, 14, 1733); ...Въ городахъ и уѣздахъ подъ старыя и новопостроенныя церкви отвести вновь под кладбище и попу с причетники под *селитьбу* земли длиннику и поперешнику надлежить по 80 саженъ... (ПСЗ, т. XII, с. 642, 1747, № 9365); Селенїя сїи въ началѣ стояли одно отъ другаго отдѣленно; но когда жители тамъ умножились, и между оными деревнями построены другїе *селитьбы*, то разстоянїе между ими сдѣлалось очень близкое... (В. Крестинин, Из начерт. истории гор. Холмогор. – Месяцеслов на 1790 г., с. 90); ...Филарет однакоже бояся что бы злоключение его друга непростерлося на его сродников, продал все приданое жены своея имение и *селидбы* своего отца, и переселился со всею семьею в Пафлагонию... (Радищ. Филарет. ПСС, I, 410); ...начиная отъ Уральских горъ они *селитьбами* и кочевьями своими распространилися по Южной Сибири до Оби и вершинъ Енисея... (Радищ. Пов. о приобрет. Сибири. СС, ч. VI, 1811); Но въѣхавъ въ Иркутскую губернію, съ самаго того мѣста, гдѣ мѣста становятся ровнѣе, пашни обильнѣе и *селитьбы* привольнѣе, я слышалъ, хотя и не повсемѣстно, но неудовольствіе или сожалѣніе о пресѣченіи торга съ Китайцами... (Радищ. О китайск. торге. СС, ч. VI, 1814, с. 115); Собираяся во множествѣ, они обеспокоивали по часту селящихся въ Перміи Россіянъ и нерѣдко разоряли новые их *селитьбы* (Радищ. Пов. о приобрет. Сибири. Там же, 10); Какія бы побужденія Ермакъ на то ни имѣлъ, онъ ни мало не обеспокоилъ Строгановскихъ *селитьбъ*... (там же, 25). Насталъ день жатвы. И се при востеченіи деннаго свѣтила зрится в *селитьбах* мирная тревога (Радищ. Опис. влад., СС, ч. IV, 1811, 98); Какая же прибыль, что из пустыни соделал *селитьбы*, если другие населения тем сделал пустыми (Радищ. ППМ). Тотъ пріѣзжій человѣкъ – вышедшій из-за границы раскольникъ и называется Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачевъ, который-де... ѣздитъ и осматриваетъ здѣсь для *селитьбы* своей мѣсто (Зап. Держ. Соч., т. VI, 461); Пространная долина, на которой заведена Табынская *селидьба*, предлагаетъ Табынцамъ урожайную пашню (Лепех. Путеш., ч. II, 1772, 3); Село Визинга составляетъ большую изъ всѣхъ *селитьбъ* Зирянскихъ, которыя намъ видѣть случилося (там же, ч. III, 1780, 263); Имя Соль Камская довольно доказываетъ, что соленыя ключи были причиною сей *селитьбы*, которая годъ отъ году распространяяся до такого дошла совершенства, въ какомъ нынѣ находится,... (там же, 129); Переночевавъ въ селѣ Андосовѣ отправилися по утру въ Мордовскую деревню Юмарги, отстоящую въ 9 верстахъ. Мы тутъ первой разъ увидѣли Мордовскую *селидьбу*, однако за незнаніемъ Мордовскаго языка не много могли разпросить о ихъ отмѣнной по-

родѢ (там же, ч. 1, 1771, 101); ...отецъ его копал нѣкогда погребъ позади восточной части градскихъ валовъ, гдѢ нынѢ ихъ *селидьба*, нашелъ статую, слитую невѢдомо изъ какого металла... (Рычков, Журнал, 1772, ч. II, 76).

Судя по приведенным текстам, эти последние значения, решительно преобладая, не нашли, однако (как и первое) отражения в самой первой словарной фиксации. Значение здесь сформулировано как 'действие населяющего' (САР, V, 412). Это значение приводится у Даля (в качестве устаревшего) и в некоторых словарях литературного языка (ССРЛЯ, СРЯ), причем оно приведено без иллюстраций. Видимо, это значение включается в некоторые словари по традиции, не на основании живого употребления хотя бы в XVIII в. Этого значения мы не находим ни в Словаре Ушакова, ни у Ожегова. В них, правда, не включено и подтвержденное иллюстрациями другое устаревшее значение: 'селение'. Что касается первого значения ('место, на котором находится селение или отдельный двор', что по контекстам трудно разграничить), то это значение осталось в русском языке в двух вариантах: в литературном языке – в качестве специального термина землеустройства в формулировке 'земельная площадь в населенных пунктах, занятая постройками, садами, дорогами' (ССРЛЯ); в говорах – для обозначения 'места, на котором находятся жилая и хозяйственные постройки, огород, сад' (одного крестьянского двора), как свидетельствует рассмотренный выше материал.

Исследователи установили, что существительные на *-ьба*, будучи по своей форме девербативами, "совмещают транспозиционное значение действия/состояния со значением результата действия/состояния, объекта действия..." и что "для них регулярны значения результата и места действия" [Азарх 1984, 191–192]. Что касается рассматриваемого слова *селитьба*, вытеснившего книжное *селитва* уже в XVIII в., то в процессе развития его значений наиболее активное в старорусской письменности и в XVIII в. значение результата действия устаревает в XIX в., остается значение места действия.

Слово *селибник* является, видимо, узко местным образованием. По мнению исследователей, "неличные существительные на *-ьник* генетически являются конденсатами, образовавшимися вследствие стяжения атрибутивных словосочетаний" [Азарх 1984, 96]. В отличие от личных имен, производимых "от существительных с помощью ЧС *-ьник-*", неличные образуются от прилагательных "на *-ьный-* с помощью ОС *-ик-*" (там же). Прилагательное *селибный* нам не встретилось. Возможно, что оно существует в тех белорусских говорах, которые еще не отражены в областных словарях. В русских говорах по материалам ДАРЯ известно прилагательное *селитьбенный* в таких атрибутивных сочетаниях: *селитьбенная усадьба* (с. Ожгибовка Пильнен. Горьк. обл.), *селитьбенное место* (с. Березники Дальне-Константинов., с. Шерстино Арзамас. и с. Мурашкино Б. Мурашкин. Горьк. обл.). Один раз отмечено сочетание *селитвенное место* (д. Сущево Лысков. Горьк. обл.).

Прилагательное *селидбенный/селидебный* известно по историческим источникам XVIII в.: Примѣръ и долгоприметная разница запущенных въ луга *селидбенных мѣстъ*, огородовъ, выгоновъ, также глинистыхъ и другихъ пашенъ всемъ довольно извѣстна (СК–XVIII, Сель. житель, ч. 1, с. 58, 1778); И к таковому крестьянскаго жития охранению надлежит приложить и сие, еже бы и дворы их перестроити, дабы им свободнее и покойнее было жить, понеже от *тесноты селидебные* крестьянство вельми разоряется, потому в тесноте, аще у кого о(д)ного загоритца двор, то вся деревня выгорит... (СК–XVIII, Посошков, Кн. о скуд. и бог. (К), 242). А изъ... сосноваго лѣса, ...ахтырскіе жители, ...въ случаѣ послѣдовавшаго пожара и обвѣтшалыхъ жилыхъ строеній, *селидебнымъ деревомъ* снабдеваемы были безпрепятственно (СК–XVIII, Мат. ком. Нов. Ул., ч. 14, с. 7).

Подобные словосочетания свидетельствуют о потенциальной возможности таких образований, как *селидбенник/селитебник*, но они не засвидетельствованы ни среди апеллятивов, ни среди топонимов [Лемтюгова 1983].

Отметим единичное *сельбище* (д. Тростино-Ивакино Ершич. Смол. обл.) – основа *сельб-*, распространенная здесь суффиксом *-ище*, зафиксирована также В.П. Лемтюговой в образовании *сельба* – аппелятиве и ойкониме [Лемтюгова 1983, 15].

Оселок. Уселок

Оселок локализуется в верхнем течении Западной Двины небольшим прерывистым ареалом. ***Уселок*** отмечено в нескольких небольших ареалах к северо-востоку и юго-востоку от г. Тулы (между Тулой и Рязанью). Для этого ареала есть уточняющий материал КСРНГ: ...што усад'бъ – што *ус'олък* – йетъ фс'о адно; *ус'олък* – усад'б'ьннъйь м'эста – 2 (Голанов, Кашир. Моск. 1946 – Матер. и иссл. по р. диал. М., 1959). У Даля слово приведено в словарной статье на глагол *уселять*, и имеет помету "тул." и толкуется словом *поселок*.

В исторических источниках слово *уселок* не обнаружено; судя по данным КДРС, был употребителен глагол *оуселити(сА)*, но в текстах книжных, литературных, относящихся как к древнерусскому, так и к старорусскому периоду.

Слово *оселок* у Даля приведено в словарной статье *обселять* с пометой "влд." в значениях 'пустошь, место покинутое жителями', 'перелог, залежь'.

В исторических источниках слово употреблялось в каких-то определенных значениях, относящихся к участкам земли, отличным от участков, обозначаемых словами пустошь, полсельца, луг и под.: ...на заводное строеніе отказано въ Ярославецкомъ же уѣздѣ Малого, въ розныхъ станѣхъ, изъ порожжихъ земель оброчныхъ сто пустошей да три *оселка*, да полселца, да лугъ... (КДРС, ДАИ, V, 1665); И к тем

железным заводом даны им в Ярославецком уезде Малого из порожжих земель 100 пустошей да 3 *оселка* да луг, да полсельца да в Верейском уезде наша великих государей дворцовая Вышегородцкая волость со крестьяны... (КДРС, А. Тул. и Каш. заводов, 1674); Списокъ порожжимъ землямъ и *оселкомъ* и одворищомъ (КДРС, Дт. т. XXI). Да къ тому же селу пустоши: ...пуст. Огородцы, пуст. Харино, три *оселка* харинскихъ; пуст. Заборье (КДРС, Розыск о Шакловит. 4, 385); Изстари владѣли прежніе вотчинники... пустошью Ясиклевымъ, на ней два пруда, да *оселокъ* малой, пустошью Старымъ Селомъ (там же, 500). ...а позади *оселка* Звягино, что за Мисюремъ Соловцовымъ, селище Сандыревка надъ рѣчкою надъ Сандыревкою... (КДРС, Кн. п. Нижегор. 1621–29).

Во всех приведенных примерах значение слова не выявляется с полной ясностью, но некоторые признаки могут быть установлены, например, то, что в его семантике есть компонент, общий с одним из компонентов значения слова *пустошь* или со значением слова *пустошь*, если оно являлось родовым словом в парадигме, состоящей из слов, обозначающих "порожжие оброчные земли"[26].

В источнике XVIII в. дается толкование, которое нейтрализует некоторые признаки: 7. Пустошь, *оселокъ* тожъ. Пустошь – то, что была деревня, или село, а владѣтель перевелъ на иное мѣсто, а прежнее оставитъ пусто, или отъ других случаевъ въ прежнихъ временахъ запустѣлое. Однакожъ всегда называется именем бывшаго села или деревни /Примечания к картам/ (КДРС, Мат. ист. АН, 1727, т. 1, 236). Но совершенно ясно, что употребляя это слово, использовали его в качестве уточнения значения слова *пустошь*, в каком-то более узком видовом значении.

Имеем еще такие тексты: ...пашни паханые худ, земли по *оселку* 3 осм., а въ 3 поля иметце, по осм. ... (КДРС, Кн. п. Моск. I, 1592–1593 г.); ...и тѣмъ де *оселкомъ* онъ Иванъ владѣетъ, а землею и всякими угодьи владѣютъ Боголюбова монастыря игуменъ съ братьею (КДРС, Акты юр., 1627–1633).

Слово мотивировано существительным *село*, возможно, в значении 'участок пашни', но в рассматриваемом значении соотносится с глаголом *оселить(ся)*, который представлен в немногих текстах: ...овии жъ осташася на городищи томъ /Ермаковом/ с женами и з дѣтми, вѣчно *осѣлишася* (КДРС, Ремез. Лет., 314); ...однакожъ то оставлено за *неоселеніемъ* людей, понеже тѣхъ работныхъ людей малое число, которое *оселено*, а мочно было ихъ учинить больше, ежели бъ прилежаніе къ тому было (КДРС, Изъявл. Салм., 1714 г., с. 34). Именно это значение закрепилось в некоторых русских говорах.

---

[26] См. у Л.Ю. Астахиной [1982] о семантическом признаке 'отрицательной принадлежности' (в социальном смысле) ряда наименований земельных участков и, в частности, слова *пустошь*.

Селина. Селище

Слово ***селина*** отмечено только в двух небольших ареалах к западу от г. Брянска (один из которых на границе с Белоруссией). Его находим в источниках, относящихся к XV в.: *...селина* расселася в длину (ДРС Х. Варс., 4, 8); 6651 (1143). Бжр҃ велика бы^{с}, аки силнаа ра^{т}, $\overset{т}{\omega}$ носи храмы на иную *селину*, и товаръ ис клетеи, и жито из гуменъ, и налѣзоша брони свои по болотомъ разношени (КДРС, Переясл. лет., XV в.). Об использовании общеименного суф. *-ин-* в древнерусском книжно-письменном языке для подчеркивания конкретного значения абстрактного имени см. выше, в разделе, посвященном названиям с корнем *-двор-*.

Наличие слова *селина* в говорах, хотя и в небольших ареалах, свидетельствует о том, что оно не является образованием, чуждым живой речи, хотя мы не можем установить, как оно появилось в говорах.

Существительное ***селище*** в разные исторические периоды было довольно широко употребительно в значениях 'место, где находилось поселение', 'сельское поселение' [Успенская, Фехнер 1956; Витов 1962]. В.П. Лемтюгова [1983] отмечает разнообразие семантики этого слова в старобелорусском и староукраинском языках. В рассматриваемом значении слово отмечено в единичных ЧДС: в д. Бараново Рославль. Смол. обл. – в варианте *селѝще*; в д. Катешово Дубен. Тул. обл. – в варианте *селѝщи*.

Существительное *помéстье*. Существительное *мéсто* и словосочетания с ним

Эти наименования локализованы в основном далеко одно от другого, хотя есть регионы, в которых ареалы их сближаются.

Поместье

Это слово образует ареалы в центральной и восточной частях южного наречия, в отделах Б и В восточных среднерусских акающих говоров. Сгущения ареалов наблюдаются по р. Дону и его притокам, по рр. Осколу и Хопру. Значение 'место под домом' подтверждено материалом из д. Деулино (ДС). Это значение ('место под домом и хозяйственными постройками') характерно для многих говоров, особенно в долине р. Хопра. Чаще слово приводится в значении 'весь участок', в единичных ЧДС оно приведено в значении 'место под посадками' (с. Алешино Сасов. Ряз. обл., с. Октябрь-Калмыкское Поворин. Ворон. обл.).

У Даля значение 'место под дом, двор, под избу с двором, усад, усадьба' приведено у слова ***помѣстье*** с пометой "сар.". Без локальной пометы приводится слово ***помѣсток*** – 'участок земли, принадлежащий лично однодворцу или крестьянину'. В материалах ДАРЯ такое образо-

вание не встретилось. С пометой стар. слово *помѣстье* приведено у Даля в значении 'населенные поземельные участки, жалуемые государями в пожизненное владенье, а иногда, в виде пенсии и наследникам' (Даль, III).

В КСРНГ слово *поместье* находим в значениях:

'место, занимаемое в индивидуальном хозяйстве садом, огородом, постройками' (II – 1411, д. Богданово Молоков. Калин., 1938; II, 1238, Орл. Котков, 1940–1950; 474, Петино Гремяч. Ворон., Собинникова, 1954; I, 213, Куйб., Малаховский, 1939–55; II, 1186, Роман. Рост., Рожкова, 1954; II, 1165, Прииссыккул. Киргиз., Литвиненко, 1970; II, 1015, Параб. Том., Сенкевич, 1948–49; II, 1321, Соликам., Перм., Беляева, 1973; II, 1044, Сиб., Королев, 1968);

'место, на котором находятся дом и хозяйственные постройки' (II, 1427, д. Щеглы Кикнур. Киров., 1940; II, 1150, Ряз. Мещера, Ванюшечкин, 1960; II, 230, х. Лебедь-Сергеевский Россошан. Воронеж., И.А. Попов, 1961; II, 989, с. Никольское, Демьяс., д. Росляевка Дергач. Сарат., Лебедева, 1948; I, 103, Натальино Дергач. Сарат., А.В. Богданова, 1948; II, 1186, Роман. Рост., Рожкова, 1954; II, 1099; д. Чикан Жигалов. Иркут., 1969; II, 925, Южн. р. Краснояр., 1967; I, 783, Басс. Ср. течения р. Оби, 1964; Маковское Енисейск. Кр. край 1951; I, 625, Том., Кемер., Молчанова, 1959);

'место под жилой постройкой' (II, 1013, Ряз., Руделев 1955–58; II, 1238, Орл., Котков, 1940–1950; I, 984, Деулино Ряз. 1960–1963; II, 963, Федор. Саран., Глотова, 1949–1951; "*поместье* – участок земли, на котором строят только дома; *усадьба* – земельный участок для постройки и дома и дворовых построек"; II, 923, Курск., Хильманович, 1967);

'участок, предназначенный под застройку' (II, 1001, Нащокино, Навл. Брян. 1952–54; I, 1288, Сигнах, ТССР, 1977) или 'место, где раньше были постройки' (В.В. Палагина, ТГУ, 1946; I, 1245, Сап. Сиб., Воробьева, 1973); 'собственная земля' (II Доп., Влад. Покров., Юрьев., Влад. губ., 1910 г., В.И. Чернышев; II, 949, р. Карай, Балаш., Адливанкин, 1954).

Кроме того, слово *поместье* имеет значение: 'усадьба = дом с постройками и огородом' (II, 924, с. Андреевка, Белог. Амур.; II, 1072, Ср. Прииртышье, Пыхтеева, 1967; II, 982, Иссык-Кульск., Коротенко, 1947–48; II, 68, Воронов Лог Брасов. Брян., Бургутина, 1961) или 'дом с хозяйственными постройками' (I, 274, д. Панкратово Шольск. Волог., В. Агранов, 1959; II, 1483, Волгогр., Орлов, 1969; II, 713, Свердл. Пашковский, 1965; II, 1050, Омск., Пахотина, 1968; I, 1294, Новосиб. 1979; II, 1099, с. Бабагай Заларин. р-на Иркут. обл., Соколов; Маховское Енисейск. Кр. край, Сенкевич, 1951). *Поместье* – усадьба. Лигистрируем усадьбу, а покупаем *поместье* с домом (I, 85, Донск., Миртов, 1929). См. также II, 1424, Малеча, Ср. и Нижн. теч. р. Урал, 1976: *поместье* в значениях: 1) Имение помещика, 2) Усадьба, 3) Помещение, 4) Поселок.

В словарях современного русского языка для слова *поместье* даны такие два значения: 1) Личное (в отличие от вотчины) земельное владение в феодальной России, жалуемое государем за службу. *Поместьем* в Московской Руси назывался участок казенной или церковной земли, данный государем или церковным учреждением в личное владение служилому человеку под условием службы (ссылка на Ключевского); 2) Земельное владение помещика, имение (с примерами из Пушкина, Нарежного, Плещеева).

В исторических источниках XVI–XVII вв. частота употребления слова *поместье* определяется жанром памятника. Оно постоянно используется в документах, связанных с обеспечением служилых людей всех чинов средствами существования, которые представляли участки земель со всеми входящими в них угодьями: Да будетъ въ сыску скажутъ, что (то ди)кое поле и усадище и рыбная ловля (и лѣсъ) хоромной и дровяной и сѣнныя покосы вътѣхъ уро(чи)щехъ есть и лежитъ порозжо, въ *помѣстье* и въ вотчину и на оброкъ напередъ сего никому не отдано и къ Нашимъ Дворцовымъ селамъ и къ Чернымъ волостямъ и къ Ямскимъ слободамъ и къ монастырскимъ и къ церковным (и къ и)нымъ ни хъ какимъ землямъ не приписано... и на томъ дикомъ поли велѣно переписать присады и урочища (КДРС, Ворон. А., 1640, 20–21).

В XVI–XVII вв. слово *помѣстье* четко соотносится с глаголами *помѣстить, испомѣстить*: А которые дѣти боярскіе служатъ во дворѣ у патріарха: и за тѣми патріарши дѣтьми боярскими государевымъ *помѣстнымъ землямъ* не быть, а *помѣстить* ихъ патриарху домовыми землями (КДРС, Ул. Ал., 108) ... и будетъ которые дѣти боярскіе путивльцы и Рыляне съ большихъ и середнихъ статей по окладомъ *испомѣщены* сполна, и тѣмъ приговорили давати государево денежное жалованье въ четвертый годъ ... а будетъ которые дѣти боярскіе *неиспомѣщены* и тѣмъ приговорили денежное жалованье ежъгодъ (КДРС, АМГ I, 1576); И всего въ Манатьинѣ стану *испомѣщено* 8 челов., за ними село живуще, а въ селѣ дв. помѣщиковъ да 2 дв. крестьянскихъ... (КДРС, Кн. п. Моск. I, 1573 г.); И *испомѣстити* ихъ велѣлъ государь ис порозжихъ *помѣстей* (КДРС, ДТ, т. XXXVIII 4, стр. 27, РИБ) и т.п.

Но по происхождению слово *помѣстье* связано не с глаголом, а с существительным *мѣсто*. "ОС *-ьj-* в древнерусский и старорусский периоды продуктивен лишь в деривации собирательных имен ср. рода... и префиксально-суффиксальных существительных с пространственным значением типа *поморие*" [Азарх 1984, 20].

Слово могло употребляться в составе атрибутивного словосочетания: *Мѣновое помѣстье* (КДРС, Ряз. II, 510); ...пожаловали есмя постельничево нашево ⟨имя рек⟩ на Угличѣ вдовинымъ Афимьинымъ Ивановы жены Милюкова *прожиточнымъ помѣстьемъ* сельцомъ Курьяновымъ (КДРС, АЮ, 1609, с. 304).

Поместья характеризовались в документах по разным признакам,

прежде всего, по количеству пашенных и сенокосных земель: за Селяниномъ за Жуковымъ ⟨въ *поместьи* д. Ром⟩ дер. Скоморохово; во дв. самъ Селянинъ; пашни въ полѣ 15 четьи, сѣна 15 коп (КДРС, ПКМГ II, Тв. у., 1540 г., с. 130) или единиц обложения: ...за оТцемъ его за Чмутомъ было ншего жалованя старого *помѣстья* дваТцаТ обежь... (КДРС, Новгор. Грам. Грозн. Оп Грек., № 23, л. 5, 1555–56); А на Устюжне на посаде и царевича Араслана Алѣевича *помѣстья* изъ уѣзду всего было въ прошлыхъ годѣхъ 3 сохи... (КДРС, ПМСК, 201); Да за Нелюбомъ же *помѣстья* въ Медыни 118 четв. да въ Мещеску 20 четв. да на Костромѣ 396 четв. И всего за нимъ *помѣстья* въ Угородѣхъ 603 четв. (КДРС, ПКМГ II, Вяз. у. 1595 г., с. 820).

В текстах выявлялся социально-экономический признак наличия или отсутствия тягловых крестьян; в последнем случае *поместье* имело в своем составе пустоши: И всего Васильева *помѣстья* пустошь да 2 трети дер. пусты (КДРС, Кн. п. Моск. I, 1573); старое их *помѣстья* – жеребей пустоши (КДРС, Р. Пр. 6).

Если имелись тягловые крестьяне, то в документах могло быть подробное перечисление того, сколько дворов было в *поместье*: ...*помѣстья* за княжъ Ивановою Татева княгинею Домною съ дѣтми, за княземъ Дмитриемъ за княжъ Ивановымъ сыномъ Хилкова да за Матвѣемъ за Степановымъ сыномъ Бореснева: село Левково, а въ немъ церковь ⟨имя⟩, дв. княгининъ, дв. княжъ Дмитреевъ, дв. Матвѣевъ, во дв. попъ, а крестьянъ 7 дв., пашни в полѣ 113 четьи, сѣна 400 коп... (ПКМГ, II, Тв. у., с. 56).

В некоторых случаях просто имелись указания общего характера: ...а къ Пречистой ... даю *Игнатьево помѣстье* Глазатого да *Пронино помѣстье* Плотниково, и со всѣмъ тѣмъ, что къ тѣмъ деревнямъ потягло истарины (КДРС, СГГД I, 1523, дух. Фед. Бор., с. 419).

Поместьями как личной земельной собственностью (в отличие от вотчин) их владельцы могли в XVI–XVII вв. в какой-то мере распоряжаться, например, меняться: А меняемъ я Иван с нимъ Логином земли своих *помѣстей* зъ пусто на пусто (КДРС, А.С.Л. Меновная 1679 г. 20/XII) или передавать на определенных условиях: Дано Ивану Матвѣеву сыну Бухвалову *поступное помѣсье* тещи ево... что она поступилась за то, что ему ее поить и кормить по смерть ее и тѣмъ *помѣстьемъ* владѣть ей по смерть свою... (КДРС, Ук. 1722 г. Тр. Я.А.К., V, 149).

Но непременным условием получения *поместья* была служба: А буде, забыв господа бога и православную христианскую веру и наше великого государя крестное целованье, против того врага божия и отступника от веры православной и губителя невинных православных христиан, на нашу великого государя службу тотчас не поедут и учнут жить в домех своих, и по нашему великого государя указу *поместья* их и вотчины укажем мы, великий государь, имать бесповоротно и отдавать челобитчикам, которые будут на службе (КДРС, Ст. Раз. 1670

авг. № 2 л. 19); ...да у нихъ же велѣно отписывати на государя *помѣстья* половину, а которые, бывъ на службѣ сбѣгли, и у тѣхъ велѣно ихъ *помѣстей* отписати на государя треть, а ихъ потомужъ за крѣпкими поруками съ записми высылати на государеву службу подъ Великій Новгородъ (КДРС, ДАИ. II, 1613 г.).

Подобных текстов много и в первой четверти XVIII в., когда шли преобразования в царствование Петра I – много поместий и вотчин конфисковывалось. Документы фиксируют очень детально, в чем состояла собственность, именуемая *поместьем* (так же, как и вотчиной. См. [Сивков 1951]).

Конфискованные имения передавались другим владельцам: ...Писали мы къ вам, дабы въ раздѣлѣ *помѣстей* и вотчинъ послѣ князь Михайла Яковлевича Черкаскаго рѣшеніе учинить по правамъ... (КДРС, Пис. Птр., 1712 г.). *Поместья* продолжали оставаться видом жалованья за службу: ...генераламъ и офицерамъ русскимъ, за которыми есть крестьянскіе дворы, въ полы окладовъ ихъ, а офицерамъ иноземцамъ, за которыми *помѣстій* нѣтъ, тѣмъ оклады ихъ сполна... (КДРС, Докл. в Сенате I, 1711 г.); ...и за скорою высылкою на службу того *помѣстья* справить было ему вскорости невозможно (КДРС, Док. в Сенате II, 2, 1712 г.).

Вместе с тем уже с самого начала XVIII в. слово стало употребляться не только в деловых текстах. Оно встречается в переводных и оригинальных произведениях в значениях 'пожалованная земельная собственность', 'земля': 2. Кохакхїо, государственное *помѣстіе*, лежитъ въ болотномъ мѣстѣ против адрїатского моря (СК–XVIII, Геогр. 1719, с. 148); Оное есть папежское *помѣстїе*, и въ 1545 мъ году отъ папы Павла 3 го отдано дому фарнескому въ *помѣстїе*, изъ которого нынѣшнеи герцогъ урожденнои (там же, с. 137); Все сїе герцогство отдано было отъ папы герцогу моденскому въ *помѣстїе*, но въ 1598 мъ году способно было папѣ наитить претекстъ: и оное герцогство паки къ себѣ подъ вѣдѣнїе привлѣчи (там же, с. 148); ...или налагаемыми податьми на души, *помѣстья*, домы, скотъ и пр., также и пошлинами на всѣ необходимыя вещи подданныхъ обременяютъ чрезвычайно;... (СК–XVIII, Крестенс, Наставл. и правила врачебные, 1769, с. 2). Между употребленіями, врѣдящими много земледѣлію можно замѣтитъ въ нѣкоторыхъ странахъ весьма умноженное раздѣленіе полей, такъ что есть иные *помѣстьи*, гдѣ всѣ земли разрѣзаны на тысячу полосъ, одна отъ другія отдѣленныхъ и кои даже по часту бываютъ очень отдаленны отъ средины... (СК–XVIII, Муратори, Рассужд. о благоденствии, 1780, I, с. 257).

Семантический признак 'собственность, не оставляемая в наследство' в некоторых текстах прямо выражен: ...я говорю о *помѣстьяхъ* данныхъ въ удѣлъ (у), или на сохраненіе порученныхъ(е), могущихъ скоро перейти въ другія руки, о церковныхъ земляхъ, отдаваемыхъ подъ опеку или подъ вѣдомство(ж), о *помѣстьяхъ* старшихъ Священниковъ и духовныхъ учителей (3), о простыхъ священнослужитель-

скихъ *помѣстьяхъ*(и), и о другихъ недвижимыхъ имѣніяхъ, коихъ не можно отдавать по завѣщанію и которыми потомки или сродники титулярного оныхъ Помѣщика, который владѣтелемъ ихъ былъ только на время, не могутъ пользоваться по его смерти (СК–XVIII, Муратори, Рассужд. о благоденствии, 1780, I, с. 258) или подразумевается: ...И такъ начнемъ вопервыхъ доказывать пользу законознанія собственную дворянамъ и вотчинникамъ ...Предметъ, зовущий ихъ къ законознанію, составляютъ принадлежащія имъ во градѣхъ, селахъ и деревняхъ *помѣстья*, волости, вотчины и именія, родовыя, выслуженныя, жалованныя, приданыя и купленныя; сіи они часто принуждены бываютъ покупать, продавать, закладывать и отчуждать по закону и по завѣщанію...,(СК–XVIII, Десницк., Юридич. рассужд., 1778, с. 16).

В других текстах выступает семантический признак 'земельные угодья, земля': Таковымъ образомъ въ *помѣстьѣ*, имеющемъ напримѣръ земли 400 десятинъ, сто десятинъ должно состоять въ лугахъ сѣнокосных и скотопасбенныхъ, а остальные раздѣлить на три части, чтобъ всякую часть можно было унавозить ежегодно (СК–XVIII, Слов. натур. ист., 1788, ч. I, с. 165); Сколько я тогда радовалась! Уморить ли тебя? – Въ тысячу раз больше, какъ радовался батюшка мой, получая въ году тысячу четвертей хлѣба съ своего *помѣстья* (СК–XVIII, Трутень, 1770, с. 44).

В третьих – 'имение, недвижимая собственность': Судья, огорчась сею несправедливостїю, отъѣзжаетъ во свое *помѣстье* ко утѣсненїю бѣдныхъ своихъ сосѣдей (СК–XVIII, Трутень, 1769, 143); Подъ именемъ Силвана означенъ старинный скупой дворянинъ, который объ одномъ своемъ *помѣстьѣ* радѣетъ, охуждая то, что къ распространенію его доходовъ не служитъ (СК–XVIII, Кант., Сатира – Примъ. с. 26, Ефр.).

Последний признак становится как бы преобладающим в обычном употреблении слова *поместье*: – Исполните жъ теперь, Судьи, отцову волю. Ему имѣнїя десяту дайте долю, А прочее добро, *Помѣстье*, злато и сребро Отдайте дочерѣ нещастной... (СК–XVIII, Майк. Нравоучит. басни, ч. I, 1766, с. 25). Я нашла его крѣпость, и вступя во владѣнїе сего *помѣстья* думала спокойно провести остатокъ своей жизни (СК–XVIII, Крыл. Почта духов, 1789, ч. II, с. 123); Я, говорилъ онъ, своими знанїями прїобрѣлъ нѣсколькихъ друзей, которые живутъ въ разныхъ частяхъ свѣта близь моихъ владѣнїй; а какъ *помѣстья* мои отъ сюда очень неблизки; то я утѣшаюсь тѣмъ, что получаю отъ нихъ письма... (там же, ч. I, с. 14) ...Вамъ домъ извѣстенъ мой, порода и *помѣстья* (СК–XVIII, Капн., Ябеда, 1798, с. 17) и т.п.

Словари и лексиконы XVIII в. (Вейсм. Лекс. 1731, Лекс. Целлария 1746, Сл. на шести яз. 1763) содержат не вполне ясные данные о значении слова *поместье*. В некоторых словарях имеются известные уточнения: мызникъ, кормщикъ, арендаторъ, помѣщикъ невольныхъ крестьянскихъ *помѣстьевъ*, несобственно онымъ владѣющій, но чрезъ каждые девять лѣтъ владѣніе свое возобновляющій (СК–XVIII, Сло-

варь Ад. II, 44); fond hommaje; Lebengut. Prac dium clentelare. Жалованная деревня, *помѣстье* (СК–XVIII, Лекс. Волчк. 1764, ч. II, с. 103).

В Словаре Академии Российской слово *поместье* приведено с пометой "старин." в значении "Владение, состоящее в земле со всеми угодьями, как то лесом, лугами, полями, озерами и проч., за службу государю и отечеству по смерть только даванное", проиллюстрировано примером из Уложения: Велѣти имъ на тѣ свои *помѣстья* имати государевы грамоты (СК–XVIII, САР, IV, с. 419).

В такой формулировке отразились те социальные изменения в положении дворянства, которые узаконены в царствование Екатерины II: По прежнимъ Россійскимъ узаконеніямъ въ Имперіи Нашей почитаемы были два рода недвижимых имѣній подъ именемъ *помѣстья* и вотчинъ (СК–XVIII, ПСЗ, XXI, 906, № 15719, 1783 г.); Благородный имѣетъ право по прозваніи своемъ писаться как помѣщикомъ его *помѣстій*, так и вотчинникомъ родовыхъ, наслѣдственныхъ и жалованныхъ его вотчинъ (там же, XXII, № 16187, с. 348. Гр. двор. 1785 г.).

Уничтожение различий между поместьем и вотчиной отразились на употреблении слова *помѣстье*, которое с одной стороны, как бы переводилось в разряд архаизмов (ср. помету в САР, а также такой, например, текст: Въ древнїя времена Россїйское дворянство служило съ своихъ земель, которыя имъ въ *помѣстье* давались и назывались окладами – СК– XVIII, М. Щербатов, О старинных степенях чинов в России. М., 1784, с. 3).

С другой стороны, стали возможны такие, например, употребления слова *поместье*: Баварскїе Графы, которымъ сїе *помѣстье* досталось въ наслѣдство, построили часовню на томъ мѣстѣ, гдѣ совершилось убїйство... (СК–XVIII, Мерсье. Историч. анекдот (с франц.) Моск. журн. 1792, ч. VIII, с. 76); Отецъ его былъ тамъ Совѣтникомъ Комиссїи, но послѣ нанялъ себѣ *помѣстье*, называемое Фридебургъ... (СК–XVIII, Жизнь Клопштока. Моск. журн. 1792, ч. VI, с. 74).

В конце XVIII в. у слова *поместье* были возможны переносные значения: 'богатство' – Ремесленникъ, который обучилъ дѣтей своихъ своему искусству, и то далъ имъ въ наслѣдїе; оставилъ имъ такое *помѣстье*, которое размножается по количеству числа ихъ (СК–XVIII, Наказ Ек. II, Спб. 1770); 'достоинство' – Что вотчин нет у нас, какое то бесчестье? Доброта лучшее во всех землях *поместье* (СК–XVIII, Петров – Г.И. Силову, 1772; Поэты XVIII в. т. I, с. 349).

Социальные причины, которые изменили употребительность слова *поместье* в литературных произведениях разных жанров, хорошо отражены в некоторых текстах А.Н. Радищева: Но ныне, когда нет *поместей*, когда различие между вотчины и *поместья* уничтожено, когда службы военной не отправляют по мере имения, когда право первородства уничтожено, то какая может быть причина политическая, чтобы требовала существования сего в имениях различия и чтобы имения сохранялися всегда в одном роде (СК–XVIII, Радищ. Проект гражд. уложения. ПСС, т. III, 1959); Вотъ описаніе моего владѣнія,

помѣстья, вотчины, деревни или назови какъ хочешь (СК–XVIII, Радищ. Опис. влад., СС ч. IV, 1811, с. 97).

У нас нет данных для того, чтобы проследить всю последовательность изменений судьбы этого слова в русском языке во всех его разновидностях, но по словарям литературного языка можно установить, что слово *поместье* стало более употребительным после жалованной грамоты дворянству 1785 г. (ПСЗ, XXII, № 16187), чем слово *вотчина*, именно применительно к земельным владениям помещиков. Это отражено уже в Словаре языка А.С. Пушкина, в котором на слово *поместье* приведен большой материал из самых различных произведений, тогда как на слово *вотчина/отчина* большинство примеров приведено из "Истории села Горюхина", а словоупотреблений отмечено значительно меньше. При этом совершенно очевидно, что Пушкин употреблял слово *вотчина/отчина* именно тогда, когда речь шла о родовом, наследственном землевладении: ...еще говорят: Он богат, чорт ли ему в деньгах. Положим, так, но я богат через мою торговлю стишистую, а не *прадедовскими вотчинами*, находящимися в руках Сергея Львовича (Сл. Пушк. I, 373). Слово *поместье* могло относиться к любому землевладению в сочинениях Пушкина, не связанных с прошлыми веками. Но в "Борисе Годунове" слово это употреблено в его старом значении: Курбский: Мой отец В Волыни провел остаток жизни, В *поместиях*, дарованных ему Баторием. Таким образом, слово *поместье* в одном значении стало историзмом, тогда как в силу изменения исторических условий оно стало употребительным в другом значении 'земельная собственность помещика', в котором уже не было семы 'пожалованное за службу'.

Почти во всех словарях русского литературного языка приводятся оба эти значения, первое – с пометой "историч." или с отнесением в прошедшие века. Но в САР слово приведено лишь в первом значении (см. выше), а в Словаре Ожегова – лишь во втором.

Диалектные значения слова 'место, на котором находится дом с хозяйственными постройками (огород, сад)' можно объяснить, обратившись к особенностям формирования населения тех областей, где оно дает ареалы: здесь был значителен процент однодворцев, в прошлом служилых людей. Видимо, с этим связано распространение слова *поместье*, когда-то составлявшего принадлежность официального языка, важную в своем качестве обозначения самого источника существования этих людей.

Место

Данное слово и атрибутивные сочетания с ним известны кое-где, преимущественно на севере и востоке картографированной территории.

Слово *место* отмечено по материалам ДАРЯ чаще в значении 'место под домом (и хозяйственными постройками)', несколько реже оно приводится как название всего участка.

Терминологичность слова *место* в значении 'земельный участок отдельного хозяйства' подтверждается данными СРНГ и других словарей (Южн.-Урал., 1968, Ср. Урал., Свердл.). Для д. Деулино, в говоре которой также отмечено слово *место* в значении 'участок, занимаемый домом и огородом' (ДС), можно составить парадигму ЛСГ 'место, на котором находятся дом с хозяйственными постройками, огород, сад', состоящую из 3-х членов

I. 'Весь участок'
место

II. 'Участок, под постройками'	III. 'Участок под огородом'
поместье	*усадьба*

В СРНГ, кроме значения 'земельный участок отдельного хозяйства', для слова *место* приведены значения 'земельный участок, отводимый для постройки дома' (Вельск., Тотем. Волог., Шенк. Арх., 1913) и 'огород' (Дон., 1929). С этим последним соотносится значение 'место под огородом', отмеченное по материалам ДАРЯ у атрибутивного сочетания *усадебное место* примерно там же (с. Полоцкое Красав. Сарат. обл.) и у словосочетания *селитьбенное место* (с. Березники Дальне-Константинов. Горьк. обл.).

Атрибутивные сочетания отмечены по материалам ДАРЯ почти в половине случаев. В них зафиксированы прилагательные прозрачной внутренней формы, в которой выделяются разные группы мотивировочных признаков. Чаще других отмечены прилагательные, образованные от слов *усадьба* и *селитьба*: *усадебное место* (д. Холм Волхов. Лен. обл., в говорах юго-востока – во всех ЧДС, где отмечено *место*); *усадьбенное* (с. М. Мурашкино Б. Мурашкин. Горьк. обл., с. Паны Наровчат. Пенз. обл.) *приусадебное* (д. Пустошь Подпорож. Лен. обл.). Прилагательное *селитьбенное* встретилось в говорах к востоку от Москвы (см. выше). В ряде случаев мотивировочным признаком прилагательного является признак построек, находящихся на участке: *поддомовое* (д. Быково Вилегод. Арх. обл., д. Аксеновская того же района), *домовое* (д. Матенжа Вытегор. Волог. обл.), *поддворовое* (д. Стафоровская 2-я Вилегод. Арх. обл.), *ободворинное* (д. Племянниково Тутаев. Яросл. обл.). Наконец, встречаются прилагательные, указывающие на выделенность участка согласно правительственным установлениям: *плановое* (д. Машезеро и Ладва Нижняя Прионеж. Карельск. АССР, д. Дундуково Вытегор. Волог. обл.), *казенное* (с. Борисовское Кесовогор. Калин. обл.). В СРДГ слово *место* в одних станицах означает 'весь участок' и употребляется наряду со словами *усадьба* и *подворье*, в других приведено в словосочетаниях типа *дворовое место, базовое место* и т.п. В СРНГ приводится словосочетание *подворное место* (Том., 1967) – в значении 'усадьба', т.е. 'земельный участок отдельного хозяйства'. Это значение по материалам ДАРЯ возможно у разных атрибутивных сочетаний, хотя у некоторых отмечено только

значение 'место под домом и хозяйственными постройками' (*домовое, поддворовое, ободворинное, казенное*).

В Словаре русского языка XI–XVII вв. многозначное слово *место* представлено во многих атрибутивных сочетаниях, большинство которых является свободными, связанными только с ситуацией. Г.Е. Кочин приводит терминологические сочетания *дворовое место, домовное место* [Кочин, 1937].

Терминами являлись и словосочетания *белое место* 'земельный участок, двор, владельцы которого освобождены от государственных тягловых повинностей' и *черное место* – 'земельный участок, двор, владельцы которого облагаются государственными тягловыми повинностями' [там же].

Многозначность слова *место* в одних говорах, отвлеченное основное значение в других [Ивашко 1963] способствовали, вероятно, тому, что в рассматриваемом значении ни слово-термин, ни атрибутивные сочетания не получили распространения на сколько-нибудь обширных ареалах. Широкий объем понятия и бедность его содержания привели к развитию многозначности существительного на севере. Характерно, что в западной зоне ни слово *место*, ни атрибутивные сочетания в рассматриваемом значении не отмечены. Эта зона примыкает непосредственно к той территории, на которой *место* означает 'посад, селенье в виде городка, города' (Даль II).

Слова с корнем *-печ-*

В говорах картографированной территории в рассматриваемых значениях выявлены два слова этого корня – *печина* и *печище*.

Печина

Это слово, образующее значительный ареал в западной подгруппе среднерусских акающих говоров к востоку от р. Великой в ее верхнем течении и к северо-западу от верховий Западной Двины, почти всегда имеет здесь значение 'весь участок'. В отдельных нас.пп. оно имеет значение 'место под домом и хозяйственными постройками' (д. Заверняйка и с. Глубокое Опочец., д. Ермолово Пустошкин., д. Фетинино Новосокольнич., д. Дощапово Холм., д. Козловка Торопец. Великолук. обл., д. Черноярово Новоржев. Псков. обл.).

В другом небольшом ареале южнее г. Углича по правому берегу р. Волги в районе г. Калязина слово *печина* имеет почти во всех случаях значение 'место под домом и хозяйственными постройками' в парадигмах, в которых в общем значении может выступать слово *усадьба* (д. Горушки Углич. и д. Судилово Ильин. Яросл. обл.), а в значении 'место под посадками и примыкающий луг' – слова с корнем *-гум(е)н-* (дд. Пахомово, Каданово и Брыкино Калязин. Калин. обл.).

В КСРНГ слово *печина* отмечено как в значении 'весь участок' (II, 1379, д. Васьково Луковников. Калин.; II, 1397, д. Глинка, Черковище Великолук. Калин.; II, 1341, д. Зачистье Великолук., Великолук., 1940-е гг., к/х им. Буденного Опоч. Калин., 1940-е), так и в значении 'место под домом и хоз. постройками' (II, 33, д. Кириллово Пушкиногор. Пск., Царева, 1952; II, 1379, д. Васьково Луковников. Калин., 1939; II, 959, Виноградова, дд. Роменово, Корбужье, Острилово, Кимр. Калин., 1945–52; II, 1335, дд. Аристово, Гривы, Рожново, Опоч. Калин., 1940-е; I, 789, Яросл., Мельниченко, 1961 и др.) – в соответствии с тем, как расположены ареалы на карте.

Кроме рассматриваемых значений в словарях зафиксированы значения: 'покрывающий печь внутри и снаружи слой глины' Онеж. (Арх. обл. слов. Подв.), (КСРНГ, II, 1524, д. Михалево Нейск. р-н Костром.); 'перегорелая печная глина, идет на снадобья, лекарства, заговоры и пр.'; (КСРНГ, I, 141, Арх. Кузмищев; I, 70, Бурнашев, 1843; II, 1134, Вохом. Костром., В.М. Панфилов, 1973; I, 508, Н.В. Гоголь, 1891; II, 1193, Беломор. Федоров, 1952); также у Даля – 'ссохшаяся глина в швах печки' (КСРНГ, I, 144, Волог., Муромцев, 1852; II, 95, Вралово Кадн. Волог., Попов, 1854); 'пространство на крестьянской печи' (II, 1494, Ср. и Нижн. теч. р. Урал, Малеча, 1976); 'лежанка, пристроенная к русской печи' (II, 1161, Южн. р-ны Горьк., Климкова, 1969); 'кирпич в кладке печи' (I, 54, Олон., Куликовск. 1185–1898; II, 1782, Курган, Тимофеев, 1971); 'обломки, крошки печной глины' (II, 1193, Беломор., Федоров, 1952; II, 1752, Илим, Иркут., Косыгин, 1967, I, 46, Вятск. Васнецов, 1907; I, 147, Арх. Кузмищев) и некоторые близкие значения; / 'глина, земля, испекшаяся в комья, в осыпи угольных куч' / 'глина для битых печей, чистая' / – у Даля без локальных помет; у него же с пометами; Прм. 'печная зола' / Влд. 'печное, печиво, печенье, все жареное или печеное, яства'; / Волжск. 'уступ, припечек на дне реки, вдоль берега'; / Ярс. влд. 'выцветшее место, пятно в поле, где трава рознится, напр. под остожьем, под бывшим стойлом, калдой и пр.; или 'пожелклое, выгоревшее от зноя место, круг, бывающий в степях от неизвестных причин'; Волж. 'сланцевое, жесткое дно в реках, где и якорь не забирает'. Последнее подтверждение С.П. Неустроевым: "*печина* – довольно твердый грунт в виде черной глины, трудно поддающийся размыву даже от сильного течения. Сланцевое дно настолько жестко, что якорь не забирает" (Мурзаев 1984, 436). В КСРНГ эта группа значений также подтверждается (I, 84, Водный словарь, Маштаков, 1931; II, 91, Влад., Бодров, 1853; I, 1051, Клыков, 1968 и др.). В значении 'перегорелая печная глина' слово неоднократно встречалось в фольклоре (ВНП).

В том же значении, видимо, слово употреблялось в памятниках: *печину* смочи (КДРС, Сим. Обих. книгоп., XV в.); ,.. ясти глину или *печину* (КДРС, Травн. Любч. 1534 г.); ... положа въ оное побольше соли, отпрыскавъ дерева называемаго птичій зобъ (*) *печины*, то есть: глины изъ старой хлѣбной печи, и прочихъ составовъ къ соленымъ прикормамъ употребляемыхъ (СК–XVIII, В. Левш. Соверш. егерь,

1779, с. 382). В САР приведено только это значение: *печина, ны.* е. ж. Глина перегорелая, которою печь была вымазана. В другом словаре того же времени приводится другое значение: *печина,* безплодныя мѣста на пашняхъ, гдѣ ни что не родится (СК–XVIII, Ад. 1798, I, 314).

Установлено, что общеименной суф. *-ин-* существовал в исходной системе древнерусского языка [Азарх 1984, 15]. Что касается семантики существительных с этим суффиксом, то сочетание значений отвлеченного качества и пространственного, характерное для отадъективных имен [там же. 199–200], видимо, присутствует в последнем из определений. Рассматриваемые нами значения участка под домом, хозяйственными постройками, огородом, садом или частей этого участка, несомненно, также имеют своим источником такое сочетание семантических признаков. Не случайно слово *печина* чаще означает участок под домом: пространство под домом было соотносимо с основанием печи, с печной глиной, особенно, если дом строился на старом месте.

Однако в этом последнем случае более обычными в качестве названий участка земли должны быть образованием с суф. *-ищ-*.

Печище

Отмечено в небольшом ареале к северо-западу от г. Великого Устюга, преобладает в значении 'место под домом и хозяйственными постройками' в двучленных парадигмах, в которых в значении 'место под посадками' отмечены слова *огородец* (д.д. Абрамовская и Илаповская Велико-Устюг. Волог. обл.) и *усадьба* (д. Тарасовка Черевков. Арх. обл.). Единично отмечено по КСРНГ в значенип 'весь участок' (II, 1338, д. Глинки и Черковище Калин., 1940-е гг.) там, где находится ареал слова *печина*. Видимо, более общий смысл передан значением 'отдельный участок земли' (КСРНГ, II, 380, Арх. Пинеж., Григорьев; I, 1126, Холмогор., Арх., Пирогова, 1952, 1956).

В словарях приводятся некоторые другие значения: 1) 'Отделенная от других населенных местностей деревня или поселок'; 2) 'Общее собирательное название расположенных в близком между собою расстоянии деревень, составляющих, по общинному пользованию земельными угодьями, как бы одну нераздельную населенную местность'. Отсюда: *печищанин* – принадлежащий к одному с кем-либо *печищу* (сравнительно то же, что: *односельчанин*). Пин. 3) В ближайших к Архангельску волостях словом *печище* обозначается община, сельское общество (Арх. обл. слов. Подв.); 'земельный участок деревни или нескольких дворов' (КСРНГ, II, 420, Каргоп. вол. Арх. у. Арх. г., С.Н. Томилов, 1929; II, 1193, Беломор. Федоров, 1952); в КСРНГ: 'часть деревни (которая имела особую долю в полях и угодьях)' (II, 1074, д. Орлово Каргоп. р-на Арх. обл. и д. Колодозеро Пудож. р-на, Филин, 1937–1940); 'одна или несколько деревень, имеющих общее

землевладение' (I, 73, Арх. Ефименко, 1878; II, 404, Муллов. Мат. по Шенкур. у.); 'остатки жилого строения' (I, 1097, Киров, Головина, 1966–69; II, 1236. Ниж. Индигирка. Якут., Чикачев, 1972); 'место (остатки) развалившейся печи' (II, 379, Орел, Горожанский, 1885; I, 508, Н.В. Гоголь, 1891; I, 419, Волог., Потанин, 1899; II, 1498, Арх., Медведев; II, III, Чухл. Костром., Прилуцкий; II, 1353, Вашк. Волог.; I, 80, Пошехоно-Володар. Яросл., Копорский, 1929; I, 789, Яросл., Мельниченко, 1961; II, 1161, Южн. р-ны Горьк., Климкова, 1969); 'пепелище, остатки бывшего когда-то поселения' (I, 54, юго-вост. Олонец., Олон., Куликовский); увеличит. к печь: *печище*-то какое, полфатиры занимает (II, 1090, с. Толвуя Медвежьегорск. КАССР, 1970); 'кусочки печной глины, отвалившейся от глинобитной печи' (II, 41, Вожгальск. р-на Киров., Горева, 1950); 'холм' (II, 700, Борович. и смежн. р. Новг. XX в., Поршняков, 1965), а также 'фурункул, чирей' (II, 1152, Вожгал. Киров., Горева, 1952).

У Даля *печище* приводится без локальных помет в значениях: 'остатки развалившейся печи, напр. на пожарище'; 'опечек, приглубая ровная мель'; с пометой "Арх." – 'деревушка, в 3–6 дворов'.

В говорах отмечены также значения: 'нагромождение камней', 'выход камня на дне озера' (в Псков. обл.), 'твердое неровное дно с ямами и выступами' – эти значения представлены в Рыбопромышленном словаре", составленном И.Д. Кузнецовым по материалам, собранным участниками Псковской промысловонаучной экспедиции (Кузнецов 1915 – по Э.М. Мурзаеву). См. также (КСРНГ I, 84, Водный словарь, Маштаков, 1931).

Значения, отмеченные у слова *печище* на архангельском Севере, вызвали большой интерес у историков, исследовавших формы общинного землевладения и землепользования. Их интересовал социальный смысл термина *печище*. По памятникам XVI–XVIII вв. было установлено, что слово *печище* в то время относилось к поселению, состоявшему из нескольких родственных семей-дворов [Ефименко 1882]. Историки спорили о том, представляли ли переселенцы Севера малые семьи, а их селения однодворные населенные пункты [Сергеевич 1903], или переселялись большие семьи, которые вскоре распадались на малые семьи и расселялись в отдельные дворы, образуя село из небольшого числа родственных дворов, владевших общими земельными угодьями (Ефименко, Богословский и др.), или, по мнению более позднего исследователя, колонисты переселялись патронимиями-общностями, состоявшими из отдельных, родственных между собой семей (больших и малых) в эпоху позднего распада родового строя [Косвен 1950].

Для лингвиста интересным представляется тот факт, что *печище* Севера имеет соответствия в белорусском *дворище* и украинском *себры*. Формы землевладения и землепользования в этих случаях почти тождественны, в Белоруссии в некоторых случаях были для них отмечены и название *печище*, и название *себры*.

По данным картотек исторических словарей трудно достоверно определить значения слова *печище*, но прослеживается различие в значениях по тому, какие контексты более характерны для памятников Севера и остальных областей.

Если исходить из внутренней формы слова *печище*, то наиболее древним значением, мотивированным этимоном корня и суффиксом, представляется то, которое Даль следом за Словарем Академии Российской определяет как 'остатки развалившейся печи', а точнее, 'место, где прежде находилась печь'. Такое именно значение имеет это слово в одном документе конца XV в., относящемся к области Ярославля, на который ссылается Г.Е. Кочин [1965, 113], рассматривая вопрос о значении слова пустошь: "В одном особенно внимательно разбиравшемся судном деле эксперты ("знахари") и судья сочли необходимым, найдя следы кокой-то постройки, отметить, что это "*печище*", а не "*дворище*". Свидетели показали, что в этот лес на время сенокоса приезжал архимандрит монастыря и для него был построен временный дом с печью, "*печище*" – это следы печи и дома". Именно это конкретное значение можно установить (или предположить) в ряде памятников, относящихся к самым различным территориям, в том числе и к архангельскому северу: ... Игнатово, господине, пустошь старая роспашь, *печищ* нам не наити, а что, господинъ, Ваня зовет Микулское пустошь одною землею Трястинского, и ты, господине судья, поеди за нами, мы вам укажем, где Трястинская деревня стояла (КДРС, А. феод. землевл. I, XVII в. ~ 1501 г.), ... и въ обыску 10 человѣкъ детей боярскихъ ... сказали по нашему крестному целованью... *печище* деи на той пустоши есть на рекѣ Пьяне отъ Пятова помѣся Урюпина, а того деи не помнятъ усадище чьѣ было (КДРС, Арз. Д.) купчая на дома и дворовое мѣсто Се язъ... Костянтиновъ... продалъ есми... Рыкову на Славковѣ улицы полдвора, ... да на дворѣ въ хоромехъ въ мелникѣ и въ омшаникѣ и на мшаники в клиткѣ и въ мылни въ приперетки и въ *печищѣ* что бывала печь, и въ воротах ... во всем половину (КДРС, Зап. кн. Оп. Грек. № 25, АЮБ, 1612–1613, Новгород. съезж. избы); ... пустошь Шильникова, на ней пашня запущена в сенные покосы, сенных покосов 15 копен, пашенного лесу 15 де., на ней 2 места дворовых да 3 ямы да 2 *печища*; ... (КДРС, Кн. Тул. и Каш. Заводов); А межи тому польцу с верхную сторону от моеи же от Богдановы земли по изгороде прямо на *овиничное* на старое *печищо*, да с *печища* на осину прямо... (КДРС, Грам. Двин. у., 1917; СГКЭ I); 1) ино по тѣмъ нашим зимницам *печища* есть; 2) и тѣ, господине, *печища овинные* (КДРС, Лих. сб. ак., 1529).

Не всегда ясно, идет ли речь о месте, где была именно печь (избы, овина...) или подразумевается пространство, почва которого отличалась от окружающей земли, например, была глинобитной: ... А что на тои земли *печище* и тут было гумно малого усадища Александрова монастыря крестьян (КДРС, А. Свир. м. № 319, 1669).

Значение, которое особенно интересовало историков, слово *печище*,

возможно, имеет в таких контекстах: ... и после-де отдачи на оброкъ Красногорскому монастырю тѣ росчистные угодья онѣ со своими тяглыми деревеньскими жеребьи в *печищахъ* со складниками ровнили и в роздѣльнихъ своихъ // писали, каковы роздѣльные поданы к дѣлу, чтобъ тѣмъ имъ челобитчикомъ к своимъ тяглымъ жеребьямъ тѣ свои росчисти во владѣнье впредь до валовыхъ писцовъ укрѣпить (КДРС, Гр. Дв., 1693 г.); Есть у насъ въ Корбалской волости во *ѣздихинскомъ печищи* половина бѣлщеные доли горніе земли и луговые ... и емлютъ оброкъ со *всего ѣздихинского печища* и всякіе денежные доходы (КДРС, Акт. Х. У.). А потуга платить с того телятника къ *печищу* ко мнѣ Борису на годъ по четыре денги. А в отводе и в очищенье тому телятнику я продавецъ. На то послуси: ... (КДРС, Гр. Важ. 1690); Владѣемъ мы въ Озерской сохѣ Жаравского жеребья Куршилскою веретею орамою землею и кошебнымъ мѣстомъ по купчей и по закладной, а оброку мы тебѣ государю съ того мѣста прежъ сего платили на годъ къ *печищу* Жаравскому по гривне на годъ (КДРС, А. Холм. и Уст., 3 – явка кр-н Лябельской вол., 1631); [1648 г.]. Въ Учетцкой же волости съ *печища* съ пустоши съ Дреставенца съ Гришки Шабалина оброку 10 алтын (КДРС, АЮБ) и т.п.

В ряде случаев можно предполагать (или установить), что слово *печище* употребляется в значении 'участок, на котором находился двор'; ... язъ Матѳей ... продалъ есми... полдеревни на Лодмы ... земли и рыбня ловля, а при ней *печища* (КДРС, АХУ III, 1556 г.) ... и ты б тѣ *печища* по выписке с писцовых кн̃гъ и по стариковы скаске в Александров монастырь отвел по мѣре какъ у вас в сыску написано (КДРС, А. Свир. М. № 71, 1644 г.); Дрв на нове поставлена после письма на Сидоркове *печище* Ортемова, что был при писцех двор пуст (КДРС, Кн. п. Тороп., 1541 г.) ... и которые де крестьяне и бобыли въ ихъ помѣстьехъ и въ вотчинахъ поселилися внове, после разоренья приходили на старые свои *печища* изъ Замосковныхъ городовъ и изъ-за Литовского рубежа ... (КДРС, Писц. д. II, 1630); ... Дрв Курова над рекою над Двиною; во дв. Голашко Осташов, во дв. Гриша приходец да 2 *печища*, пашни в поле 15 чети (КДРС, Кн. п. Торопец., 1540 г.); ... и нынѣ язъ Оксенья съ дѣтьми вышли на государеву сторону, на старое свое *печище*, жити мнѣ на той деревни Горскѣ въ бобылѣхъ ... (КДРС, Дьяк. Акты тяг.); А та у меня дрвня Олутинская и дыренское *печище* не продано ни заложено никому опричено Моисея (КДРС, Кн. Солов. вотч. креп. № 146 I, XVI–XVII 1559).

Как видим, в значении 'участок земли, на котором находилась жилая постройка', слово *печище* было довольно употребительно уже в XVI в., причем тогда оно не было характерно для какой-то определенной территории. В ряде случаев оно употреблялось с определением *старое*, чем подчеркивалась его связь с первичным значением 'место, на котором раньше была печь'. С другой стороны, при отсутствии такого определения в текстах, где речь идет о продаже, слово приобретает уже значение 'участок под застройку'.

Отсутствие этого значения в словаре Подвысоцкого (Арх. Подв.) объясняется, видимо, тем, что оно сохранилось в очень небольшом ареале. Семантическая деривация от конкретного первичного значения 'место, где раньше была печь' ко вторичному связана с расширением первичного значения в чисто пространственном смысле и приобретением во многих случаях смыслового компонента 'место былого обитания'. Приобретение словом отвлеченного значения 'община', 'сельское общество' произошло уже в тех конкретных условиях, где сохранялись определенные социальные отношения, а слово *печище* стало кроме того обозначать населенную местность, где они имели место.

Видимо, и отраженное в КДРС прилагательное *печищный* (*печишный*), отмеченное в памятниках XVI–XVIII вв., связано в основном с этим последним значением: Владѣетъ тотъ ігуменъ Иона з братьею насилствомъ нашего Архангельского монастыря пожнями *печищными* деревни Повалихина въ Устюжескомъ уѣзде въ Быкокурскомъ стану подъ деревнею Якушинымъ по обѣ стороны рѣчки Шарденги со 124-го году, генваря со 12 числа (А. Холм. и Уст. З. Явка властей Уст. арх. м-ря, 1635 г.); А в купчей написано: Иг//нашка Харитоновъ Кобылниковыхъ продалъ Николского Прилуцкого монастыря игумену Діонисію и всей братіи *пожню* деревни Горностаевской *печишную* за рѣкою за Двиною в задахъ за Поповскимъ Митки Семонова Харитоновскихъ осмой жеребей (А. гр. распр. Өед.–Чех. 393/394); ... кто больши оброку въ Государеву казну дастъ, тому на оброкъ и отдать для того, что то новоприсадное мѣсто по справкѣ съ писцы стала Государева оброчная земля, а не *печишная* (Уст. 1626 г.); Архангельского де монастыря в Устюжскомъ и въ Усольскомъ уѣздѣхъ, въ розныхъ станѣхъ и волостяхъ вотчинныя ихъ покупных и закладных деревни, а у тѣхъ де ихъ деревень сѣнные ихъ *печишные покосы* и пахотныя земли и луговыя припаши, и оброчныя мѣста, пожни, островы, и присады, и нарви, и пески, и угодья ... и тѣ де и иныя мѣста водою смываетъ и пескомъ пересыпаетъ Двиною рѣкою и Сухоною (Акт. Уст., 1650); А написанныя по писцовымъ книгамъ за монастыри жъ и за церквами... села, деревни и пожни и *печищныя земли*, такожъ и состоящія на оброкѣ земли ... межевать по тѣмъ же прежнимъ писцовымъ книгамъ (Гр., ук. о крест. 1754).

Слова с корнем *-зем-* (*-зьм-*)

Позьмо / позем

Вариант ***позьмо*** образует значительные ареалы к востоку и к юго-западу от г. Чебоксары и по течению р. Суры – в значении 'весь участок'. К северу от г. Саранска *позьмо* местами означает 'место под посадками' (с. Кистенево Б. Болдин., с. Ильинское Починков. Горьк. обл.), а вокруг Саранска и южнее (к западу и юго-западу от г. Пензы),

где ареалы его более значительны, оно может означать либо 'весь участок', либо 'место под домом и хозяйственными постройками'. Однако и здесь в отдельных случаях у него отмечено значение 'место под посадками' (д. Комаровка Бакур. и с. Полоцкое Красав. Сарат. обл., с. Чуево-Алабушка Увар. Тамбов. обл.).

Ареалы варианта *позьмо* продолжаются к востоку за пределы ДАРЯ; в КСРНГ есть некоторые материалы, свидетельствующие об этом: слово отмечено в значениях 'весь участок' (II, 1018, Духовиц. Сарат., Сиротинина, 1946–47; I, 98, с. Царевщина Балтай. р-на Сарат., Э. Худякова, 1946–47; II, 181, Переволоки, Шигон. Куйб., О.А. Безуглова, 1957–61; I, 255, Чистоп. Каз. губ., Булич, 1896; II, 66, Лунин. Пенз., Пашковский, 1958; II, 1000, Моисеенко, вост. Мар.АССР, 1952; II, 1494, Ср. и Нижн. теч. р. Урал, Малеча, 1976); 'место под домом с надворными постройками' (II, 581, Пенз., Колеганов, 1960; II, 949, р. Карай, Балаш., Адливанкин, 1954; с. Верхозим Петров. Сарат., Колеганов, 1959; I, 305, Чкалов. обл., Н.А. Мещерский, 1946; II, 1494, Ср. и Нижн. теч. р. Урал, Малеча, 1976); 'место под огородом' (I, 213, Куйб., Малаховский, 1939–55; II, 932, Пенза Лунин. Пенз., Саранцева, 1973; II, 1028, Ухмылина, Богатов. Куйбыш., 1946–48; II, 1494, Ср. и Нижн. теч. р. Урал, Малеча, 1976); 'участок земли' (ф. 2 оп. 4, Козмодем. у. Казан. губ.; Пенза, П.В. Зимин, 1924; II, 1081, Вост. Закамье, Чагина, 1947–52; II, 275, Тетюш. у. Казан. губ., Гремяченский, 1854); 'дом со всеми постройками (и землей)' (I, 216, Новобуян. Куйб., Малаховский, 1939; I, 1007, Урал, Малеча, 1955; I, 390, Ряз., Ванюшечкин, 1959; I, 537, Тамб., Сомов, 1920–49); 'вся земля одного хозяйства' (II, 175, Верхозим. Петров, Сарат., Наумов, 1960–61); 'навоз' (I, 537, Тамб., Сомов, 1920–49).

Вариант ***позем,*** отмеченный по материалу ДАРЯ в рассматриваемых значениях в немногих нас. п. п. (с. Б. Чичанары Ядрин. Чуваш. АССР, с. Нижний Шкафт Лунин. Пенз. обл., хут. Большинский Уриц. р-на и хут. Житики Николаев. Волгоград. обл.), во всех этих случаях имеет значение 'весь участок'.

По КСРНГ известны значения: 'весь участок' (II, 1211, Бударин. Сталинг., Долгачев, 1958 – 'поземельное место'; II, 32, Васильсур. у. М-лы Второго Доп. – "поземельное владение"); 'надел', 'земельный участок' (I, 1265, Моск., Иванова, 1969); 'почва', 'грунт земли' (I, 89, Кашин. Твер., Смирнов, 1897; II Доп. Покр. и Яценко, 1905–1921, Владим. Суздл.; II, 1408, д. Струйское Молодотуд. Калинин., 1938); 'чернозем' (II, 1530, д. Колбеки Боксит. р-на Лен., Бархатова, 1970; I, 1204, Калин. слов., 1972); 'огород' (II, 1029, Богатов. Куйбыш., Ухмылина, 1946–48); 'все строения и земельный участок' (I, 54, Олон., Куликовский, 1885–1889); 'пашня' (II, 1407, д. Сухая Орга Молодотуд. Калинин., 1940-е гг.); 'пастбище' (I, 215, Уржум. Вят., Магницкий, 1882). Этот вариант преимущественно в значении 'навоз' образует почти сплошной ареал в северо-западной зоне, причем он всегда сосуществует там со словом *навоз,* а в ряде ЧДС означает 'минеральные

удобрения' (ДАРЯ, КСРНГ). *Позем* отмечено также в значении 'нанос снега' (II, 1494, Ср. и Ниж. теч. р. Урал, Малеча, 1976). В некоторых говорах Северного и Среднего Урала, Сибири и Дальнего Востока *позем* 'сушеная на солнце рыба, подготовленная определенным образом' – видимо, совсем иного происхождения.

Из двух вариантов *позьмо* и *позём* в Словаре Даля приводится лишь последний в несколько иных значениях. С пометой "вост." (к нему даются две формы род. п. – *позьма* и *позёму*, мн. число – *позьмы*) приведено значение 'пахотная, годная на пашню земля, поля, нивы, пашни, обработанное, не дикое поле'. Второе значение – 'навоз, удобрение'; в этом случае для род. п. приведены формы *позьма* и *позьму*, локальной пометы не дано. Также без пометы Даль приводит значение 'кортомная, оброчная плата за землю под бортями и ульями и вообще за землю'. В этом значении приводится *позём* и *пáзем*. Даль приводит еще слово *позёмок* (без локальных помет) в значении 'тягловый участок земли, пай, надел'.

В исторических источниках широко представлен вариант *позем*. Обычен род. п. *позему*, предл. п. *на ... поземе*, тв. п. *с поземом*. В предл. п. в двух случаях слово отмечено без корневого гласного (*на ... позьме, на ... позьму*). Оба раза эти формы употреблены от существительного в значении 'участок земли (какой?), причем восстановить форму И.п. ед.ч. мы не можем, это может быть как муж., так и ср. род. Но первоначально, видимо, утрата корневого гласного произошла именно в косвенных падежах по аналогии со словами, имевшими чередование гласного с его отсутствием (беглый гласный).

По материалам КДРС слово *позем* в исторических источниках отмечено в значениях: 'плата за пользование (землей)', 'аренда земли' и 'участок земли, на котором...'. Первое значение характерно для памятников, связанных с новгородской традицией: А с Менова села шло (*по*)*зем*, д(ару)... блъ, полоть. А с... ина села шло (*позе*)*ма*, дару ·к· блъ шесть блъ (Берест. гр. № 1, XV в.); На немецкомъ мѣсте левонские земли дворы тяглые черные, а *поземъ* давали нѣмцомъ (Кн. писц. Новг. XVI в.); А старому боярину *позему* давали и зъ ключникомъ полторы гривны и три деньги. А нового *позему* даютъ съ двора по три деньги (Вдск. II.); Да на церковной же землѣ: Филипко Логиновъ торговой человѣкъ безъ пашни, даетъ попу двѣ гривенки темьяну *позему*, да онъ же даетъ съ рядовичи... двѣ деньги (там же); ... а коли игуменъ поѣдетъ изъ монастыря въ Старую Русу на своихъ поземщикѣхъ *позему* брать, или старцевъ пошлетъ, а съ ними будетъ слугъ монастырскихъ семь или восмь того своего монастырского *позему* брать, а товару у нихъ не будетъ и воеводы наши Старыя Русы и таможники и мытники явки и никакихъ пошлинъ не емлютъ (А и III, 2621); А дан гсдрева црва і великог кнзя платит мнѣ Тимофѣю и с своим сномъ за сес год и розрубы всякие, а *позему* мнѣ Тиомфѣю и с

своим сном давати з дворног мѣста і с новины старцамъ з году на год по три алтын (КДРС, Кн. Солов. вотч. креп. № 146 т. XVI–XVII ~ 1550 г.); Взяли 100 денегъ без 3 денегъ полаьочного отъ лавицъ *поземy* (Кн. расх. Зевелич. ц. 1531 = псковская церковь Успения); Взял у Василя у Юдина *поземy* с поданбарных земел за два годы за 119-и год да за 120-и год 20 алтын (Кн. прих.-расх. Спасск. ц., 1611 г.); ... пожаловалъ игуменъ Іосиф съ братьею въ Тифинскомъ рядку таможною и замытною и помѣрною пошлиною, и судъ, и дворовое, и *поземъ*, полавочное, и пятно, и явку, и роговую, и привязную, и помѣрную и вѣсчую и всякую пошлину велѣлъ сбирати въ домъ Преч. Богородицы и вѣдати игумену съ братьею... (А.И. т. II, 1605 г.); ... всякому человѣку с своего подворья или с лавки *позем*... на себѣ не (подобает) задерживати (Дм.); Да в Новѣгороде стояла мнстырская рыба в анбаре дано *поземy* 4 алта 2 мос. (Прих.-расх. кн. Тихвин. № 1, 1590–92 г.); З двора съ россыльщикова *поземy* рубль (Писц. д. 499); ... да ихъ же поземщики дв. Костько да Ивашко Юръкины даютъ имъ *поземy* 3 денги (Новг. писц. кн. III); А поземщыковъ Борисоглебскихъ въ задворьѣ жъ... а даютъ *поземy* въ манастырь пятнатцать денегъ (там же).

Второе значение также отмечено в памятниках Новгорода и Пскова: Да на Ондрѣевѣ жъ землѣ ... поземщики въ 2 дворѣхъ 3 человѣка, а давали великому князю оброка *за поземъ* 7 денегъ, а нынѣ пусты (Новгор. писц. кн., III); В Боровичахъ же на ряду церковныхъ Петровскихъ и Борисоглѣбскихъ дворовъ а живутъ *на поземехъ* на церковной землѣ. Дв, Тимошка Сидоровъ Латка, длина двору... а поперегъ ... а огороду длина ... а поперегъ ... а ходитъ в посохе наимуючися (Новгор. писц. кн., VI); Обороку имъ давать *за поземъ* и за рыбную ловлю по полтинѣ въ годъ (Пск. 92, 1585–1587); ... *за поземъ* платятъ (Пск. 5).

В значении 'участок земли' слово *позем* встречается в памятниках, относящихся к территориям к востоку от Москвы: Язъ князь... придалъ есмь святѣи Богородици на Солодшу Савицкой островъ ... съ озеромъ Тишью и съ *поземомъ* и съ рѣзанкою (АИ I Жал. гр. Ряз. в. к. Олега Солотч. мон., 1402 г.); ... Бортная земля Жваловская и съ *поземомъ* и зъ бобры (Ряз. п. 486; взято из грамоты XV в.?); ... На праве врага еремейцевсково и граней земля и лес Спасково манастыря еремеицевские дрвни *позем*, а на леве врага ... земля и лес Ивана Судимантова *позем* чернышовские дрвни (В.А. Разъезжая на земли Спасского мон. 1525–26 гг.); И государю бы ихъ того старца Трефилья и крестьянина Ивашка пожаловати для своего Г-рева богомолья, то Пелѣгово рамешко *поземъ* и дворищечки на труды для пустынного строенья какъ они Государю били челомъ по тѣ рубежи и скотинные выпуски съ елхи и с сенными покосы межъ кустовъ вновь причищать к тои пустыне и со всѣми угодьи дати на лготу... (А. гр. распр. Фед.–Чех. 338); Подъ селомъ Обрамовымъ на обрамовскомъ *поземе* ... стоитъ мельница (Арз.

А., 1613 г.); ... Олексѣю Тоузакову усадище учинить противъ своего *поземy* къ полю отъ Петра отъ Верховъского (Арз. А.); А... татаромъ ... хмель щипати и для всякого угодья ходити противъ своего *поземy* по прежнему (там же); ... Внѣшнем гсдрь во 132 м году искал я Якимко на Тимофѣе Якшине гсдря своего *с поземy* свез он Тимофѣї гсдря моего сѣна триста пятнатцат копен да десет сотниц овса (Нижегор. а. № 72, 1634 г.); Солотченского монастыря архимандирту Гурію... монастырскими угодьи... зъ бортными ухожьи и зъ бобровыми ловли и съ *поземомъ* ... владѣть (Гр. Мен. III., XVII в.); Сын его Ромашков Ларка в роспросе сказал, что ... живет де он на отцевском *поземѣ* і травы і коренья не держитъ ... (Блкр. I, 1692); ... ездили де ево крестьяня в село Лопатино на торг хлеба купить, и как де домой поехали и будут *на моем позьму*, и ты де велел их переимать (Хоз. Мор., грамота Морозова приказчику, 1648 г.); ... и посказкѣ понятыхъ стороннихъ людей *на* томъ же де позмѣ построили міромъ церковь (Д.А.И. I, 1677 г.).

Ю.И. Чайкина [1975], рассмотревшая историю терминов земледелия в Белозерье на широком историческом фоне, определила значение слова *позем* в местных памятниках как 'пахотный или годный под пашню участок'. Его появление в этих источниках датируется XVI-м веком, причем оно наиболее характерно для восточной части Белозерья – владений Кирилло-Белозерского монастыря. Ю.И. Чайкина пытается далее определить более точно значение слова *позем* в отдельных районах западной и восточной зон. Так, для Рязанского княжества ею определено значение 'пахотный участок' на основании текста: А далъ есмъ святой Богородици дому Арестовское село... с бортниками, и с бортными землями, и с *поземом*, и съ озеры (Жал. гр. ряз. кн. Ол. Ив. 1371, Ак. III № 213); в ярославских источниках *позем* 'земельное владение': Почему же ты называешь то место, пожню и наволокъ Стариков и лес *поземом* монастырские деревни Черньческие? (Разъезж. гр. Яр. у. 1495), а в юрьевских и вологодских памятниках это – 'пахотный участок', 'земельный надел'. Для западной зоны также установлены такие различия как 'налог со двора' в городах Ладога, Орешек, Иван-город, Корела, но 'налог со двора или лавки' в Пскове, 'налог с беспашенного двора' в Бежецкой и Вотской пятинах. Значение 'аренда земли', которое определено мною по формуле "оброк за позем", ею не выделено.

Г.П. Снетова, изучавшая семантический способ номинации терминов различных видов поборов и повинностей в языке великорусской народности, считает, что терминологическое значение 'поземельный налог' у слова *позем* является результатом метонимического изменения на базе первичного значения 'пахотная земля' [Снетова 1971]. Думается, что первичное значение точнее было бы определить более общей формулировкой 'плодородная земля', поскольку в приведенных выше текстах, иллюстрирующих значение 'земельный участок', есть свидетельства того, что участок мог быть и сенокосным.

Назьмо/наземъ

Оба варианта отмечены по материалам ДАРЯ в единичных нас. п.п.: ***назьмо́*** (с. Перевесино-Михайловка Турков. Тамб. обл.) в значении 'место под домом и хозяйственными постройками'; ***назём*** (с. Ст. Кутля Лунин. Пенз. обл.) – в значении 'весь участок'.

Как известно, слово ***наземъ*** широко распространено в значении 'навоз'. По данным ДАРЯ оно в этом значении занимает всю восточную половину картографируемой территории, по данным СРНГ (вып. 19) его ареал продолжается далеко на восток и юго-восток, за Урал, в Сибирь. За немногими исключениями *наземъ* означает засохший либо перегнивший навоз, по данным СРНГ оно отмечено еще в значении 'помещение, где стоит скот' (Волог. и Арх. обл.), а во множ. числе в форме *назьмы* оно приводится в значениях 'место свалки навоза' и 'коллективный вывоз навоза, помочь'.

В исторических источниках слово отмечено в значение 'навоз', причем в косв. падежах – с корневым гласным и без него: Чернобылъ есть трава, а ростет по селищу и *по назему* и в огородѣхъ... (ДРС, Росп. травам, 196, XVII в.); В коневьем *назму* (ДРС, Травник Любч., 656, XVII в. 1534 г.); И тѣмъ *назмом* землю назмятъ (ДРС, Косм. Арс., 15, XVII в.).

Несомненна связь рассматриваемых значений слов *позьмо/позем* и *назьмо/наземъ* с этим последним значением, которое являлось как бы символом плодородия почвы, богатства земли и живущих на ней людей: наиболее освоенным было пространство, где при жилой постройке находились помещения и площадки для скота.

Слова с корнем *-гум(е)н-/-гув(е)н-*

Гумно/гувно

В разных значениях это слово распространено, видимо, очень широко, если не повсеместно. Оно представляет семантическое диалектное различие, членами которого являются значения, преимущественно связанные с местом для молотьбы. В некоторых из этих значений слово образует ареалы. Те значения, которые входят в рассматриваемые здесь парадигмы, отмечены главным образом в пределах юго-восточной зоны, включая западную половину костромской группы северного наречия. В значении 'площадка для молотьбы' слово известно в говорах по течению р. Шексны, в немногих говорах к востоку от Рыбинского водохранилища, в верховьях р. Сухоны, кое-где в Поветлужье. Во многих говорах ладого-тихвинской группы оно означает и постройку для молотьбы и площадку. Известно оно в говорах районов, примыкающих к Москве с востока, северо-востока и юго-востока; дает ареалы в межзональных говорах типа Б южного наречия (к северу от Старого Оскола и в районе г. Ефремова, где оно постоянно сосуществует со

словом *ток*. Этимологи считают, что оба эти слова по своему происхождению связаны с архаическим способом молотьбы хлеба – топтанием снопов лошадьми (*ток* 'место бега' связано с глаголом течь Фасмер) или крупным рогатым скотом (*гумно* – праславянское новообразование путем словосложения корня слова *говядо* и формы глаг. *мять* – Фасмер, ЭССЯ; иные точки зр. см. Преображ.). И по характеру семантической деривации, которая наблюдается в диалектном различии, первичность этого значения наиболее вероятна.

В говорах русского языка представлены значения: 'площадка для молотьбы в помещении': 'открытая площадка для молотьбы': 'молотильный сарай': 'постройка для сушки снопов и молотьбы': 'весь комплекс участка земли и построек для сушки снопов и молотьбы': 'участок, на котором находятся постройки и площадки для сушки снопов и молотьбы': 'приусадебный участок покоса': 'место под посадками': 'место, на котором находятся дом, хозяйственные постройки, огород, сад, овин или рига'. Локализовать все значения здесь нет необходимости. Первые шесть значений определяют состав сложного диалектного различия, осложненного этнографическими различиями, 'названия построек и площадок для хранения снопов и молотьбы', которое связано с лексико-этнографическим различием 'постройки и устройства для сушки снопов' через слова *рига, овин* и некоторые другие, также представляющие семантические диалектные различия (ДАРЯ).

Значение 'участок, на котором находятся постройки и площадки для сушки снопов и молотьбы', как мы видели выше, может входить в парадигму 'названия места, на котором находятся дом, хозяйственные постройки, огород, (сад), (гумно)'. Это возможно тогда, когда это место примыкает к участку, занятому домом, двором и огородом.

Слово *гумно/гувно*, а также такие производные как *гуменник, гуменница, огумник, огувенище* и *огуменок* во многих случаях приводятся в значениях 'приусадебный участок покоса' и 'место под посадками'. В составе парадигм слово *гумно/гувно* часто выступает именно в этих значениях, причем в значении 'весь участок' обычно выступает слово *усадьба*. В ряде случаев оно зафиксировано в значении 'весь участок', причем есть контексты, подтверждающие это значение; см., например, такие утверждения авторов ответов на вопросы "Программы": *усадьба* – место, на котором находится дом с хозяйственными постройками, огород, сад; слово широко распространено; *гумно, гувно* – в том же значении, что и *усадьба*, но употреблялось прошлым поколением (д. Романиха Некоуз. Яросл. обл.); *усадьба* = *гумно* – место, на котором находится дом с хоз. постройками; информант № 5 [говорит], что *усадьба* – это огород (с. Халяво Маслов. Яросл. обл.); ... дом стоит на *гумне* и все постройки. Старики называют фсе больше *гумном* [новое – *усадьба*] (д. Тяжино Большесель. Яросл. обл.) и др. В некоторых ответах приводится в значении 'весь участок' только одно слово *гумно/гувно* (с. Турдаково Кувакин. Чуваш. АССР, с. Учуевский Майдан Наруксов. Горьк. обл., Ниж. Каменка Талов. Воронеж. обл.).

Однако чаще слово приводится без пояснений как прямой ответ на вопрос "Программы" и большей частью наряду с другим словом (преимущественно со словом *усадьба*).

В СРНГ значение 'весь участок' не зафиксировано, если учесть ту оговорку, которая содержится в пункте б словарной статьи "гумно": 'крестьянская усадьба (прежде всего в кругу сельскохозяйственных построек: риги, бани [?] и т.п.)' Ворон., Тростянский. Далее здесь приводятся данные, подтверждающие значения 'место под посадками' и 'приусадебный участок покоса', которые все относятся к территории юго-восточной зоны в пределах южного наречия. Для варианта *гувно* значение 'весь участок позади крестьянского дома, за двором' отмечено Ванюшечкиным в говорах рязанской мещеры по р. Курше.

Значение 'усадьба, крестьянский двор' приводится в СРНГ для слова *огувенник* (Пск., 1902–1904). Значение 'земельный участок за усадьбой' – для слов *огумёнок* (Борович. и смежн. р-на Новг. обл.; калин), *огуменник* (Калин., 1972; Яросл., 1970).

Исторические материалы не позволяют установить, когда слова с корнем *-гум(е)н-/-гув(е)н- стали* использоваться в таких значениях. У Даля эти значения не приводятся (т. I–II). По данным различных источников, *гумно* 'гумно' (ДРС), 'крытое помещение для сжатого хлеба (преимущественно на севере)' (там же); 'гладкая площадка, токъ, мѣсто убитое глиною для молоченія сноповъ, и для выбиванія зеренъ изъ колосьевъ', 'покрытое неогороженное гумно' (САР). Слово *гуменник/огуменник* – 'место, где ставят хлеб в кладях и где его молотят' (Даль), 'то же, что гумно' (ДРС), 'место около гумна, огороженное, где ставят хлебные одонья и скирды' (САР, II, с. 433). Такие же значения приводятся для слов *огуменок* и *огуменье* (ДРС). По-видимому, расширение значения или его перенос на соседний участок земли происходили по известным семантическим закономерностям в разных местах независимо одно от другого. Однако можно предположить, что эти переносы произошли не в самое последнее время, поскольку, как было показано выше, в материалах ДАРЯ, собранных в середине XX в., есть отдельные указания на то, что слово употребляли старики.

Слова *овинник, овинница*

Овинница отмечено по материалам ДАРЯ в пяти нас.пп., *овинник* – в трех (большинство находится к юго-востоку от Рыбинского водохранилища). Слова эти почти всегда означают 'место под посадками и приусадебной участок покоса'. В одном случае слово *овинница* приведено в качестве единственного названия, т.е. является названием всего участка (д. Белешино Тутаев. Яросл. обл.).

Слово ***овинник*** в одном случае отмечено в значении 'место, на котором находятся хозяйственные постройки, огород, сад' (наряду с новым словом *усадьба*) в составе двучленной парадигмы, другим членом которой является слово *дворище* в значении 'место под домом и вокруг

дома' (д. Дуброво Пришекснин. Волог. обл.). Эти образования – дериваты слова *овин*, у которого в СРНГ приведено 16 значений; среди них значение 'надел земли для покоса около дома'. Там же для этих дериватов подтверждено значение 'приусадебный участок (покоса)' в пределах того ареала, где они отмечены по данным ДАРЯ. В СРНГ приводится также слово *овинище*, одно из значений которого 'усадебная земля' (Черепов. Волог., Чайкина). У Даля *овинник* 'лужок позадь двора или конопляника, между им и овином'.

В ДРС дериваты *овинник* и *овинница* отсутствуют, приведено только слово *овинище* 'место, предназначенное для овина или место, где раньше был овин'. Незначительность распространения, отсутствие данных более раннего времени, видимо, свидетельствуют о том, что слова *овинник* и *овинница* в рассматриваемом значении – местные новообразования, механизм которых тот же, что и дериватов с корнем *-гум(е)н-/-гув(е)н-* и, возможно, осуществился по аналогии с этими последними.

Слова с корнем *-сыр-*

Слова этого корня, распространенные в рассматриваемых значениях очень неодинаково, локализованы к северо-востоку от р. Волги восточнее Рыбинского водохранилища.

Непроизводное *сыр*

По данным ДАРЯ *сыр* отмечено в единичных ЧДС. (д. Красново и Ваганово Леж. р-на Волог. обл.). В обоих случаях значение его – 'место под домом и хозяйственными постройками', в обоих случаях в качестве названия места под посадками приведено производное *подсырок*. Названием всего участка в обоих случаях является слово *усадьба*, но в д. Красново приведено еще словосочетание *сыровой участок*. Словом *сыр* мотивированы другие названия этого корня, поэтому необходимо рассмотреть весь комплекс данных по этому слову.

В КСРНГ (и в областных словарях) нет данных об употреблении слова *сыр* именно в этом значении, в картотеке есть лишь единичные указания на то, что непроизводным словом обозначались определенные участки земли: *сыр* (Абатская вол.) – отдельный участок земли; последнее выражение употребляется больше при переделе земли (II, 395 Ишим. Тобол. ИРЯЗ № 16–65, Шолбышева, 1963 г.); *сыры* – полоса поля, которая дается в добавление к небольшой усадьбе, обыкновенно около деревни (Покров. у. Владим., II, 32. Черныш., 1910). У Даля: *Сыр*, арх.-шнк. участок, клин леса, отведенный смолокурам. Этим же словом обозначалась земля, которая была измерена при земляных работах до того, как была вынута: подряжались "нагружать

лодку с кубической сажени *сыром*, а не россыпью" (I, 70, Бурнашев, 1843). У Даля: земля в кубическ. мере, материком, не пересыпанная, в пласту. Рядятся в земляных работах, *сыром*, за меру очищенного простора, а не за высыпанную, в которой меры на половину более".

Отметим также уменьшительное по происхождению *сы́рец* 'залог или новь, поднятая в данный год и негодная еще для посева хлеба... (КСРНГ, I, 145, Тобол., Патканов и Зобкин, 1899); *сырец:* Влажная почва в низине: *сырец* в лощине, клин там (КСРНГ, I, 1097, Киров, 1966–69, Головина).

По КСРНГ слово *сыр* употреблялось еще в нескольких диалектных значениях:

'сырость' (II, 368, Тотем. у., Волог., Андреев, 1892);

'пасха, обрядовое кушанье на пасхе из творога в форме пирамиды' (I, 619, Тюмен., Тобол., Дементьева, 1916; II, 15, Онежск, КАССР, Калинин 1933; I, 1124, Печор., Коми АССР, Лутовинова, 1961–1963 гг.);

'творог' (II, 669 с. Ураево Валуй. у. Вят. губ. Г. Прохоров, 1901; II, 395, Ишим. Тобол. ИРЯЗ № 16–65; II, 923, Ст. Отрадная, Краснодар., Мастепанов, 1949–1951; II, 1139, Стародуб. Брян. Н.Е. Подорожный; I, 848, Тобол. Тобол. Лапарев, 1896; II, 33. д. Воронич, Пушкиногор. р-на Пск. обл., Царева, 1952; II, 588. Доп., Калмыков, 1897; II, 598, Кадн. Волог., Шустиков; II, 838, Хопер. Ворон., Лебедкин; II, 1220, Сыктывд. Коми АССР, Сергеенко, 1968; II, 1752, Иркут., Нижнеилим., Федоров, 1970 и др.);

'крупа' (Волог., Дилактерский, 1902).

Вариант слова на мягкий согласный *сырь* (ж.р.) отмечен в значении 'молозиво, первое молоко после родов, отела' (II, 579, Сибир. С. Черепанов, 1854; у Даля с пометой "сиб.").

Сырец имеет много конкретных значений с общим семантическим признаком 'необработанный': 'шелк (неокрашенный)', 'сало (неперетопленное)', 'кирпич (необожженный)' и т.п. Любопытно употребление этого слова в контексте свадебного ритуала, в обряде одаривания молодых подарками. В КСРНГ имеется несколько описаний этого обряда, при котором в одних местах гостей приглашают "*к сыру*", т.е. подходить к молодым, выпивать стопку вина, поздравлять и дарить подарки (II, 1049, Иванова, Моск., 1968; I, 1266, Моск., Иванова, 1972); в других – дружка насыпает на тарелку пряники (II, 266, Казан. у. Казан. губ., Мелановский, ф. 216, оп. 4) или урюк, орехи (II, 1494, Ср. и Нижн. теч. р. Урал, Малеча, 1976; II, 782. Чаплыг. в. Брон. у. Моск. г., Арх. АН, ф. 197, оп. 2, № 118), обходит гостей, угощает их (угощение называется *сыр, сыр-коровай*) и предлагает дарить новобрачным (деньги, которые он отдает молодой).

У Даля "*сыр молить* (ниж.) – свадебный обряд: молодые кланяются в ноги каждому гостю, прося выпить". Никаких данных об одаривании молодых Даль не приводит. Однако сама идиоматичность выражений

на сыр, к сыру, молить сыр, на сыр класть (*давать*), в которых слово *сыр* фактически утратило свое денотативное значение (можно трактовать его как 'обзаведение', 'основа нового хозяйства', 'благополучие') говорит о древности как обряда, так и его вербального выражения. В белорусском фольклоре встречаются свадебные песни, в которых *сыр* упоминается как продукт питания рядом с маслом [Иванов, Топоров 1974, 252], см. также ниже текст из "Домостроя" (КДРС, Дм. Свад., 169, XVI в.).

Сыр-каравай – название свадебного пирога, который в обряде донских казаков разламывался пополам, для молодого и молодой, а гостям дарили бумажные цветы и получали взамен подарки молодоженам (I, 1278, Доп. 1975). Это же название свадебного пирога ('курника') отмечено в Сердобском у. Сарат. губ. (II, 404, Муллов). Подаренное на свадьбе местами называлось *сыр-каравайное* (I, 85, Донск., Миртов, 1929).

В форме мн. числа (plur. tant.?) *сыры* слово обозначало: 'столовые деньги' при сватовстве и на свадьбе (II, 681, д. Больш. Жирново Малмыж. у. Вят. губ. Брюхачева, 1897, Арх. АН, Ф. 197, оп. 2. № 50), 1) 'Творожные лепешки' 2) 'Нарезанный хлеб во время свадебного угощения сватов (Уфим., Мен Зел., 1849, Лосиевский, Второе Доп., Покровск. и Яценко). Интересные косвенные данные об одном из значений слова *сыр/сур* можно извлечь из некоторых областных словарей, например: *суровоз*. Возка навоза на поля. *Суровозные вилы, суровозная телега* – предназначенные для возки навоза; *суровая вода* – весенняя, пропитанная навозом вода, стекающая в реку (КЯОС).

В контексте песни: зажигала девушка *сыр* у сасне, У тэй у саснушки три угодья; Первыя угодья – яры пчолы, Другое угодье – бел гарнастай, Третия угодья – вясел сакол (I, 907 Смол., Добровольский, 1890) значение слова, видимо, 'смола'. Такое значение ('смола', 'сера') отмечено у слова *сера* в ряде русских говоров (Даль, Куликовский, Мельниченко). О.Н. Трубачев [1971], рассматривая этимологию этого последнего, возводит его к индоевропейскому этимону со значением 'течь', 'струиться', 'быстро двигаться', к которому, по-видимому, может восходить и славянское *сыр* [Иванов 1965, 94].

Другое толкование слова в приведенном примере можно было бы допустить, исходя из значения, которое дается слову *сыр* в тексте XVIII века: Обрывъ около дерева нарочитой величины кругъ или просто называемой *сыръ* гдѣ бы и коренья дерева захвачены были. Сей замерзлой и сплетшеися съ кореньями земляной *сыръ* посадить въ вырытую нарочно для того яму и зарыть землею съ обыкновенною при томъ глубиной (СК–XIII, Болотов, С.ж., ч. II, л. 45, стр. 292, 1778. Как пересаживать плодовые деревья осенью). Однако этому значению, тождественному тому, которое приводится Бурнашевым (и Далем) 'земля материком, в пласту', противоречит смысл глагола: зажигать можно смолу, но не сырую землю.

Возникновение рассматриваемого значения становится понятнее в том случае, если мы учтем и некоторые значения, известные по историческим источникам, и значения некоторых однокоренных и другие данные.

В исторических источниках слово *сыр* встречается в немногих значениях. Чаще всего это – 'сыр' и 'творог', например: Како творити малыя *сыры* ['сыр'] подобны языку, из *сыра* ['творог'] (КДРС Глава рпд, Кн. землед. 152); и как сваха учнет у князя и у княини голову зачесывати, а в те поры бы друшка *сыр* колупал и перепечю режет (КДРС Свад., 169, XVI в.) и в других контекстах, особенно при перечислении товаров или податей.

Оно могло также озанчать 'кусок' (возможно, определенной формы), какими продавался мел: Купил на Вологде *4 сыра мелу* дано 8 денег (КДРС А.о. Кн. сол. прод. Н. Исаева, 1659); Явил Семен Фалелиев сынъ... рукавицы пуд пороху..: цевок золота,..: *сыров* мила, на 5 рублев милочи... (Там. кн. Тихв. м. № 25, 1663) и др. Это значение могло возникнуть по внешнему сходству (цвет, форма) или в связи с определенным объемом целого, не размолотого вещества мела, употреблявшегося в скорняжном деле и в строительстве.

В атрибутивной функции слово *сыр* известно в фольклоре: *сыр – матерый дуб, ...у сыра дуба*[27] (I, 911, Оренб., Песни, 1938); *мать – сыра земля* (Причитания Северного края, собр. Е.В. Барсовым, ч. I, М., 1872 и др. источники); И поехал Сухан ко дуброве зеленой и наехал *сыр – зелен* падубок, да вырвал ево ис кореньем, да едет с ним не очищаючи (КДРС, Пов. о Сух., XVII в., с. 136). Такие словосочетания исследователи относят к архаическим (см., например [Иванов 1965, 94]).

К таковым, вероятно, относятся и выражения *горит сыр-бор, сыры-боры загорелись* (КСРНГ: I, 720, Костром., Москвит., 1842, № 4, 557; II, 260, Слобод. Вят. губ., Кибардин, 1848, ф. 216; II, 91, Влад., Бодров, 1853).

Полные прилагательные с корнем *-сыр-/-сур-* различаются по форме: прилагательные с вариантом корня *-сыр-* выступают и в современном литературном языке и в говорах обычно в формах *сырóй/сы́рый* и *сы́рный*, прилагательное с вариантом корня *-сур-* имеет форму *сурóвый* (*суровóй* – Арх. Подвыс.).

Прилагательное *сырóй* отмечено в значениях 'пропитанный или покрытый влагой', 'имеющий повышенную влажность', 'не подвергшийся варке, кипячению' и т.п., 'не обработанный', 'с нездоровой полнотой'. В областных словарях оно встречается редко, так как, видимо, не отмечено в диалектных значениях. В говорах Кузбасса *сырой* – субстантивированное прилагательное в значении 'ветер с востока' [к перемене погоды] (СРГК, 1976).

---

[27] В фольклоре кольских поморов зафиксировано сложное слово *сыродуб*: Ходила она к *сыродубам*: "*Сыродубы* вы, *сыродубы*, зделайте вы колоду и складите вы кнегину въ колоду" (Былина). Тетрино. ЖРКП.

Прилагательное *сы́рый* отмечено единично: *сы́рый, ая* 'полный, упитанный. *Сы́рый* йетат дитенак – значить толстый как камушак (II, 1227, Казаки-некрасовцы. Сердюкова, 1969).

Прилагательное *сырный* ("*сырная неделя*") относится только к слову *сыр* в литературном значении (или в значении 'творог'). Но в выражении *сырный стол* 'обед после свадьбы' (I, 51, Сарат. Доп. Оп., 1858, 1859; II, 729, Цивильск. у. Казан. губ., Тихонравов, 1897, Арх. АН, ф. 197...), имея в виду, что в свадебном обряде сыр или творог, видимо, не является обязательным кушаньем, а слово *сыр* в обряде одаривания не имеет конкретного значения, можно предполагать в прилагательном такую же утрату конкретного значения.

Прилагательное *суро́вый/суровóй* тоже известно в нескольких, причем достаточно далеко разошедшихся значениях. В СРЯ в качестве первого омонима приведена группа значений 'непреклонный, лишенный мягкости'; 'крайне строгий'; 'полный трудностей'; 'трудный для жизни, пребывания'. Второй омоним имеет значение 'грубый, небеленый (о ткани, нитках)'. В областных словарях слово приводится в значениях 'холодный' (о погоде, воде в реке), 'жесткий' (о воде) (ДС), 'угрюмый, мрачный, неприветливый' (там же), 'шустрый, подвижный, шаловливый – *суровый* (Покой, ЖРКП); *суровóй* (Арх. Онеж. Холм. Пин.-Подвысоцкий); *суровый* 'небеленый' (полотно, нитки) (КЯОС); там же: *суровая вода* (см. выше), 'похотливый, сладострастный' (Шенк, Подвысоцкий). У Даля этого последнего значения нет, у него, кроме других, приведенных выше, отмечены значения 'черствый, шероховатый, неприятный, наощупь' (без локальных помет), 'дикий, бешеный' (Сев. и сиб.). Отмечено еще наречие *сурово* 'скоро' (КЯОС).

В исторических источниках у прилагательного *сырой* (*сырыи*) отмечены значения 'влажный', 'сырой, не высушенный', 'не выделанный', 'не приготовленный с помощью огня', 'свежий, зеленый' (Срезневский), у прилагательного *суровый* (*сѣровыи*) – значения 'сырой', 'свежий, зеленый', 'не приготовленный с помощью огня', 'дикий, жестокий' (там же).

В связи с рассматриваемым значением существительного *сыр* 'место под домом и хозяйственными постройками' представляют интерес данные о некоторых гаданиях о выборе места при постройке дома [Байбурин 1983]. На предполагаемое место клали сковороду [Сумцов 1890] или (в других местах) опрокидывали горшок со вложенной в него овечьей шерстью [Zelenin 1927, 288]. Если на другой день под сковородой была роса или шерсть в горшке оказывалась сырой, это считалось благоприятным признаком: означало, что место выбрано удачно. А.К. Байбурин трактует эти признаки как прибавление нового качества, а кроме того, противопоставление сухого–мертвого, не имеющего жизненных сил, сырому–полному жизненных сил ("*сыр-матерый дуб*").

Признак прибавления нового качества характерен для глаголов с корнем *-сыр-*, причем на протяжении истории качество это в одних

случаях отрицательное, в других – положительное, в третьих – просто другое. Памятники, содержащие тот или иной глагол, значения которого различаются конкретным содержанием процессов, именуемых им (причем эти процессы в одних случаях приводят к ухудшению, в других – к изменению, в третьих – к улучшению качества), относятся преимущественно к книжной традиции.

Глаголы *усыреть, усырить(ся), осыреть* отмечены в ряде памятников в значении 'отсыреть' (при этом, видимо, ухудшить качество): к тому лежанїемъ долгімъ въ сырыхъ мѣстѣхъ *усырѣлъ* или худо высушенъ [порох], а селїтра и уголь ту сырость къ себѣ прїметъ... (КДРС, Бринк. Опис. артил. 1710); *Осырѣти* 'стать сырым, влажным'. И древеса еже сѣкуще зимѣ измерзают и веснѣ *осырѣвше* истачают сокъ (Сл. XI–XVII вв., Палея Толк.[2], 39 1477 г. XIII в.).

В других случаях речь идет о молоке или другой жидкости, способной прокисать или свертываться: На другой день тотъ сокъ *усырится* (КДРС, Тр. Л., 615); и тако потомъ млеко не *усырится* (там же, 91); кровь *усыренную* вытянетъ (там же, 214); Отъ студености... кровь *усырится* внутри (там же, 204); оумножисА на мА неправда гордых, азъ же всѣмь срдцемь моим испытаю заповѣди твоА; *оусырисА* ако млѣко срдце ихъ, азъ же закону твоему поучихсА (Псал. С. XVII, 69–70, Библ. Генн. 1492).

Единично отмечен глагол *насырить: Насырилъ* же мя еси равно сыру (Иов. X, 10, Библ. Тенн. 1499), словари толкуют его так: 'сгустить подобно сыру' (Срезневский), подобно творогу' (Сл. XI–XVII вв.).

Глаголы *сыреть, усыреть, усыриться* в ряде контекстов, видимо, означают 'цвести, молодеть, зеленеть, либо белеть подобно творогу': Срдцоу же веселящуся лице *сырѣеть* (КДРС, Еккл. VII, 15, Притч. XV, 30; Притч. XV, 13 – словом *сыреет* переведено греч. ναλλει); дивляшес како сухое древїе *оусырися* [дан перевод: как из сухих палок выросли деревья] (КДРС, Пт. и Фв. Ак. 227, XVI в., сп. XVI–XVII вв.); Стии провъзвѣстиша прчстии та гласи, гору бжествьноую тоучьноу, *оусыреноую* и прѣсѣньноую (Мин. 1096 г. сент. л. 41; Срезн.); То бо есть гора божіа, гора тучна, гора *усырена*, гора, юже благоволи богъ жити въ неи (ὄρος τετυρωμένον) Кир. Тур. 121 (пс. XVII, 16). Греческий глагол переводится выражением 'сделать белым подобно сыру-творогу'. Пріими, Захаріе, сѣнь нескверньную, ...сокровище преславное, трубу богогласную, тучную гору и *усыренную*, божественное руно, ...приснодѣву отроковицу... (КДРС, Чел. Ник. 1665).

Таким образом, одни и те же глаголы с корнем *-сыр-*, видимо, могли употребляться и в значении 'стать сырым, влажным', и в значениях 'прокиснуть', 'свернуться', и в значении 'расцвести, зазеленеть', и в значении 'стать белым, как творог'. Поскольку глаголы образованы от основы качественного прилагательного *-сыр/-сур-*, можно предполагать, что многозначность глаголов обусловлена многозначностью прилагательных (*сыр, сырой, суровый*), которая предопределена уже их

этимоном, поскольку агентом глагольных действий 'течь, струиться, быстро двигаться' могли быть разные сущности. Так, О.Н. Трубачев, [1971] рассматривая значения слова *сера*, выделяет в качестве наиболее древних такие как 'молозиво', 'овечье молоко' и некоторые другие, также 'жиропот на шерсти овец', 'жирное выделение в ушах', 'древесная смола'.

Для слова *сыр/сырь*, как мы показали выше, зафиксированы значения 'молозиво' и 'древесная смола' выделяемое в сложном *суровоз* значение 'навоз' ('моча'), а кроме того 'пласт земли', которая в естественных условиях пропитана влагой (этим и мотивировано данное значение слова *сыр*). Значение 'место, на котором находятся дом и хозяйственные постройки' тоже связано с пластом земли, материком (*сыроматерая земля*, по выражению Даля).

Учитывая сакральную отмеченность признака 'сырой, влажный', решающее значение различных жизненных соков и выделений в продолжении жизни, в плодородии в самом широком смысле [Байбурин 1983], можно понять употребление слова *сыр* в значении 'место под домом и хозяйственными постройками' как реликт этой отмеченности, перешедший в сферу профанического. Впечатление отмеченности усиливает использование слова *сыр* в свадебном обряде, причем значения 'творог', 'сыр' могли способствовать выделению представления о достатке, благополучии.

Производные с корнем *-сыр-*

Во многих говорах в пределах указанной выше территории они называют либо весь участок земли, либо его часть, по своей внутренней форме соответствуют такой трактовке появления у слова *сыр* рассматриваемого значения.

Осырок. Усырок. Подсырок

Слово ***осырок*** распространено на значительной территории, в основном к востоку от р. Ветлуги и к северу от ее верховий. В материалах ДАРЯ оно приводится в значении 'весь участок' (часто наряду со словом *усадьба*), другие значения отмечены в единичных ответах: 'место под домом и хозяйственными постройками' всего один раз (д. Кордомец Палкин. Костром. обл.), но там этим же словом могут назвать и весь участок. В нескольких ответах слово приведено в значении 'место под посадками' (д. Бурундучиха и Никитино Поназырев. Костром. обл., с. Октябрьское Свечин., д. Шурчилы Котельнич. и д. Ворона Кикнур. Киров. обл.).

Материалы КСРНГ подтвеждают распространение и позволяют расширить территорию слова *осырок* в рассматриваемых значениях к востоку:

'весь участок' (Уланово, Зыково, Кикнур. Киров.; II, 1425, Даров., Киров. 1940-е гг.; II, 1423, Яранск., Кировск., 1940-е гг.; II, 1000, Вост.

Мар. АССР, Моисеенко, 1952; I, 631, Опар., Мураш., Киров., Андреев В., 1940; II, 1427, Кожевники, Кикнур. Киров., 1940-е гг.; Ветлуж. р-н Горьк. обл., Марков, 1920; II, 1183, Прозорова, 1955 – есть указание на территориальную ограниченность ареала р. Великой, к востоку от которой слово в центральных р-нах Киров. обл. неизвестно; I, 117, Вят., Зеленин, 1903);

'участок под домом и хозяйственными постройками' (II, 1434, Волки и Чумуры, Гужин. Киров.; II, 1432, М. Щеглы Кочево, Керченки и Б. Лайка Самобелян. Киров.; II, 1433, д. Курдюм. Санчур., д. Соболево, Потухино и Пама, Кикнур. Киров. Лукино и Зыково Пижан. Киров. – все данные из ответов на "Программу" ДАРЯ, 1940-е гг.);

'место под посадками' (I, 22, Вологодск., Н.С. Аверкиев, 1941; I, 179, д. Высокова Вохом. Волог., 1941; II. 1423, Яранск., Киров., 1940-е гг.; II, 1428, Челпайки Шаранг. Киров., 1940-е гг.; 1,419, Волог., Потанин, 1899; II, 1000, Вост. Мар. АССР, 1952; Вятские Починки Никол.; Волог., Дилакторский, 1902; II, 1069, Киров., Банниково, 1968; II, 1135, Тонкинск. Горьк., А.Г. Робков, 1970-е гг.);

'участок земли с хозяйственными пристройками, огородом, садом, кроме земли под избой' (II, 1434, Коленки, Гужин. Киров. 1940-е гг.; II, 1427, Кикнур., Киров., 1940-е гг.; II, 1439, Парфеново Котельнич. Киров., 1940-е гг.; II, 1423, Яранск. Киров., 1940-е гг.);

'часть земли, занимаемая хозяйственными постройками' (II, 1427, Андреяхи Кикнур, Киров., 1940-е гг.; II, 1430, Ивакино, Котельн. Киров., 1940-е гг.);

'задняя часть крестьянской усадьбы, где находится ток для молотьбы и овин' (I, 215, Уржум. Вят., Магницкий, 1882; I, 688, Вят., Зеленин, 1915).

Отмечено также: *осырок, на осырку, осырком* 'огород в низком месте' (II, 816, с. Чингис. Ордын., с. Н. Сузун Сузун. Новосиб.); 'участок леса' (II, 1000, Вост. Мар. АССР, Моисеенко, 1952).

По материалам ДАРЯ ***усырок*** отмечено единично наряду со словом *усадьба* в значении 'весь участок' (с. Сенино Рослятин. Волог. обл.). По данным КСРНГ оно отмечено в этом значении в д. Малая Стрелка Вохом. Вологод. обл. (I, 31, Фор. Герасимова, 1939) и еще в некоторых нас.п. (1,865, Междуреч. Биряк., Лежск, Волог., Баранникова, 1965).

Слово ***подсырок*** также имеет незначительное распространение, образуя микроареал. Оно отмечено по материалам ДАРЯ в значениях 'весь участок' (д. Раславское Грязовец. и с. Орлово Леж. Волог. обл.), 'место под посадками' (д. Красново и Ваганово Леж. Волог. обл.).

Производные с корнем *-сыр-*, видимо, являются местными новообразованиями. В исторических источниках они не выявлены. Как показали лингвогеографические исследования [Захарова 1970, 310 и сл.], территория, на которой они зафиксированы, в основном находится в пределах востока костромской группы севернорусского наречия, захватывая на севере юго-восточную часть вологодской группы этого наречия. Неоднородность говоров костромской группы объясняется

разными историческими судьбами составных частей ее территории. "Костромская группа говоров, исторически связанная с ростово-суздальским диалектом, ...оторвалась от более южных говоров этого диалекта и включилась в общее развитие северо-восточных говоров, но не слилась с ними в единое целое, а приобрела круг только ей свойственных диалектных особенностей" [там же, 313]. К.Ф. Захарова обращает внимание на то, что этому способствовало существование княжеств, дольше других (на протяжении XIV в.) сохранявших свою самостоятельность, не входивших в состав Великого княжества Московского, и среди них – Суздальско-Нижегородское, к северу от которого в долинах рек Унжи и Ветлуги земли в основном заселялись позднее. Отсюда и некоторое своеобразие говоров разных частей территории костромской группы, и возможность инноваций, обязанных своим происхождением былой изолированности.

Слово *творило*

Это слово в пределах картографированной территории почти во всех ареалах, где оно имеет одно из рассматриваемых значений (в районах сближения рр. Ветлуги и Унжи и далее к северо-востоку), отмечено в значении 'весь участок' – в качестве единственного его названия (дд. Ивановка, Зыково, Середняя и Дубровино Межев. и д. Крутая Пыщуг. Костр. обл.) и в сосуществовании с другими названиями: со словом *усадьба* (дд. Заводское и Ивановское Межев. Костр. обл., д. Слудка Опарин. Киров. обл.); со словами *огород* (д. Ушениха Ней. Костр. обл.); *огородец* (д. Филино Межев. Костр. обл.); *огородица* (д. Б. Варакино Шарьин. Костр. обл.); *усадьба* и *огородец* (д. Стрельская Опарин. Киров. обл.); *усадьба* и *осырок* (дд. Кладовица Павин. и Сурнаково Вохом. Костр. обл.); *усадьба* и *ободворная земля* (д. Чудалово Опарин. Киров. обл.); *осырок* и *огородец* (д. Кажирово Пыщуг. Костр. обл.); *усадьба, осырок* и *огородец* (д. Савиновская Опарин. Киров. обл.). Во всех перечисленных случаях никаких различий в значении слова *творило* и сосуществующих с ним слов не указано.

В д. Нижняя Волманга Мурашин. Киров. обл. слово *творило* приводится в качестве названия места под домом и хозяйственными постройками в составе двучленной парадигмы, в которой названием участка под посадками является слово *усадьба*.

По данным КСРНГ рассматриваемые значения отмечены в немногих случаях. В значении 'место под домом с хозяйственными постройками, огородом, садом' слово *творило* отмечено наряду со словом *осырок* только в одном источнике (I, 631, Мураш., Киров., Андреев В., 1940, 1945). В значении 'участок земли под домом' оно отмечено в двух деревнях Междуреч. р-на Волог. обл. (I, 32, дд. Шейбухта и Михалково; П.А. Доброумов). В значении 'приусадебный участок' слово *творило* отмечено: наряду со словом *осырок* в д. Высоково

Вохом. р-на и, видимо, вообще в Вохом. р-не (II, 1069, 46, 1940; 19/70, Попова, 1959); наряду со словами *осырок* и *огородец* (I, 22, Н.С. Аверкиев, Вологодск., 1941).

Близкие этим значения относятся к пашне: 'широкая полоса пашни' (Вел. Арх., Кадн. Волог. – II, 96, Волог. Дилакторский, 1902; д. Вралово Кадн. Волог., Попов, 1855); 'квадратная полоса пашни' (II, 94, Верховажье Волог. Шайтанов, 1849); 'маленькая полоса' (II, 299, Череповец. у. Новг. губ., Эрдман Ф., 1852).

Как известно, в современных говорах слово *творило* довольно широко распространено (в пределах юго-восточной зоны) в значении 'ход в подполье в виде отверстия в полу' (карта 8 ДАРЯ вып. III; КСРНГ; [Мораховская 1975]). Оно может озаначать и любой ход в виде отверстия – в овин, в погреб, в том числе и в подполье, а также предмет, закрывающий такое отверстие и само подполье (ДАРЯ, вып. III).

По данным КСРНГ словом *творило* у каменщиков называется ящик для разведения извести (II, 126, Тихв. Новг. Березников, 1854; II, 150, Сарат. Зайковская и др.); оно может означать деревянный поддон под ушатом с водой (I, 52, Опыт, 1852, I, 56, Шенк. Арх. Подвыс., 1885); форму, в которой приготовлялась творожная пасха под названием "сыр" (II, 1115, Нижнеслободский с/сов Вожегод. р-на Волог. обл., 1972) и еще ряд приспособлений и деталей в разных сферах производственной деятельности.

Исторические данные подтверждают первичность именно этих последних значений, не связанных с понятием участка земли. Так, в КДРС слово отмечено в значениях: 'ход в погреб': хоромного строенiя: горница на жиломъ подклѣтѣ... да два погреба дубовых, у одного погреба *творило* каменное напогребницы крыты дранью и скалою (Розыск о Шакловит., 1071); и въ томъ же надпогребникѣ мостъ... мостилъ и кругомъ *творила* рѣшетку дѣлалъ (АХУ, 1020); 'подпол'?[28]. ...а на том моемъ проданѣ дворѣ хорѣ изба земленая с сенми над *творилѣ*, чюлā тѣсовѣ да погреб. двор в горотбѣ и с вороты (Астрах. акты. Купчая 1664 января 2).

В ряде случаев, видимо, слово *творило* относится к отверстиям разного устройства: ...верху же пещеры моѧ просѣчено акы *творило* (Хожд. Грефеново, сп. Моск. Публ. Музея Рогож. 35/799); на тѣхъ же Никольскихъ воротѣхъ вверху двѣ пищали сороковыя стоятъ на сводѣхъ на воротныхъ, а мостъ верхнiй и кровля на тѣхъ воротѣхъ сгорѣли, и *творило* надъ вороты огнило и розвалилось... (АМГ, 1629).

Оно могло означать формы для производства кирпичей, сыра: Роспись на строенiе Архангельска Желѣзныхъ снастей: 61 *творило*, кирпичные окованые, 72 молотка, 12 топоров, 131 заступъ... (ДАИ, VI,

[28] Поскольку погреб здесь назван отдельно, *творилом*, видимо, названо подпольное помещение какого-то другого устройства.

1670); ...формы или *творила* на кирпичи дѣлаются троякія, то есть стѣнныя, подовыя и сводныя (Флор. Ек.); Во время дѣланія сыровъ надобно *творило* чисто вымыть... (там же); 'устройство, в котором замешивали известь: Извѣсть... сыпати во *творило* (Сим. Обон. XIV); ...извѣсти крѣпкія въ *творилѣ* замѣсить, так что бы пять частей песка на двоимъ долямъ извести были сравнены (Геогр. Ген., с лат., 1718 г.); 'вместилище для воды': каменныя *творила* съ стоячею снѣжною и дождевою водою замѣняютъ недостатокъ колодезей и ключей (Флор. Ек.).

Подобные значения прослеживаются и по материалам СК–XVIII: 'ход в подполье' – Покрышка надъ *твориломъ* Luyk.o. (Р. – голл. лекс., 1717, с. 160); Keller-Knecht, cellarius, погребной слуга; Loch, aeftuarium cellae *творило* погребное (Вейсм. Лекс., 1731, с. 329); 'вообще отверстие' – кладѦзное *творило* περίσόμωυ puteal (Поликарпов, Лекс. 1704); Brunnenloch, os putei, *творило*, устье колодезное (Вейсм. Лекс. 1731, с. 113); Regard (у фонтанщиков) *творило*, окно; говорится о мѣстѣ сдѣланномъ для осматриванія водяного провода, или для разделѣнія водомѣровъ (ФРЛ 1786, II, 398) 'вместилище для творения (гашения) извести' – Kalck-Brenner, calcarius, который извѣсть жжетъ, Kalck-Hütten, calcatorium, мѣсто гдѣ извѣсть варятъ или гдѣ оную хранятъ... – Planne, darinn die Speiβ gemacht wird, lacus, *творило* (Вейсм. Лекс. 1731, с. 325); broyer le mortier. Den Mortel umruhren. Arenatum rutro fubigere. Песокъ съ известью въ *творилѣ* мѣшать (Лекс. Волчк. 1764 ч. II, с. 437); Последній способъ вывѣтриванія извести состоитъ въ томъ, чтобъ *творило*, въ коемъ оная находится, было отверсто, причемъ, однако, должно наблюдать, чтобъ не проходила туда вода (ТВЭО, III, 1766, 52); Asege de Mâçon, *творило* въ чемъ известь растворяется (ФРЛ, 1786, I, 95).

Из некоторых материалов узнаем об устройстве этого вместилища: Для употребления Извязи дѣлаютъ въ землѣ яму вымощенную на днѣ и въ стѣнахъ досками, кою называютъ *творило*, кладутъ во оную Извязь, поливаютъ водою безъ всякой мѣры и опасенія, которое надобно имѣть лишь въ томъ, чтобъ не сжечь ее когда мало поливать будешь (Слов. коммер., 1787 ч. II, с. 450); Именно в таком значении слово приводится в академическом словаре: *Творило*, ла. с.ср. Яма выстланная и съ боков огороженная досками, въ которой разводятъ известь для кладки стѣнъ каменныхъ. Разтворить нѣсколько *творилъ* извести (САР, VI, с. 61).

Но о том, что слово *творило* означало вместилище вообще, причем разного устройства, свидетельствуют другие тексты:

Есть ли разсудитъ быть за благо смоліть веревки въ нітяхъ, тогда повіненъ тщаніе имѣть чтобъ смола не очень была гаряча, а какъ положатся въ *творіло*, и ихъ тогда надобно такъ давіть, чтобы изъ лішнеи смолы въ ніхъ ни мало не осталось (Устав о войсках морских Людовика XIV, 1715, с. 306);

...и непрестанутъ собирая и тиская дондеже весь сокъ виноградной соберутъ въ *творило* тое, и сотворятъ его вскиснути и учнетъ ходити и кипѣти само о себѣ аки отъ огня паляща многи дни, и станетъ вино ново и благоуханно и сладко вельми, таже отворяютъ на исподи *творила* ключъ и испущаютъ вино желобами въ погребъ въ бочки, и тамо его заключитъ твердо: и елико долѣе стоитъ толико творится пьянѣе и силнѣе (Дамаскин, Афон. гора и Солов. монастырь, с. 82); ...иніи же въ монастырѣ топчутъ босыми ногами по гроздяхъ и истискаютъ сокъ въ великое на то устроенное *творило*... (там же);

На томъ же дворѣ сдѣлан великій каменный погребѣ, въ томъ погребу сдѣлано великое *творило* каменное, и въ то *творило* изъ-за стѣны льютъ виноградное красное вино... (Путешествие П.А. Толстого, 1697–1699. Р. Архив, кн. I, 1888, с. 350);

Въ палатѣ устроены два *творила* немалыя каменныя, и въ одно изъ тѣхъ *творилъ* та горячая вода пущена, а въ другое *творило* пущена студеная вода, и изъ *творила* въ *творило* сдѣланы трубы, гдѣ тѣ воды, горячая и студеная проходить могутъ и мѣшаться, чтобъ въ тѣхъ *творилахъ* могли мытися люди... (там же, с. 363).

Слово сохраняет и значение 'форма (для производства сыра)': Ecliff, a former le fromage. Ein Kasselform, Kassenapf. Forma casearia. Сырное *творило*, изразецъ: в которомъ сыръ дѣлаютъ (Лекс. Волчк. 1755, ч. I, с. 794); ...сыры надобно въ *творилы* положить, чтобъ вода изъ нихъ вытекла. чтобъ обсохли (там же, с. 812).

Слово отмечено также в качестве названия детали кулемы – западни на медведя: Въ ямину кладутъ притраву, и привязываютъ ее къ язычку. Медведь, услыша духъ притравы, приходитъ къ куліомѣ и ...съ ревомъ влазитъ подъ куліому и деретъ землю лапами, подвигаяся всегда ползкомъ къ притравѣ, которую зацепивъ тянетъ и чрезъ то сторожокъ срывается и *творило* опустясь съ высоты пришибаетъ его въ ямѣ (Лепех. Путеш., ч. I, 1771, с. 32).

В.И. Даль приводит слово *творило* (в сл. ст. *творить*) без локальных помет в значениях: 'сосуд, в коем что либо расторяется', особ. 'ящик, или обшитая досками яма, в коей разводят известь на воде с песком' // 'вешняк, мельничный затвор, заставка, подъемный заслон, для удержанья и спуска воды, по надобности, в запруде'. Кроме того с пометами: Вост. 'раструб, отверстие верши, морды'; Ярс. 'западня, затвор, лаз в подполье, в погреб, на чердак; подъемная дверь'; Арх. 'деревянный крест под ушат с водою'.

В словарях литературного языка слово отражено в значениях, которые были ему, видимо, искони присущи: 'сосуд, в к-ром что-н. растворяется' (Сл. Ушакова); 'ящик или выложенная досками яма для творения, гашения извести' (с пометой *спец.*СРЯ–IV); 'отверстие, лаз (в яму, погреб и т.п.)' (с пометой *обл.* СРЯ–IV, без пометы Сл. Уш.); 'подъемная дверца, заслон, закрывающий отверстие в чем-н., вход куда-н.' (с той же пометой СРЯ–IV, без пометы Сл. Уш.).

Если теперь вернуться к значениям, которым посвящено данное исследование, надо, видимо, предположить две возможности их возникновения. Первую возможность можно связывать с основанием дома – самой жилой постройки, для которой обычно в тех местах наличие углубленности в землю подполья (возможно, что выложенного по стенкам досками или бревнами). Возможен переход значения на все наиболее освоенное человеком пространство. Вторую возможность мы связываем с предположением о необходимости обязательно огораживать пространство усадьбы, изолировать в целях зищиты от диких зверей. Принимая во внимание мотивированность таких названий как *печина, печище, двор* и однокоренные, любой из этих переходов значений возможен. Частое сосуществование со словами, для которых характерны другие мотивировочные признаки, возможно, свидетельствует о том, что участки земли различались когда-то по степени освоенности, по характеру использования и по другим признакам. К такому же типу относятся и слова с корнем *-город-* в пространственных значениях.

Слова *огород, огородец, загорода*

В рассматриваемых значениях каждое из этих слов распространено сравнительно слабо, причем они обнаруживают разную степень локализованности.

Огород слово известное во многих, в большинстве случаев отдельных, расположенных далеко друг от друга ЧДС. В наименьшей степени оно в этих значениях характерно для западной зоны. Слово широко распространено в русских говорах в таких значениях, как 'изгородь вообще или определенного (того или иного) вида' (северо-восточная зона), 'место, на котором находятся грядки с овощами и сами посадки на грядках' и др. (См. ДАРЯ, вып. 1, карта 36). Спорадичность распространения в рассматриваемых пространственных значениях является закономерной, поскольку закономерно, хотя и не обязательно, семантическое изменение 'изгородь' → 'огороженное пространство' (и далее → 'пространство и то, что на нем находится').

Словом *огород* часто называют приусадебный участок, место, на котором находятся посадки. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры на разные парадигмы с участием различных слов, которые приводились выше. В некоторых говорах слово многозначно, например: (Вопрос 141). Особого названия для места, где находится дом со всеми пристройками, нет: говорят просто земля или участок земли. *Огород* – участок земли недалеко от дома, где посажен картофель. Садов фруктовых нет. *Садом* называют участок земли, где посажены овощи: лук, морковка и т.д. (Вопрос 151): Сад около дома огораживают тыном; деревню, поле огораживают *огородом* / из горизонтальных жердей / (д. Опариха Сямжен. Волог. обл.; см. также м-л по д. Полозово

Междуречен. Волог. обл., д. Починок Буй. Костр. обл. – ИРЯЗ, Архив ДАРЯ, №№ С. 826, 951, 1080 и др.).

По данным СРНГ (вып. 22) слово *огород* в значении 'место, где находится жилой дом с хозяйственными постройками, сад, огород и т.п.' известно в Калин., Новг., Перм., Иркут. областях, в Междуречье Оки и Клязьмы; в значении 'приусадебный участок' – в Калин., Влад., Ряз., Курск. и некоторых других областях.

В значении 'изгородь' слово *огород*, по данным СРНГ (как и по картам ДАРЯ) распространено очень последовательно в северо-восточной зоне, а кроме того на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. В подавляющем большинстве ответов на "Программу" ДАРЯ и в ремарках словарной статьи СРНГ говорится об изгороди из горизонтальных жердей, прикрепленных к кольям в отличие от изгороди из заплетенных между жердями или прикрепленных к жердям прутьев или кольев (часто называемой на северо-востоке *тыном*). Но слово *огород* может относиться и к изгородям других типов[29]. По данным СРНГ оно может употребляться также в значении 'перегородка, разделяющая крытый двор для помещения разных видов скота', 'участок земли, на котором выращивают овощи (и фрукты)', в некоторых переносных значениях.

В ДРС первым приводится значение 'ограда, изгородь, забор', отмеченное в Лаврентьевской летописи и других источниках; второе значение – 'огороженный участок земли; часть усадьбы, земельный участок определенного назначения', в том числе и 'для выращивания овощей' и 'фруктовый сад, виноградник' также отмечено уже в древнейших памятниках. Третье – 'место для отдыха, увеселений, сад, парк'.

Таким образом, мы видим, что пространственное значение присуще было слову *огород* искони, а характер его распространения в современных говорах обусловлен в значительной мере наличием большого количества новообразований, которые специально обозначали участки земли, связанные с крестьянской усадьбой. Вместе с тем показательно, что, например, в памятниках Белозерья слово *огород* в значении 'участок вблизи дома под овощами' появляется только в XVI в., причем, как считает Ю.И. Чайкина [1975], оно было характерно там для письменной речи, но не свойственно устной. Причину этого Ю.И. Чайкина видит во влиянии языка московских канцелярий: слово *огород* в указанном значении употребляется чаще в документах Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей и г. Белаозера – тех центров, которые экономически и административно были более тесно связаны с Москвой и центральными уездами.

В словарях литературного языка зафиксированы значения 'участок земли, на котором выращивают овощи' (СРЯ, Сл. Уш.). 'изгородь' (СРЯ). Видимо, там, где слово *огород* не означает изгородь и не

[29] Структуре диалектного различия в названиях изгородей посвящено исследование В.Е. Гольдина [1968].

относится специально к рассматриваемым ЛСГ, к одной из двух (I или III) позиций наиболее часто встречающихся парадигм, он также означает участок земли. Но такой участок мыслится вне этого набора именуемых объектов, возможно, и находится в другом месте, а слово *огород* имеет значение, совпадающее с первым из значений, приводимых в словарях литературного языка или означает огороженное место другого назначения (например, для скота – при доме или в поле).

Огородец – слово, локализованное в пределах северо-восточной зоны многочисленными, большей частью мелкими ареалами, преимущественно в говорах вологодской группы северного наречия, где оно чаще означает приусадебный участок, но встречается и в значении 'весь участок'. Возможно, что слово *огородец* – деминутив от *огород* – возникло в рассматриваемых значениях для дифференциации звуковой формы от производящего на почве семантического отталкивания – устранения многозначности слова *огород*, означающего изгородь определенного вида (дд. Пайтово Вель. Арх. обл. Митино и Сысоево Бабушкин. Волог. обл. и др.). В значении 'изгородь' оно также изредка встречается, но в таких случаях оно не означает 'участок земли' (дд. Шатенево Кичменгско-Городец. и Папино Верховаж. Волог. обл., д. Васильево Солигалич. Костр. обл., с. Сенино Рослятин. Волог. обл.).

В СРНГ первым приведено значение 'изгородь' (по данным Пск., Копаневич Пск., 1928. Вост. Мар. АССР, Южн. р-ны Краснояр.). Второе значение – 'огороженное место для скота' (без указ. места). Третье – 'приусадебный участок (обычно обнесенный изгородью)' (Волог., Аверкиев, 1941; Арх. Костр. Киров.). Четвертое – 'участок земли, на котором выращивают овощи' (Шенк. Арх., 1898; Арх. Волог., Сев.-Двин.; Ленингр. Вят., Киров. Перм. Тюмен. ...), т.е. слово *огородец* почти совпадает со словом *огород* в его основных значениях.

В ДРС приводится в качестве уменьшительного к *огород* в значении 2 'огороженный участок земли...', из чего следует, что все перечисленные номинативные значения, в том числе и значения 'приусадебный участок' или 'весь участок под домом, хозяйственными постройками, огородом', являются вторичными, местными новообразованиями.

Загорода (большей частью с ударением на префиксе – *за́города*) локализовано в верховьях р. Ваги (основной ареал примыкает с юго-запада), к скверу от г. Бежецка (небольшой ареал и единичные нас. п.), в единичных ЧДС к северу и востоку от Рыбинского водохранилища. Во многих случаях оно означает участок, где сажают овощи при отсутствии названия всего участка (верховья Ваги).

Это слово в говорах также образует семантическое диалектное различие, локализуясь в одном из значений: 'огороженное место для скота (при доме или во дворе, хлеве)' – на северо-западе (в частности, в ладого-тихвинской группе северного наречия), к юго-западу от Ры-

бинского водохранилища, на востоке среднерусских говоров; в значении 'изгородь' *загорода* образует ареалы на юге белозерско-бежецких говоров и в западной части костромской группы северного наречия, в горьковской подгруппе Владимиро-поволжской группы восточных среднерусских говоров.

По данным СРНГ слово *загорода* в значении 'огород' отмечено в Архангельской, Вологодской, Новгородской и Ярославской областях; в значении 'огороженное место для скота' – по данным XIX века (Самар., Архив РГО, 1854; Арзамас. Нижегор.; Яросл., 1820; Тобол., Маляревский; Смол., 1853). В значении 'всякое огороженное место' – без указания места (Слов. Акад. 1847; Даль), а также Ср. Урал, 1964; Тунк. Бурят. АССР. В значении 'изгородь' слово приводится Далем без указания места, но остальные источники СРНГ все снабжены таким указанием (*за́города* – Черепов. Волог., 1906; Яросл. Арх.; Ср. Урал; Том.; *загоро́да* – Вязем. Смол., 1927; Жиздр., Калуж. *загорода* Моск. Арх.).

Ю.И. Чайкина [1975] отмечает, что слово *загорода* фиксируется в памятниках Белозерья начиная с XVII в.; причем оно характерно для текстов, в которых отражена живая разговорная речь, в значении 'вспаханный участок вблизи дома под посадку овощей'.

По данным ДРС *загорода* употреблялось в значениях 'ограда, изгородь' и 'огороженное место'. В СЛЯ слово приводится с пометами *устар.* и *обл.* в значениях: 1. Изгородь, забор, 2. Место, обнесенное изгородью. СРНГ и материал ДАРЯ свидетельствуют о том, что многие слова – производные этого корня – широко распространены и отмечены в вариантах по признаку ударения и по принадлежности к мужскому и женскому родам (*огоро́д – огоро́да, за́горо́д – за́горо́да* и т.п.), деминутивы функционируют уже как самостоятельные номинативные единицы. Например, по материалам ДАРЯ в значении 'изгородь (любая или определенного вида)' выявлено несколько слов и комплексов близких по звуковой форме лексических единиц, которые довольно четко выделяют отдельные территории: *згоро́да, азгоро́да, узгоро́да, изгоро́да, загоро́да – за́города* (см. выше), *огоро́да* – северо-западная зона, включая Смоленщину, причем отдельные слова (варианты) четко локализованы. *Загоро́дка, изго́родка, узгоро́дка, згоро́дка* – говоры вокруг Москвы и к югу до Стар. Оскола. *Горо́жа* – юго-запад; *городьба́* – юго-восточная зона. *За́городь* (вокруг Владимира), *и́згородь* (без определенной локализации). Отмечено еще и большое количество малораспространенных и единичных образований, например, *горо́жево, городня́, у́згородь, горо́дь, угоро́дь, изгоро́жа* и мн. др. Как видим, не во всех случаях осуществился семантический сдвиг 'изгородь' → 'огороженное пространство'. Спорадичность слов с корнем *-город-* в пространственном значении, возможно, связано с тем, что семантика корня соотносится с вполне определенным действием, а семантика основы имен в большинстве случаев указывает на результат действия, что и осознается в первую очередь.

Заимствованные слова: *план, грунт, номер*

План. Заметное распространение в русских говорах получило слово *план / плант*. Ареалы этого слова, расположенные преимущественно в северной половине картографированной территории, различные по величине, наблюдаются в разных говорах. Наиболее значителен ареал к западу и северо-западу от Москвы (районы Верхней Волги, канала Москва-Волга и р. Москвы). В большей части говоров этого ареала слово *план / плант* имеет значение 'весь участок' (особенно в районе г. Ржева в варианте *план*). Здесь же во многих говорах слово (в обоих вариантах) имеет значение 'место под домом и хозяйственными постройками' (слово *усадьба* в этих говорах чаще означает 'место под посадками').

Из нескольких ареалов, характерных для северо-западной зоны, самый крупный очерчивает ядро гдовской группы и примыкающую часть новгородских говоров. Здесь слово в варианте *план* обычно имеет значение 'весь участок', как и в небольших ареалах, расположенных южнее и севернее, и в ареале к востоку от оз. Селигер (плант). В нескольких случаях оно выступает в значении 'место под посадками': в двучленной парадигме, в которой значение 'весь участок' имеет слово *усадьба* (д. Заборожки Сланц. Лен. обл., д. Кануновщина Гдов. Псков. обл.) или в двучленной же парадигме в сосуществовании со словом *усадьба* в том же значении и словом *сдворок* в значении 'место под домом и хозяйственными постройками (д. Кремено Оредеж. Лен. обл.); в трехчленной парадигме, в которой весь участок называется *сдворком*, а место под домом и постройками – *усадьбой* (д. Глушица Чудов. Новгород. обл.).

В значении 'весь участок' при отсутствии названий его частей вариант *план* отмечен в южной части белозерско-бежецких и в лачских межзональных говорах, в верховьях р. р. Унжи и Юга. В этом последнем ареале слово отмечено и в составе разных ЛСГ в парадигмах разной структуры, в разных позициях: в значении 'весь участок' в трехчленной парадигме, в которой место под домом и хозяйственными постройками называют словом *усадьба*, а место под посадками – *огородцем* (с. Сидорово Никольск. Волог. обл.); в двучленной парадигме, в которой позицию III 'место под посадками' занимают два слова: *усадьба* и *огородец* (с. Старина Никольск. Волог. обл.).

В значении 'место под домом и хозяйственными постройками' *план* отмечено в двучленной парадигме, в которой названиями всего участка служат слова *усадьба* и *осырок* (Рябиновский Починок Вохом. Костр. обл.); в значении 'место под посадками' – в двучленной же парадигме, в которой весь участок называется словом *дворина* (д. Вороново Никольск. Волог. обл.).

Ареалы вариантов *план / плант* (иногда в сосуществовании) отмечены на востоке восточных среднерусских говоров – к востоку от г.г. Чебоксары и Алатырь – в значении 'весь участок'.

В пределах южного наречия слово отмечено в немногих единичных ЧДС, далеко отстоящих одна от другой, всегда в значении 'весь участок'.

В КСРНГ есть данные, убедительно подтверждающие ареалы слова *план*, причем кроме значений 'весь участок' (многие районы Калин. обл., ряд р-онов Новг., Смол. и Моск. обл., а также II, 1430, Парфеново Котельн. Киров., 1940[е]; II, 1183, Медян. Киров. Прозорова, 1955; II, 1220, Сыктывд. Коми АССР, Сергеенко, 1968; II, 1160, Кедабек, Азерб. ССР, Кац, 1963), 'участок под домом и хозяйственными постройками' (II, 1409, д. Нивы Молоков. Калин., 1938; II, 1393 г. Конаково Калин., 1940; д. Сухая Орча Молодотуд. Калин., 1940; II, 1430, Ивакино, Котельн. Киров., 1940[е] гг.; II, 43, Медян. Киров., Прозорова, 1952–54; II, 1323, д. Ещево Овинищ., Калин., 1946; I, 32, д. Федотеево Междуреч. Волог., Доброумов, 1942; I, 1293, Мурман., Меркурьев, 1979; II, 1160, Кадабек, Азерб. ССР, Кац, 1963; II, 1494, Ср. и Нижн. теч. р. Урал, Малеча, 1976; II, 1090, Медвежьегорск. КАССР, 1970) 'участок под посадками' (II, 700, Борович. и смежн. р. Новг. XX в., Поршняков, 1965; II, 1506, д. Залесье Устюжен. Волог., Малькова, 1977; II, 1103, д. Горка Каргоп. Арх., 1971; II, 1040, Стариц. Калин., Флоровская, 1955; II, 303 ст. Кирнильская Усть-Лабин. Краснодар. кр.), также в значениях 'земельный участок с домом' (I, 808, Рост.-Сузд., Мельниченко, 1964; II. 1253, д. Городок Болог. Калинин., 1940; II, 941, Бакачино Старорусск. Новг., 1946; II. 2052, Новорос., 1968; II, 1002, Тузл. Измаил. Нелюбова, 1950–52; I, 1284, Басс. Ср. течения р. Оби, 1975), 'огород' (II, 921, Клавдино Бабаев. Волог., Меркурьев, 1954; II, 1429, Халтур. Киров. 1940).

Для этой группы значений по КСРНГ самую старую фиксацию находим во Втором Доп., составленном Покровским и Яценко: *планъ*. Мѣсто, отведенное подъ усадьбу. Кубан. (см. также II, 127, Гдов. Петрогр., 1915, 1916: *план* 'усадебная оседлость'). Любопытна ремарка: *Планом* называется после землеустройства (1928 г.) место, где находится дом, хоз. постройка и т.п. (II, 1340, с. Лекма Весьегон. Калин, 1936-38). Отмечены также значения: 'ряд домов по одной стороне улицы' (II, 1013, Ряз., Руделев, 1955–58; I, 1284, Басс. Ср. течения р. Оби, 1975); 'земля, принадлежащая одному колхозу' (II, 1125, с. Никольское и Заднее, д. Богословка Усть-Кубин. Волог., 1939–1941).

Слово *план* вошло в русский язык к XVIII в. и отражено уже в Лексиконе вокабулам новым (начало XVIII в.). В источниках первой четверти XVIII в. слово встречается в разных написаниях – *планъ,плянъ, плантъ*[30]. Въ 30 день Ноября... былъ фейверокъ и

[30] Слово *план* происходит от франц. plan < лат. planta "подошва, очертание". Фасмер (III) предполагает польский или немецкий источник заимствования. Можно предполагать по неустановленности написаний и непосредственное заимствование – при переводах иностранных авторов. В Словаре Срезневского приводится слово *план*, существовавшее в древнерусском языке в значении *плен*. Оно, видимо, связано с полногласной формой *полон*. Любопытно, что оно отмечено в тех же двух вариантах *плантъ* / *планъ*.

горѣли 3 *плана*, изъ которых только одинъ горѣлъ хорошо: орелъ, на которомъ было подписано: "Виватъ оборона Лифляндіи", и нѣсколько пущали ракетъ (СК–XIII, Походн. журн., II, СПб., 1854, 1711, с. 40); ... послалъ я до твоего царского пресвѣтлого величества *плянъ* города Торопца, въ которомъ чертежъ написанъ именно, а оной чертежъ у Алекѣя Макарьева; а съ того *пляну* отъ полигону внутрь него возможно строить городовую стѣну и роскаты aus wendig (СК–XVIII, ПБП, VII, 2; К. фон Скарбен – Петру I, 1708); Онъ / грыдоровальщик Зубов / теперь надъ *плантами* работаетъ, а когда они всѣ въ готовности будут, то будетъ онъ, вмѣстѣ съ прочими, надъ ландкартами трудитися (СК–XVIII, Мат. для ист. АН, № 586, 1728).

Значения в приведенных примерах кажутся не тождественными и лишь во втором примере нам представляется, что значение вполне понятно. Однако они здесь, видимо, могут быть сближены по признаку 'плоское изображение', хотя в одних случаях речь идет о художественном произведении, а в других о чертежах определенного вида. Более отчетливо первое значение определяется из контекстов: Потомъ по правой сторонѣ того храма стоящій *планъ* или щитъ зажженъ, которой Правду представлялъ, въ одной рукѣ вѣсы, а въ другой мечъ держащую, на двѣ фуріи наступающую... (СК–XVIII, ПСЗ, VI, № 3840, 1721, с. 448, Реляция о закл. Нейшт. мира); На одной сторонѣ главного щита стоящей *планъ* показовалъ взятіе Очакова съ подписью Храбрымъ завоеваніемъ. А на другой сторонѣ обретающейся *планъ* представлялъ защищеніе сея крѣпости (СК–XVIII, СПб. вед., 1738, с. 71). Слово употреблялось в этом значении и позднее: ...открытъ былъ фейерверкъ, а по томъ зажженъ *планъ* ... *Планъ* представлялъ храмъ... (СК–XVIII, Приб. к № 4 Спб. вед., 1780) и др.

В ряде случаев в источниках первой четверти XVIII в. слово употреблено в контекстах, свидетельствующих о значении 'условия заключения мира', 'мирный договор': Г. Прайоръ, посланный министръ изъ Англіи во Францію тому двору предложилъ тотъ же *плянъ* о мирѣ, каковъ здѣсь объявилъ своимъ предложеніемъ милордъ Страффордъ (СК–XVIII, П. Куракин – Г. Головкину. 1712. Арх. Куракина VI, с. 135); Содержаніе того мирнаго *пляна* не въ той равной силѣ, каковъ мнѣ отъ двора сообщенъ (там же, VII, с. 54, 1713 г.) и др.

В лексикографических трудах XVIII в. приводятся определения значения слова, свидетельствующие о том, что разными авторами оно понималось не вполне тождественно, причем речь шла в ранних словарях лишь об одном значении:

Планъ есть чертежъ строенія въ шіріну и въ дліну (СК–XVIII, Терм. форт., 1724, с. 21 / Франц. Plan См. имена при атаке, с. 38/);

Планъ, или плоская поверхность (СК–XVIII, Мордв. Кн. о навиг. I, 1748, 5);

Планъ. Рисунокъ мѣста (СК–XVIII, Сл. иностр. слов, 1769);

Планъ, чертежъ, плоскость (СК–XVIII, ПК, 404, 4[e] изд. 1790).

Только в академическом словаре слово план приведено в двух значениях, в которых оно стало употребляться постоянно: *Планъ*, на, с.м. Франц. 1) Чертежъ. Начертить *планъ* для какаго строенія. Снять *планъ* съ крѣпости. 2) * См.: Предначертаніе. Сдѣлать *планъ* какому сочиненію, трагедіи (САР, IV). Видимо, то значение, которое связано было со щитами и художественными произведениями на них, отражавшими победы в войнах, ко времени составления этого словаря уже устарело.

Значение 'предначертание' было во второй половине XVIII в. употребительным в произведениях разных жанров, у разных авторов: Работать соединенными силами, съ однимъ намѣреніемъ, по лучшему *плану*, есть предметъ всѣхъ Академій (СК–XVIII, Карамз., ПРП, 1790, ч. V, с. 153); Найденъ токмо между письмами его *планъ* сего сочиненія, которой напечатанъ въ Лондонѣ... (Изв. о Учен. делах. Ежем. Соч. 1763, IV, с. 380–381) и мн. др.

Что касается значения 'чертеж', то в XVIII в. слово *план* не сразу конкретизировалось именно в том современном значении, которое отличает его от слов *фасад* и *разрез*. Наряду с таким его употреблением: ... Архитектор... должен... имеющее в мысли здание разными рисунками изобразить как в *планах*, фатгатах и профилях... (СК–XVIII, Должность Архит. Эксп. гл. V. Архит. Арх. 1946, с. 27) было возможно и такое; Микель–Ангело был весьма в ней [рисовальной науке] искусен, когда он сочинил *план* фасада и дома святого Петра (СК–XVIII, Д.А. Голицын. О пользе, славе и пр. художеств, 1766. ИЭ ПМЭМ, II, с. 766).

Такую конкретизацию находим в переводных архитектурных сочинениях: ...*планъ*, то есть плоской чертежъ (СК–XVIII, Витрувий. Об архитектуре. Перев. с франц. Баженова, 1790, I, 72); Онъ [архитектор] долженъ умѣть рисовать, ибо ему надобно дѣлать *планы* и фасады, то есть поземные и личные чертежи своего строенія (СК–XVIII, Сокращ. Витрувий [перев. Каржавина], 1789, с. 9); Ихнографія, то есть *планъ* Геометрильной, или по Руски плоскость землѣ мѣрная... (там же, с. 14).

В XVIII в. стали широко проводиться землемерные работы, составление топографических карт и планов помещичьих владений и вообще всяких угодий: Сей порядок учения, хотя и прерыван был почти ежедневными вотчинными и домовыми делами, однако продолжал я более году и не оставил бы продолжать и более, естли бы не принужден был ехать в деревни господ моих для снятия разных *планов* с пустошей и селений... (СК–XVIII, Показания Н. Смирнова, 1785; ИА, V, 1950); Какіе расходы произошли при межеваніи, кому сколько дано и что за *планъ* и за книги дано, прислать счета (СК–XVIII, В. Сувор. Приказ старосте, выборному и бурмистру 1780. Кузнец., Из переп. помещ. с крест.); По новому *плану* гдѣ были ямщики, туда переводятъ мѣщанъ и посадскихъ, приказывая строиться прямыми линѣями... (СК–XVIII, Зуев, Путеш. Зап. от СПБ до Херсона в 1781 и 1782 г., с. 29).

Проводились градостроительные работы, осуществлялась перепланировка городов: ...Оное мѣсто также очищено по генеральному *плану* въ площадь... (СК–XVIII, Рапорт Моск. управы благочиния Еропкину 1787. Р. Арх., 1864, с. 577).

Выше уже упоминался указ Петра I, в котором предлагалось в противопожарных целях избегать при всякой новой застройке деревень сплошной застройки (что широко практиковалось раньше) и соблюдать определенные расстояния между жилыми постройками и овинами. К указу прилагался "чертеж с мерами". В ряде последующих указов повторялись в основном предписания Петра I, но позднее появились некоторые другие варианты, а также были составлены альбомы с планами застройки крестьянских усадеб. Хотя перестройка деревень осуществлялась крайне медленно, но все же уже в XVIII в. в ряде губерний Российской империи существовали перестроенные деревни. Например, в Бежецком уезде в 80-х гг. XVIII в. было построено 13 деревень. Автор "Исторического и Топографического описания городов Московской губернии" (М., 1787) сравнивая застройку неперестроенных и перестроенных по новым планам деревень, отмечает, что в тех деревнях, кои по *планам* еще не перестроены, дворы сидят весьма тесно и без всякого порядка. Наличие значительных ареалов слова *план* к западу и северо-западу от Москвы, возможно, свидетельствует о том, что в этих местах перепланировка и застройка велась более интенсивно, чем в других местах. Строго по планам строились солдатские поселения, учрежденные Аракчеевым. Ареалы слова *план* на северо-западе, как и в Бежецком р-не Калининской обл., представляют собой также отражение этих перестроек деревень по новым планам. Скорее всего слово приобрело в некоторых говорах рассматриваемые значения в результате именно этих перепланировок и перестроек деревень, проводимых уже в XVIII в. и позднее, на протяжении всего последующего времени.

У Даля рассматриваемые значения не приводятся, как и в словарях литературного языка.

Грунт. Это слово, известное в двух небольших ареалах (по северо-западному побережью Чудского оз. и в районе г. Велиж), функционирует в них неодинаково. В ареале у Чудского оз. слово имеет значение 'весь участок' при отсутствии названий его частей. В ареале Велижского р-на слово *грунт* возможно в каждом из рассматриваемых значений, о чем уже говорилось (см. выше).

В СРНГ слово *грунт* в пространственных значениях отмечено всего по двум источникам: 1, в значении 'Разряды, сорта, на которые делят пашню' (Волог., Иваницкий, 1883–1889) и 2. 'Огород'. Мне отбили хороший *грунт* (Смол., 1958).

В ДРС слово *грунт* не отмечено, хотя в написании *Кгрунтъ* (м) в значении 'основаніе же есть подошва храмины каменыя' оно включено в рукописный Алфавит XVII в. (СК–XVIII, Алф. 446 XVII, 123), а в ДРС слово перечисляется среди тех, которые могут иметь написание с

начальным *кг* (вып. 7, 108). Фасмер, производя слово от немецкого *Grund* 'почва, основа' через польск. *grunt* указывает на первую фиксацию в источнике 1645 г. (Фасмер, I).

В СК–XVIII слово *грунт* представлено в нескольких значениях, в том числе и пространственных. В источниках оно может быть в значении 'почва'. Сіи крѣпости стоятъ съ малую милю отъ Азова, которыхъ низкой *грунтъ, когда вѣтръ* сильно изъ веста вѣетъ, водою заливаетъ (Журнал вице-адм. Крюйса, 1699, Зап. гидрогр. департ., VIII, 1850); ...Фундаме́нъ В землѝ [Е жели до́брои *гру́нтъ*, ка́къ Вы́ше о́пи́сано], два́ ра́за то́лще надлежит Быть стѣн. (Виньола, 1709, БЛН. Редк., 861 гр., с. 1), причем в некоторых более поздних источниках это значение передается словосочетанием *грунт земли*: ...Или мѣлъ или камень весь *грунтъ земли* до самого Лондона составляетъ такимъ образомъ, что земли на поверхности на аршинъ не будетъ (Дашк. Пут. по Анг. Опыт тр. В.Р.С., 1775, II, 144); 'почва дна водоема': Во всѣхъ мѣстахъ якорныхъ долженъ знать *грунтъ*, гдѣ карабль его станетъ на якорь..., а въ редахъ не знакомыхъ долженъ знать каковъ *грунтъ*, въ разстояніи двухъ канатовъ отъ карабля во всѣ стороны, вымѣрявъ всюду лотомъ на шлюпкахъ (Устав о войсках морских Людовика XIV, 1715, с. 25) и др. примеры.

В ряде источников слово *грунт* употреблено в значении 'покрытие (холста, картона и др.) маслом или краской под живопись, золочение': Золотарного / дела мастер / – должен знать такожде в составлении разных *грунтов* силу, почему имеет золотить по дереву, кости, камню, железу, по полотну, тафте и протчая... (Должность Архит. Эксп. ч. VII. Архит. Арх. 1946, с. 37); Пунктировать въ мокротѣ т.е. чтобы пунктировка *на грунтъ*, на которомъ пунктируется, равно какъ бы терялась (Наст. в мин. жив., 1765, 19). Встречается и переносное употребление: *Грунт вольности* она /любовь/, *грунт мудрости* всея, Не сущее, но тень доброта без нея (Тредиак. Феоптия. Эпист. III, 1754. Избр. 1963, с. 249).

В словарях слово *грунт* определяется неоднозначно: *Грунтъ*, ѡснова, βαϛις, fundamentum, solum, fundatio (Поликарп. Лекс. 1704);... Couch... Первое рисованіе, Первѣйшее наведеніе красками /*грундъ*/ (Лекс. Волчк. 1785, ч. 1, с. 369); *Грундъ*, основа, подошва (Курган. Письмовник, 4 изд. 1790, с. 229 – словарь); *Грунтъ*, та, с. м. *Н*ѣм. Зри. Материкъ, или дно. *Грунтъ* песчаной (САР, II, с. 385); *Грунтъ* Нѣм. 1) земляная пошва, природной кряжъ земли; земля ненасыпная, ненаносная, материкъ, дно. 2) Основа какой матеріи шелковой. 3) У живописцевъ такъ называется первая краска, которая на какую либо плоскость наводится; поле картины. 4) Въ Малороссіи: дача, помѣстье, владеніе (Ян. I, 647, 1803).

Это последнее значение и связанные с ним представлены в ряде источников, видимо, относящихся к западным землям. В самом раннем из имеющихся контекстов есть и дополнительный текст, разъясняющий

содержание понятия, переданного словом *грунт*: О имѣніяхъ казацкихъ, которые свои власные *грунты* имѣютъ вѣчные отеческіе... Се есть поля, лѣса, сѣнные покосы, пруды, мельницы и иные всякіе пожитки... (СГГД ч. IV, 240[2], Глуховские статьи, 1669); В других случаях слово *грунт* оказывается в перечислении угодий, что свидетельствует не об общем, а о частных значениях, которые трудно определить с достоверностью, но которые все же отчасти выявляются отграничением других угодий. Засѣки... съ великою нѣкоторымъ Рѣчи посполитой жителямъ учинены обидою, понеже лѣса вырублены, *грунта* и села заняты... (Польское посольство, 1707, ПБП, V, с. 491); ...Такожъ *грунтовъ*, земель, мельницъ и всякихъ угодій и заводовъ покупать... запрещено (Подл. мн. деп., № 1, С, РИО, т. 36, 167); Онымъ же Магистратамъ смотрѣть, чтобъ каждый довольствовался отведенными ему границами своего дома, огородного мѣста и *грунта*... (ПСЗ, XVII, 1766, № 12636, с. 676. Полиц. уст. герц. Лифл.).

Как видим, в одном случае слово *грунт* может быть истолковано в противопоставлении словам земля, мельница и каким-то, названным всякими угодьями и заводами; в другом – в противопоставлении словам лес и село (?), в третьем – названным своим домом и огородным местом.

В источниках СК–XVIII наблюдаются также и такие употребления, из которых можно понимать, что слово *грунт* означает 'поместье, с которого кормятся служилые люди, называемые казаками':

...Не безъизвѣстно Ея Императорскому Величеству, что гетманъ цѣлые городы, также и деревни, въ вѣчное и потомственное владѣніе собою безъ указу раздаетъ, а владѣльцы при томъ и у служилыхъ казаковъ принадлежащіе имъ *грунты* отнимаютъ, отчего казаковъ передъ прежнимъ весьма умалилось... (Дн. докладов Колл. иностр. дел. 1754. Арх. Вор. VII, с. 338); Если судъ имѣетъ указъ коллегіи (малороссійской), чтобъ не утверждать продажи *казачихъ грунтовъ*, съ которыхъ они войсковую службу отправляютъ, то сіе обстоятельство разрѣшить не трудно бы, вопроса продавцевъ – из сего ли острова или лѣсу они всю свою должность несли? (Письмо гр. П.А. Румянцева И.А. Бахчевскому 11 апр. 1771, Р.С., 1876, XV, 212). По этому тексту видно, что в составе *грунта* здесь может быть и лес, и еще какое-то угодье, называемое островом.

В других случаях можно понять, что речь идет о земле:

Въ войсковыхъ свободныхъ селахъ и во владѣльческихъ местностяхъ, ежели казакъ *грунт* свой кому продастъ и самъ паки на немъ будетъ жить, тотъ всякія по пропорціи имѣній своихъ посполитые повинности отдавать и чинить долженъ, а которые подданные, продавъ свой *грунтъ*, съ нихъ сойдутъ, а другіе на ихъ мѣстахъ жить станутъ и тѣми *грунтами* владѣть будутъ, тѣ такожде отдаютъ по пропорціи своихъ имѣній повинности, какъ и другіе владѣльческіе подданные (ПСЗ, IX, № 6614, 397, 1734);

...А въ корпусъ къ генералу фельдмаршалу кавалеру графу Борису Петровичу Шереметьеву изъ Смоленска ихъ [Смоленский полк] нанѣ

не высылать, и вмѣсто жалованья довольствоваться имъ по прежнему съ помѣстныхъ дачь изъ *грунтовъ* своихъ... (ПСЗ V, № 2699, с. 48, 1713);

Правящій Генералъ-Рекетмейстера должность, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Герский представилъ апелляціонную челобитную... о приключенныхъ отъ него имъ Храмцовымъ на собственныхъ ихъ *казачьихъ грунтахъ* при селѣ Соловѣ состоящихъ, обидахъ... (ПСЗ, т. 22, с. 233, № 16076; 1784); Ни кто изъ людей простаго стану, ...стану и герба Шляхетскаго себѣ присвоивать и оныхъ никакимъ образомъ употреблять и владѣть имѣніями и *грунтами шляхетскими* не имѣетъ;... (ПСЗ, XXII, № 15907, с. 9, 1784) и др.

В словаре Даля слово *грунт* в интересующих нас значениях отсутствует, в словарях литературного языка – тоже.

Описанные нами ареалы представляют сохранение заимствованного в XVII–XVIII вв. слова *грунт* в новом качестве названия места, на котором находятся дом, хозяйственные постройки, огород, сад, или отдельных его частей.

Номер. Это слово отмечено кое-где на севере в немногих разрозненных нас.п.п. В значении 'весь участок' оно возможно при отсутствии названии его частей (д. Веригинская Устьян. Арх. обл.; в сосуществовании со словом *усадьба* в том же значении – д. Павловское Котлас. Арх. обл.).

В том же значении слово *номер* отмечено в парадигмах:

в д. Николаевке Конош. Арх. обл., где место, на котором находится дом с хозяйственными постройками, называется словом *дворище*;

в д. Слободчиково Усть-Алексеев. Волог. обл., где место под посадками называется *огородец* или *усадьба*;

в д. Поляково Бежец. Калин. обл. наряду со словами *усадьба* в том же значении и в значении 'место под посадками';

в д. Песчанка Сольвычегод. Арх. обл., где слово *номер* выступает в значении 'весь участок' в сосуществовании со словом *одворица*, а слово *усадьба* означает 'место под посадками'.

В двучленной парадигме в говоре д. Кулига Краснобор. Арх. обл. при отсутствии названия всего участка слово *номер* означает 'место под домом и хозяйственными постройками', слово *усадьба* – 'место под посадками'.

В СРНГ значение 'участок земли, отведенный под дом с надворными постройками' отмечено для Томской области (Том., 1964); в Соликам. Перм. значение проиллюстрировано контекстом: В тех *номерах* усадьбы маленьки, а раньше громадные были. В этом словаре приводятся и другие пространственные значения ('бо́льшая площадь земли на отшибе', 'участок земли, находящийся в индивидуальном пользовании').

В исторических источниках слово *номер* (*нумер*) появилось давно, но интересующие нас значения в ДРС не отмечены, хотя что-то близкое

имеем, видимо, в тексте:... а ныне тем усадом владеет Васька Семенов да Гараська Кирьянов, отдал им на новоприбылое тягло в *номер* (КДРС, Кн. переп. Мураш., 1671).

В письменности XVIII в. слово стало часто употребляться, поскольку стали нумеровать выпуски журналов, городские усадьбы, дома. Очевидно, и рассматриваемые значения возникли тогда, когда стали нумеровать постройки или участки на селе.

Единичные названия

Кроме рассмотренных выше слов, в материалах ДАРЯ приводится еще ряд слов, не образующих ареалов, отмеченных в 1–2 ответах. Охарактеризуем их в самых общих чертах, не производя никаких дополнительных разысканий (ввиду их большого количества и спорадичности в лингвистическом ландшафте).

Среди этих слов есть такие, которые, видимо, перешли в говор конкретного нас.п. в силу каких-то причин из старинных формул деловых документов, как, например, *старина, корень, гнездо.*

Другие близки к рассмотренным по семантике корня или суффикса, определившей возможность семантического сдвига. Таких слов большинство: *заполоски, полоса, площадь, позадки, поляна, полянка, пожня, лужок, конопляник, дольник, наделенье, попелище, избище, тын, тынок, огноек, угноек* ...

В каких-то случаях можно предполагать ситуативность их появления в качестве названия участка именно под крестьянской усадьбой. Но в основном просматриваются те же закономерности, что и для слов, образующих ареалы, например, *избище, попелище* как *печище, дворище*; *тын, тынок* как *огород, огородец; огноек, угноек* как *осырок;* переход с части на целое в таких словах, как *пожня, лужок, конопляник, полян(к)а*...

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать некоторые общие выводы.

1. Диалектное различие в названиях места под домом, хозяйственными постройками, огородом, (садом), (гумном) в том виде, в каком оно зафиксировано в середине XX в., складывалось на протяжении двух последних веков. Об этом свидетельствует наличие в его составе таких заимствованных слов, как *план* и *номер*, широкое распространение слова *усадьба*, малоупотребительного в исторических источниках, слов с вариантом корня *-сед-* (*оседлость* и др.), не нашедших в них никакого отражения, диалектное значение слова *поместье* и ряда других слов.

2. Само понятие 'место под домом, хозяйственными постройками, огородом, (садом), (гумном)', не являясь повсеместно выделенным языковым сознанием носителей диалектов, видимо, там, где оно выделено, не является изначальным. Об этом свидетельствует то, что многие исконно русские слова, которые в рассмотренном диалектном различии являются названиями всего участка, имели в древнерусском языке или в среднерусский период другие значения. Так, слова *удворина, ободворина, одворица, одворье, одворище, одворок*, возможно также *подворок*, судя по материалам, рассмотренным выше, и по исследованиям Ю.И. Чайкиной, [1975], известны были раньше (и это нашло отражение и в более поздних материалах) в значениях, связанных с пашенным земледелием и скотоводством: так называли ближайшие к дому особо ценные участки земли, на которых были либо пашня, либо луг, которые могли использоваться и как пастбища и как сенокосные угодья. То же самое относится к словам *огород* и *загорода* (восходящим к названиям изгородей отглагольного происхождения), *оселок, позем / позьмо, назем / назьмо, гумно* и однокоренным, *овинник* и *овинница*. В рассматриваемых значениях это были местные новообразования – одни более раннего, другие более позднего времени, как и ряд других, не отраженных в памятниках. К числу их можно отнести и единичные названия, такие, как *поляна, полянка, пожня, тын, тынок, огноек, угноек* и др.

Многие слова означали всю землю, даваемую кому-либо за службу, в качестве источника существования. Таковы *усад, усадьба, поместье*,

соотносившиеся с глаголами *усадить, испомещать*; возможно также *селина, селитьба.*

Наиболее древними названиями места под домом и хозяйственными постройками были, видимо, слова *двор* и *дворище*, хотя слово *двор*, вероятно, уже с самого возникновения в своем именном качестве имело комплексное значение 'огороженный участок земли со всеми находящимися на нем постройками' [Филин, 1949]. Тот факт, что слово *дворище* в некоторых памятниках старобелорусского языка относилось к сельской общине, возможно, отразился в наличии накоренного ударения *дво́рище* как в некоторых русских, так и территориально близких белорусских говорах (КСУМ), хотя в этих говорах значение только пространственное. Наше предположение связано с возможностью у суф. *-ищ-* еще и значения собирательности (ср. *скопище, сборище*; [Азарх, 1984]), что соответствовало бы понятию сельской общины как коллективного землевладельца. Достаточно древним, видимо, является в рассматриваемом значении и слово *печище*. Можно предположить, что и слово *печина* рано стало относиться ко всему участку под постройками двора, хотя в памятниках это не отражено.

Трудно сказать, когда именно в рассматриваемых значениях стали употребляться в говорах такие слова, как *осырок, гумно,* и однокоренные, связанные с древними представлениями и реалиями, и слово *творило*. Можно предполагать довольно позднее появление слов с вариантом корня *-сед-*, однако они достаточно органичны, поскольку имеют четкую локализацию и отражают фонетику соответствующих говоров.

3. Хотя того диалектного различия, которое зафиксировано в середине XX в., не существовало в старорусском языке, можно предположить, что некоторые слова, имеющие ограниченную территорию распространения, во-первых, участвовали в характеристике некоторых подразделений диалектного членения, которое намечено исследователями по данным памятников [Горшкова 1972; Чайкина 1975; Судаков 1988], а во-вторых, создавали предпосылки формирования описанного диалектного различия. Заметим, однако, что исследованный здесь по картотекам материал исторических источников дает возможность лишь в общих чертах наметить некоторые противопоставления, но не позволяет говорить о таких подразделениях, которые, например, устанавливает Ю.И. Чайкина, исследуя массовый материал белозерских, вологодских и некоторых других территорий.

В качестве одной из древних выделяется территория юго-востока включая нижегородскую землю[31]: в памятниках этих территорий,

[31] На карте "Диалектное членение русского языка XVI–XVII вв. (по лексическим данным)", составленной Г.В. Судаковым [1988], юго-восточная зона фактически показана без северной границы. Включение в эту зону части более северных территорий имеет, видимо, некоторые исторические обоснования [Шенников, 1987].

относящихся к среднерусскому периоду (см. [Чайкина 1975]), преобладает по сравнению с другими слово *усад* / *усада* при *усадище* в памятниках других территорий [Чайкина 1977]; слово *позем* в значении 'плодородный участок земли' также наиболее характерно для юго-восточной зоны, тогда как северо-запад и север характеризуют значения 'налог за землю' и 'аренда земли'.

Источники

Арх. Подв. – *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885

Вост. – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Ред. Р.И. Аванесов. М., 1957

Вост., Вступительные статьи – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы: Вступ. ст. и комм. / Ред. Р. И. Аванесов. М., 1957

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1–4

ДАРЯ – Диалектологический атлас русского языка (архив, хранится в Москве в Институте русского языка им В.В. Виноградова РАН)

ДАРЯ III – Диалектологический атлас русского языка. Центр европейской части СССР. Вып. III. Синтаксис. Лексика (в печати)

ДРС – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–1987. Вып. 1–13

Диал. словообр. – Диалектное словообразование. Томск, 1979

ДС – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.). М., 1969

ЖРКП – *Меркурьев И.С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979

Забайкалье – *Элшасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980

Зап. – Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы

КДРС – Картотека словаря русского языка XI–XVII вв. (хранится в Москве в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН)

КСРНГ – Картотека словаря русских народных говоров (хранится в Санкт-Петербурге в Институте лингвистических исследований РАН)

КССРЛЯ – Картотека словаря современного русского литературного языка (хранится там же)

КСУМ – Краёвы слоўнік Усходняй Магілеўшчыны. Мінск, 1970

Кузнецов 1915 – *Кузнецов И.Д.* Рыбопромышленный словарь. Пг., 1915

КЯОС – *Мельниченко Г.Г.* Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961

Мурзаев 1984 – *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984

НСО – Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979

Преображ. – *Преображенский А.* Этимологический словарь руского языка. М., 1910–1914

Приамур. – Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983

С. – Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы

СБГПЗБ – Слоунік беларускіх гаворак паўночка-заходняй Беларусі і пагранічча. Мінск, 1979–1984. Т. 1–4

С.-Зап. – Атлас русских говоров северо-западных областей СССР

СК–XVIII – Картотека Словаря русского языка XVIII в. (см. *Приложение*)

СКГ – Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972

Словарь Пушкина – Словарь языка Пушкина. М., 1956–1961. Т. I–IV

Словарь Ушакова – Толковый словарь русского языка / Ред. Ушаков Д.Н. М., 1935–1940

СРГК – Словарь русских говоров Кузбасса. Новосибирск, 1976

СРДГ – Словарь русских донских говоров. Ростов н/Д., 1975–1976

Срезневский – Материалы для словаря древнерусского языка. Петербург, 1893–1912. Т. 1–3

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., 1965–1987. Вып. 1–23

Ср. Оби. Доп. 1975 – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение). Томск, 1975. Ч. 1–2
СРЯ – Словарь русского языка / Ред. А.П. Евгеньева. М., 1981–1984. Т. 1–4
ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1950–1965
Стешкович 1972 – *Сцяшковіч Т.Ф.* Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972
ТС – Тураўскі слоўнік. Мінск, 1980–1984. Т. 1–3
Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4
ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / Ред. О.Н. Трубачев. М., 1974–1990. Вып. 1–16
Ю. – Атлас русских говоров центральных областей к югу от Москвы (рукопись хранится в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН)
Ю. Красноярск – Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968

Приложение

Картотека Словаря русского языка XVIII в.*

Арх. Куракина VI – Архив кн. Ф.А. Куракина (1661–1727) / Изд. под ред. М.И. Семевского. СПб., 1890–1902. Кн. 1–10

Болот., Зап. – Записки Андрея Тимофеевича Болотова 1738–1794. СПб., 1871. Т. 1–4.

Вейсм. Лекс. 1731 – *Вейсман Э.* Немецко-латинский и русский лексикон... СПб., 1731

Виньола, 1709, БАН. Редк. – Правило о пяти чинех архитектуры Якова Бароция де Вигнола. (Экз. БАН). М., 1709

Витрувий. Об архитектуре / Пер. с франц. Баженова, 1790, 1,72 – Марка Витрувия Полиона об архитектуре... С примеч. ... г. Перро. С фр. на рос. яз. ... пер. В. Баженова. СПб., 1790–1794, кн. 1–5

Геогр. 1719 – *Гюбнер И.* Земноводного круга краткое описание из старыя и новыя географии... Чрез Ягана Гибнера собраное / Пер. с нем. М., 1719

Дамаскин. Афон. гора и Солов. монастырь – *Дамаскин.* Сравнение св. Афонской горы с Соловецким монастырем и лес на оной (1701–1703) // Афонская гора и Соловецкий монастырь. Труды Чудовского иеродиакона Дамаскина (1701–1706). Сообщил архим. Леонид. Изд. ОЛДП. СПб., 1883

Дашк. Пут. по Анг. Опыт тр. В.Р.С., 1775, II – Опыт трудов Вольного Российского собрания при имп. Московском ун-те. М., 1774–1783, ч. 1–6

Держ. Соч., 1808 – Сочинения Г.Р. Державина. СПб., 1808. Ч. 1–4

Дн. докладов Колл. иностр. дел 1754. Арх. Вор. VII – Архив кн. Воронцова. М., 1870–1897. Кн. 1–40

Должность Архит. эксп. – Архитектурный архив, 1946

Журнал вице-адм. Крюйса, 1699, Зап. гидрогр. департ. VIII, 1950–Экстракт из журнала, держанного от господина вице-адмирала Крейса... 1699 г. – ЗГД. СПб., 1850. Ч. 8

Зуев, Путеш. Зап. от СПБ до Херсона в 1781 и 1782 г. – Путешественные Записки Василья Зуева от С.-Петербурга до Херсона. ... СПб., 1787

Кант., Сатира (Ефр.)... – *Кантемир А.Д.* Сатиры I–IX. (Сочинения, письма и избранные переводы А.Д. Кантемира Ред. изд. П.А. Ефремова. СПб., 1867. Т. 1.

Капн., Ябеда – *Капнист В.В.* Ябеда. Комедия в пяти действиях. СПб., 1798

Карамз. ПРП, 1790 – *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника

---

* В список источников и сокращений включены источники СК–XVIII, так как в опубликованном указателе источников – Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984 – даны иные сокращения, чем в картотеке.

В список источников не включены ссылки на источники КСРНГ и КДРС, так как источники этих картотек (и словарей) опубликованы без особых отклонений от сокращений картотеки.

В. Крестинин. Из начерт. истории гор. Холмогор. Месяцеслов на 1790 г. – Исторический и географический месяцеслов на 1777–1797 г. СПб., 1776–1797

Лекс. Волчк. 1764 – Новый лексикон на французском, немецком, латинском и на российском языках, переводу ассессора Сергея Волчкова. СПб., (1755)–1764, ч. I–II

Лекс. Целлария 1746 – Христофора Целлария Краткой латинской лексикон с российским и немецким переводом. СПб., 1746

Лепехин, Днев. Зап. – Дневныя записки путешествия... Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб., 1771–1805

Лесаж, Пов. о бесе, ч. I – Повесть о хромоногом бесе, сочиненная на франц. языке г. Лесажем в двух частях, переведена Академии наук студентами Дмитрием Легким и Дмитрием Мокеевым. СПб., 1763

Лук. Мот, Соч. 1765, ч. I, с. 41 – *Лукин В.И.* Мот, любовию исправленный // Сочинения и переводы В. Лукина. СПб., 1765. Ч. 1.

Майк. Нравоучит. басни – Нравоучительные басни Василья Майкова. М., 1766–1767. Ч. 1–2

Мат. для ист. АН – Материалы для истории имп. Академии наук. Т. 1–10 (1716–1750). СПб., 1885–1900

Мат. ком. Нов. ул., ч. III – Материалы Екатерининской законодательной комиссии (1767–1769)

М. Вед. 1762, № 7 – Московские ведомости. М., 1756–1800

Мордв. Кн. о навиг. 1, 1748 – Книги полного собрания навигации, ... морского корабельного флота капитаном Семеном Мордвиновым сочиненные. СПб., 1748–1753. Ч. 1–4

Моск. журн., 1792, ч. V – Московский журнал. Ч. 1–8. М., 1791–1792

Муратори. Рассужд. о благоденствии. – Рассуждение о благоденствии общенародном, Лудвика Антония Муратория...; преложено с фр. перевода Михайлом Поповым. М., 1780. Ч. 1–2

Наказ Ек. II. СПб., 1770 – Наказ е.и.в. Екатерины вторыя... данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения... СПб., 1770

Наст. в мин. жив., 1765 – Основательное и ясное наставление в миниатурной живописи... Перев. с нем. яз. переводчиком Михайлом Агентовым. М., 1765

ПБП, VII, 2 – Письма и бумаги имп. Петра Великого. Т. I–XI. СПб., М.–Л., М., 1887–1964

В. Петров, Соч., т. I, Ода Потемкину 1777 г. – Сочинения В. Петрова. СПб., 1782. Ч. 1 (Оды)

Письмо гр. П.А. Румянцева И.А. Бахчевскому 11 апр. 1771, Р.С., 1876, XV – Русская Старина. Ежемесячный журнал. СПб., 1870–1918

ПК, 4-е изд. 1790 – *Курганов Н.Г.* Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезнозабавного вещесловия. 4-е изд. ... ч. 1 и 2. СПб., 1790

Подл. мн. деп., № 1, Сб. РИО, т. 36 – Сборник имп. русского исторического о-ва

Показания Н. Смирнова, 1785 – Показания Н. Смирнова, крепостного кн. Голициных, арестованного за попытку бежать за границу и др. правонарушения. 1785 (Публ. К.В. Савкова) // ИА. М.; Л., 1950. Т. 5

Поликарпов, Лекс., 1704 – *Поликарпов Ф.П.* Лексикон треязычный. Сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище... М., 1704

Польское посольство, 1707, ПБП, V – Письма и бумаги имп. Петра Великого (1688–1712). СПб.–М.; Л.–М., 1887–1964, 1975–1977. Т. 1–12

Посошков, Кн. о скуд. и бог., 1724 г. – *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве (1724). М., 1937

Походн. журн. II, СПб., 1854, 1713 г. – Юрналы и камер-фурьерские журналы 1695–1774 г. СПб., 1853–1864

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830

ПСИ I, № 128, 1713 – Памятники сибирской истории XVIII в. 1700–1713, СПб., 1882, кн. 1

Радищ., Зап. путеш. из Сибири, 1797 г., ПСС, т. III, 1952, с. 289 – *Радищев А.Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952, т. III

Радищ. Опис. влад., СС ч. IV, 1811 – *Радищев А.Н.* Описание владения. СС, ч. 4, 1811

Радищ. ППМ – *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву

Р. Арх., 1964 – Русский Архив. Ежемесячный журнал. СПб., 1863–1917

Р. – голл. лекс. 1717 – Книга Лексикон или собрание речей по алфавиту с российского на голландский язык. СПб., 1717

Роллен, Римск. ист. – Римская история от создания Рима до битвы Актийския тоесть по окончание Республики соч. г. Ролленом... а с фр. перев. ... Василья Тредиаковского... СПб., 1761–1767, т. 1–16

Рычков. Журнал, 1772, ч. II – Журнал или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства. СПб., 1772

САР – Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794, ч. 1–6

СГГД ч. IV, 240[2], Глуховские статьи, 1669 – Собрание государственных грамот и договоров, ч. 4

Сель. житель, ч. I, 1778 – Сельский житель, экономическое в пользу деревенских жителей служащее издание. М., 1778–1779. Ч. 1–2

Сл. иностр. слов, 1769 – Словарь иностранных слов, употребляемых в русском языке с объяснением их значений – И то и се – И то и сио. СПб., 1769

Сл. на шести яз. 1763 – *Полетика Г.А.* Словарь на шести языках... СПб., 1763

Словарь Ад. – Полный немецко-российский лексикон, из большого граматикально-критического словаря г. Аделунга составленный... СПб., 1798, ч. 1–2

Слов. коммер., 1787 – Словарь коммерческий, содержащий познание о товарах всех стран и названиях вещей главных и новейших, относящихся до коммерции.... Перев. с фр. яз. Васильем Левшиным. М., 1787–1792. Ч. 1–7

Слов. натур. ист., 1788, ч. I – *Леклерк де Моплино Ш.А.Ж.* Словарь ручной натуральной истории, содержащий историю, описание и главнейшие свойства животных, растений и минералов;... перев. с фр. яз.... Василием Левшиным. М., 1788. Ч. 1–2

Сокращ. Витрувий (перев. Каржавина), 1789 – *Перро К.* Сокращенный Витрувий или Совершенный архитектор // Пер. Федора Каржавина. М., 1789

СПб. вед. – Санктпетербургские ведомости. 1728–1800

Терм. форт. – Термины, употребляемые в фортификации. – Вобан 1724

Тредиак. Тилемах., 1766 – Тилемахида или Странствование Тилемаха сына Одиссеева описанное в составе ироическия пиимы Василием Тредиаковским... СПб., 1766

Тредиак. Феоптия. Эпист. III, 1754 – *Тредиаковский В.К.* Избранные произведения... М.; Л., 1963 (Б-ка поэта. Больш. серия, 2-е изд.)

Трутень, 1769, 204 – Трутень, еженедельное издание на 1769–1700 год., СПб.

Ф. Туман. Нечто о Павловском Росс. магазин, 1792, 1, 56 – Российский магазин трудами Феодора Туманского СПб., 1792–1794

Устав о войсках морских Людовика XIV, 1715 г. – Устав о войсках морских и о их арсеналах. Людовика четвертого надесять короля французского и наварского (перев. с фр. К. Зотов). СПб., 1715

Чулков, Великодушн. Рогоносец, – Пересмешник. 1789. Ч. 2. С. 150 – *Чулков М.Д.* Пересмешник или Славенские сказки. Изд. 3-е с поправлением. 41–5. М., 1789

ФРЛ 1786 – Полной французской и российской лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на российский язык переведенный Собранием ученых людей. СПб., 1786, т. 1–2

Ян. I, 1803 – *Яновский Н.* Новый толкователь, расположенный по алфавиту... СПб., 1803–1806. Ч. 1–3

Литература

Аванесов 1947 – *Аванесов Р.И.* Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка // Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1947. Т. 6. Вып. 3

Аванесов 1949 – *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949

Аванесов 1957 – Вступительные статьи и комментарии // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957.

Аванесов 1963 – *Аванесов Р.И.* Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание: Докл. сов. делегации. М., 1963

Аванесов 1974 – *Аванесов Р.И.* Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974

Аванесов, Орлова 1953 – *Аванесов Р.И., Орлова В.Г.* Вопросы изучения диалектов языков народов СССР // ВЯ. 1953. № 5

Азарх 1984 – *Азарх Ю.С.* Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984

АИЯЭ – Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977

Амосова 1963 – *Амосова Н.Н.* Основы английской фразеологии. Л., 1963

Апресян 1974 – *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. М., 1974

Арнольд 1966 – *Арнольд И.В.* Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Л., 1966

Астахина 1982 – *Астахина Л.Ю.* О некоторых особенностях наименований полевых участков в сельскохозяйственных книгах XVI – начала XVIII в. // Системные отношения в лексике севернорусских говоров. Вологда, 1982

Ахманова 1957 – *Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957

Ахманова 1966 – *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966

Байбурин 1983 – *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983

Баранникова 1962 – *Баранникова Л.И.* К вопросу о диалектной синонимии // Вопр. стилистики. Саратов, 1962

Баранникова 1963 – *Баранникова Л.И.* О некоторых особенностях взаимодействия разносистемных диалектных лексических единиц в современных народных говорах // Учен. зап. ЛГПИ. 1963. Т. 248: Вопросы языкознания

Баранникова 1967 – *Баранникова Л.И.* Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967

Баранникова 1977 – *Баранникова Л.И.* Специфика многозначности слова в диалектной речи // Лексика. Терминология. Стили. Горький, 1977. Вып. 6

Блинова 1973 – *Блинова О.И.* Введение в современную региональную лексикологию (материалы для спецкурса). Томск, 1973

Блинова 1983 – *Блинова О.И.* Явление мотивации слов (лексикологический аспект). Томск, 1983

Блинова 1984 – *Блинова О.И.* Русская диалектология. Лексика. Томск, 1984

Бломквист 1956 – *Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточно-славянский этнографический сборник. М., 1956

Богачук 1972 – *Богачук В.В.* Нарицательные наименования населенных пунктов и их частей в памятниках русской народности XIV–XV вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1972

Богословская 1984 – *Богословская З.М.* Явление варьирования слова в системе говора: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1984
Борисова 1968 – *Борисова Е.Н.* О некоторых лексических явлениях в русском национальном языке в период его становления // Программа и краткое содержание докладов на X научно-методической конференции Северо-западного зонального объединения кафедр русского языка пединститутов. Л., 1968. Ч. 2
Бородина 1966 – *Бородина М.А.* Проблемы лингвистической географии. М.; Л., 1966
Бородина 1980 – Взаимодействие лингвистических ареалов / Ред. Бородина М.А. Л., 1980
Бромлей, Булатова 1965 – *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Об эталоне сопоставительного описания морфологии русских говоров // ВЯ. 1965. № 4.
Бытева 1982 – *Бытева Т.И.* К вопросу о специфике полисемии в диалектной системе // Лексика и фразеология русских говоров Сибири. Новосибирск, 1982
Варбот 1969 – *Варбот Ж.Ж.* Древнерусское именное словообразование. М., 1969
Введенская 1941 – *Введенская А.Г.* К истории планировки русской деревни XVIII и первой половины XIX в. // Сб. ст. по истории СССР XIX в. М., 1941. (Труды ГИМ; Вып. 15)
Вештарт 1968 – *Вештарт Г.Ф.* Лінгвагеаграфічная дыферэнцыяцыя Прыпяцкага Палесся (на матэрыяле назвау ежы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мінск, 1969
Виноградов 1953 – *Виноградов В.В.* Основные типы лексических значений слова // ВЯ. 1953. № 5
Виноградов 1953а – *Виноградов В.В.* О некоторых вопросах русской исторической лексикологии // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1953. Т. 12, вып. 3
Виноградов 1960 – *Виноградов В.В.* Об омонимии и смежных явлениях. // ВЯ. 1 960. № 5
Витов 1962 – *Витов М.В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М., 1962
Воронин 1935 – *Воронин Н.Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси // Изв. Гос. Академии истории материальной культуры. Л., 1935. Вып. 138
ВТЛГ 1962 – Вопросы теории лингвистической географии / Ред. Аванесов Р.И. М., 1962
Выгонная 1968 – *Выгонная Л.Т.* К системному описанию полесских названий земельных угодий // Полесье. М., 1968
Гайсина 1981 – *Гайсина Р.М.* Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. Саратов, 1981
Гак 1971 – *Гак В.Г.* К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: Тез. докл. М., 1971. Ч. 1
Гак 1976 – *Гак В.Г.* К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976
Герд 1984 – *Герд А.С.* О севернорусской лексике в псковских говорах // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984
Гольдин 1967 – *Гольдин В.Е.* К вопросу о структурно-семантических различиях в далектной лексике (на материале названий построек и их частей в русских говорах): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1967
Гольдин 1967а – *Гольдин В.Е.* Об отражении современных условий бытования говоров в строении отдельных лексико-семантических групп // Язык и общество. Саратов, 1967
Гольдин 1967б – *Гольдин В.Е.* К методике отграничения соответственных лексико-семантических групп // Очерки по русскому языку и стилистике. Саратов, 1967
Гольдин 1968 – *Гольдин В.Е.* О некоторых проявлениях семантической регулярности в диалектных лексических системах // Вопр. славянского языкознания. Саратов, 1968
Громов 1977 – *Громов Г.Г.* Жилище // Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. Ч. 1
Грузберг 1966 – *Грузберг Л.А.* К вопросу об абсолютных синонимах и "избыточности" лексических систем // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. Языкознание. 1966. № 162
Гулыга, Шенделье 1976 – *Гулыга Е.В., Шенделье Е.И.* О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976
Гынгазова 1984 – *Гынгазова Л.Г.* Характер и типы лексических различий в среднеобских говорах (к проблеме лексической типологии говоров малого ареала): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1984
Дегтярев 1977 – *Дегтярев А.Я.* Крестьянский двор и поместное усадище Северо-Запада Руси в XVI в. // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л., 1977

Дерягин 1971 – *Дерягин В.Я.* Об употреблении диалектных слов в памятниках местной деловой письменности (слова *деревня, починок, подворье, двор* в важских актах XVII в.) // Диалектная лексика. 1969. Л., 1971
Дерягин 1966 – *Дерягин В.Я.* О развитии диалектов Архангельской области по данным истории и географии слов. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1966
Ефименко 1882 – *Ефименко А.* Крестьянское землевладение на крайнем Севере // Русская мысль. 1882
Жирмунский 1954 – *Жирмунский В.М.* О некоторых проблемах лингвистической географии // ВЯ. 1954. № 4
Жирмунский 1955 – Немецкая диалектография / Ред. и автор "Предисловия" В.М. Жирмунский. М., 1955
Жирмунский 1967 – *Жирмунский В.М.* О теории советского языкознания // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1967. Т. 26, Вып. 1
Жирмунский 1976 – *Жирмунский В.М.* О диалектологическом атласе тюркских языков // Общее и германское языкознание. Л., 1976
Жуковская 1957 – *Жуковская Л.П.* Типы лексических различий в диалектах русского языка // ВЯ. 1957. № 3
Загоровская 1990 – *Загоровская О.В.* Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии. М., 1990
Загоровская 1991 – *Загоровская О.В.* Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1991
Захарова 1970 – Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / Ред. Орлова В.Г. М., 1970
Звегинцев 1957 – *Звегинцев В.А.* Семасиология. М., 1957
Звегинцев 1981 – *Звегинцев В.А.* Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981, вып. 10: Лингвистическая семантика
Иванов 1965 – *Иванов Вяч.Вс.* Общеиндоевропейская и анатолийская языковые системы. М., 1965
Иванов, Топоров, 1974 – *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974
Ивашко 1963 – *Ивашко Л.А.* О значениях слова "место" в северно-русских говорах // Из истории слов и словарей. Л., 1963
Ильинская 1986 – *Ильинская Н.Г.* Лексика, обозначающая выпечные изделия (на материале архангельских говоров): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986
Караулов 1976 – *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. М., 1976
Клепикова 1968 – *Клепикова Г.П.* Из опытов картографирования славянской лексики (в связи с проблемой семантического микрополя) // Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968
Клепикова 1977 – *Клепикова Г.П.* Сема – ономасиологический аспект в исследовании некоторых лексических групп (на материале карпато-украинских диалектов) // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1975. М., 1977
Клепикова 1980 – *Клепикова Г.П.* Изучение лексико-сематических явлений в единичной языковой системе и в совокупности языковых систем // Сов. славяноведение. 1980. № 2
Коготкова 1968 – *Коготкова Т.С.* Некоторые наблюдения над лексикой современного говора (на материале русского языка) // Язык и общество. М., 1968
Коготков 1977 – *Коготков Т.С.* К вопросу об освоении лексико-семантических единиц литературного языка в современных русских говорах // ВЯ. 1977. № 3.
Козлова 1969 – *Козлова В.Л.* Опыт определения значений одной полисемантичной лексемы с учетом системного фактора // Вопросы грамматики. (Учен. зап. Свердл. гос. пединститута). Тобольск, 1969
Косвен 1950 – *Косвен М.О.* Севернорусское печище, украинские сябры и белорусское дворище // СЭ. 1950. № 2
Котков 1970 – *Котков С.И.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII веков. М., 1970.
Кочин 1937 – *Кочин Г.Е.* Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937

Кочин 1965 – *Кочин Г.Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования русского централизованного государства. Конец XIII – начало XV в. М.; Л., 1965
Кошелева 1967 – *Кошелева Н.С.* Родовидовые отношения в лексической системе русского говора // Исследования по языку и фольклору. Новосибирск, 1967. Вып. 2
Кошелева 1970 – *Кошелева Н.С.* Абсолютные синонимы в лексике говоров Чулымского района Новосибирской области // Синонимия в языке и речи. Новосибирск, 1970
Кузнецов 1960 – О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1960
Кузнецов 1980 – *Кузнецов А.М.* Структурно-семантические параметры в лексике. М., 1980
Кузнецова 1973 – *Кузнецова Э.В.* Ступенчатая идентификация как средство описания семантических связей слов // Вопросы металингвистики. Л., 1973
Лебедева, Милонов 1950 – *Лебедева Н.И., Милонов Н.П.* Типы поселений Рязанской области // СЭ. 1950. № 4
Левковская 1962 – *Левковская К.А.* Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962
Лексіка 1971 – Лексіка Палесся у прасторы і часе / Ред. В.О. Мартынаў. Мінск, 1971
Лемтюгова 1983 – *Лемтюгова В.П.* Восточнославянская ойконимия апеллятивного происхождения. Минск, 1983
Лопатин 1977 – *Лопатин В.В.* Словообразовательная морфемика. М., 1977
Лукьянова 1970 – *Лукьянова Н.А.* Однокоренные синонимы и варианты слова // Синонимия в языке и речи. Новосибирск, 1970
Лукьянова 1986 – *Лукьянова Н.А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск, 1986
Максимова 1972 – *Максимова Т.В.* Основные проблемы изучения лексико-семантических групп (на материале существительных современного английского языка) // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1972. Вып. 70
Мельниченко 1973 – *Мельниченко Г.Г.* Из наблюдений над семантикой и составом слов, обозначающих крестьянскую усадьбу // Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинев, 1973
Мокиенко 1970 – *Мокиенко В.М.* Лингвогеографическое описание и семантика диалектного слова // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Череповец, 1970
Молчанова 1982 – *Молчанова Л.Д.* Названия сельских жилых и хозяйственных строений в русском языке XV–XVII веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982
Мораховская 1970 – *Мораховская О.Н.* Установление семантических отношений при картографировании // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1969. М., 1970
Мораховская 1973 – *Мораховская О.Н.* Предмет и построение описательной диалектологии в ее отношении к истории языка // Исследования по русской диалектологии. М., 1973
Мораховская 1973а – *Мораховская О.Н.* К методике картографирования сложных лексико-семантических различий // Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинев, 1973
Мораховская 1975 – *Мораховская О.Н.* К исторической интерпретации лексической карты // Русские говоры. М., 1975
Мораховская 1975а – *Мораховская О.Н.* Критерий сопоставимости лексико-семантических групп слов в диалектном языке // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1973. М., 1975
Мораховская 1975б – *Мораховская О.Н.* О сопоставлении лингвистических и этнографических ареалов // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Тез. третьей конференции на тему: "Методика лингво- и этнографических исследований. Маргинальные и центральные ареалы". 10–12 февраля 1975 г. Л., 1975
Мораховская 1977 – *Мораховская О.Н.* Существительные однокорневые со словом *изба* в русском языке // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977
Мораховская 1978 – *Мораховская О.Н.* К вопросу о методе картографирования в лингвистике // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1976. М., 1978

Мораховская 1979 – *Мораховская О.Н.* К итогам картографирования названий крестьянского жилища // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1977. М., 1979
Мораховская 1980 – *Мораховская О.Н.* К формированию группы названий жилых построек в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1978. М., 1980
Мораховская 1981 – *Мораховская О.Н.* Сопоставление лингвистических и этнографических ареалов для уточнения значения слов // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981
Мораховская 1981а – *Мораховская О.Н.* Существительные с корнем *-пел-//-пол-* в значениях, связанных с понятием *мякины, соломы* и некоторых видов их использования // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1979. М., 1981
Мораховская 1983 – *Мораховская О.Н.* Способы наименования жеребят в начальные периоды жизни // Русские народные говоры: Лингвогеографические исследования. М., 1983
Мораховская 1984 – *Мораховская О.Н.* Системный подход к языку и диалектология // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1981. М., 1984
Мораховская 1988 – *Мораховская О.Н.* Типология диалектных различий лексико-семантического уровня (структурный аспект) // Общеславянский лингвистический атлас. 1983. М., 1988
Мораховская 1985 – *Мораховская О.Н.* К вопросу о семантических диалектных различиях // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1982. М., 1985
Невская 1973 – *Невская Л.Г.* Балтийская географическая терминология в сопоставлении со славянской (к семантической типологии): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973
Нефедова 1977 – *Нефедова Е.А.* Микологическая лексика архангельских говоров: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977
Никитин 1988 – *Никитин М.В.* Основы лингвистической теории значения. М., 1988
НЛ – 1960 – Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1
Новиков 1982 – *Новиков Л.А.* Семантика русского языка. М., 1982
Ожегов 1987 – *Ожегов С.С.* Типовое и повторное строительство в России в XVIII–XIX веках. М., 1987
Орлова и др. 1970 – Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / Ред. Орлова В.Г. М., 1970
Оссовецкий 1968 – Русский язык и советское общество: Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры / Ред. Панов М.В. М., 1968
Оссовецкий 1969 – *Оссовецкий И.А.* Словарь современного русского народного говора (Введение). М., 1969
Павел 1973 – *Павел В.К.* Терминология агриколэ молдовеняскэ (Студиу де жеографие лингвистикэ). Кишинеу, 1973
Павел, Удлер 1974 – *Павел В.К., Удлер Р.Я.* Лингвоэтнографическое исследование Молдавского лингвистического атласа // ПКЯЭ. Л., 1974
ПКЯЭ 1974 – Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974
Программа 1947 – Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.; Л., 1947
Рабинович 1969 – *Рабинович М.Г.* Древнейший ландшафт и жилище // О двух типах древнерусского жилища в Волго-Окском междуречье // СЭ. 1969. № 2
Рабинович 1975 – *Рабинович М.Г.* Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975
РД 1964 – Русская диалектология / Ред. Аванесов Р.И., Орлова В.Г. М., 1964
Романова 1967 – *Романова Н.П.* Семантические ряды в лексической системе языка // Актуальные проблемы лексикологии: Тез. докл. лингвист. конф. Новосибирск, 1967
Романова 1970 – *Романова Н.П.* Отличие синонимических пучков от родо-видовых групп // Синонимия в языке и речи. Новосибирск, 1970
Руделев 1958 – *Руделев В.Г.* Лексика жилища и жилищно-хозяйственного строительства в некоторых южнорусских рязанских говорах: Дис. ... канд. филол. наук. Оренбург, 1958

Русская диалектология 1973 – Русская диалектология: Учебное пособие / Ред. Кузнецов П.С. М., 1973
Самойлович 1922 – *Самойлович А.* Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922
Сахарный, Орлова 1969 – *Сахарный Л.В., Орлова О.Д.* Типы употребления в речи нескольких вариантов одной гиперлексемы (опыт психолингвистического анализа текста) // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1969
Сергеевич 1903 – *Сергеевич В.И.* Древности русского права. СПб., 1903. Т. 3
Сивков 1951 – Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. / Сост. Сивков. М., 1951
Слюсарева 1973 – *Слюсарева Н.А.* Проблемы лингвистической семантики // ВЯ. 1973. № 5
Смирницкий 1952 – *Смирницкий А.И.* К вопросу о слове (проблема "отдельности слова") // Вопросы теории и истории языка. М., 1952
Смирницкий 1954 – *Смирницкий А.И.* К вопросу о слове (проблема "тождества слова") // Труды Института языкознания АН СССР. 1954. Т. 4
Смирницкий 1956 – *Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. М., 1956
Снетова 1972 – *Снетова Г.П.* Семантический способ номинации в терминологической системе языка великорусской народности // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972
Соколов 1968 – *Соколов О.М.* Некоторые вопросы морфемного варьирования // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968
Сорбале 1974 – *Сорбале В.С.* Реконструкция терминологической системы пил и ножовок в молдавских говорах (на материале молдавского лингвистического атласа) // ПКЯЭ. Л., 1974
Степанов 1971 – *Степанов Ю.С.* Семиотика. М., 1971
Степанов 1975 – *Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975
Степанов 1983 – *Степанов Ю.С.* В мире семиотики: Вступ. ст. // Семиотика. М., 1983
Судаков 1988 – *Судаков Г.В.* География старорусского слова. Вологда, 1988
Сумцов 1890 – *Сумцов Н.Ф.* Культурные переживания. Киев, 1890
ТВЭО 1766 – Труды вольного экономического общества. [Б.м.], 1766
Толстой 1969 – *Толстой Н.И.* Об одном балтизме в восточнославянских диалектах // Этимология. 1967. М., 1969
Толстой 1963 – *Толстой Н.И.* Из опыта типологических исследований славянского словарного состава. Ч. 1 // ВЯ. 1963. № 1
Толстой 1965 – *Толстой Н.И.* Из опыта типологических исследований славянского словарного состава. Ч. 2 // ВЯ. 1965. № 3
Толстой 1966 – *Толстой Н.И.* Некоторые проблемы и задачи славянских географических терминов // Местные географические термины в топонимии: Тез. докл. и сообщ. М., 1966
Толстой 1969 – *Толстой Н.И.* Славянская географическая терминология: (Семасиологические этюды). М., 1969
Трубачев 1971 – *Трубачев О.Н.* Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология. 1968. М., 1971
Трубачев 1976 – *Трубачев О.Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976
Трубецкой 1960 – *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. М., 1960
Успенская, Фехнер 1956 – *Успенская А.В., Фехнер М.В.* Поселения древней Руси // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1956. (Труды ГИМ. Вып. 32)
Уфимцева 1968 – *Уфимцева А.А.* Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968
Уфимцева 1974 – *Уфимцева А.А.* Типы словесных знаков. М., 1974
Уфимцева 1986 – *Уфимцева А.А.* Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики. М., 1986
Ухмылина 1967 – *Ухмылина Е.В.* О языковой сознательности носителей говора (на материале их высказываний о языке) // Учен. зап. Горьк. гос. ун-та. 1967. Вып. 76. Сер. лингвистическая

Филин 1948 – *Филин Ф.П.* Несколько замечаний о характере лексических диалектизмов // Вопросы славянского языкознания. Львов, 1948. Кн. 1. (Учен. зап. Львов. гос. ун-та. Сер. филол. Т. 7, вып. 3)
Филин 1949 – *Филин Ф.П.* Говоры современной деревни и Диалектологический атлас русского языка // Бюл. диалектологического сектора Ин-та рус. яз. М.; Л., 1949
Филин 1949а – *Филин Ф.П.* Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи // Учен. зап. ЛГПИ. 1949. Т. 80. Кафедра русского языка
Филин 1957 – *Филин Ф.П.* О лексико-семантических группах слов. Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957
Филин 1963 – *Филин Ф.П.* О названиях обуви в русском языке // Лексикографический сборник. М., 1963. Вып. 6
Филин 1981 – *Филин Ф.П.* О так называемом диалектном языке // ВЯ. 1981. № 2
Харузин 1907 – *Харузин А.* Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильна, 1907
Холодович 1963 – *Холодович А.А.* Вопросы типологического описания языков // Совещание по типологии восточных языков: Тез. докл. М., 1963
Чайкина 1974 – *Чайкина Ю.И.* Лексика Белозерья в историческом аспекте: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1974
Чайкина 1975 – *Чайкина Ю.И.* Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975
Чайкина 1976 – *Чайкина Ю.И.* История административной терминологии Белозерья // Лексика северных говоров. Вологда, 1976
Чайкина 1976а – *Чайкина Ю.И.* Метрологическая лексика в белозерских деловых документах XVI–XVII вв. // Вопросы русской диалектологии. Л., 1976
Чайкина 1977 – *Чайкина Ю.И.* Из истории административной терминологии (слова с общим значением 'усадьба феодала') // Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1977
Чайкина 1987 – *Чайкина Ю.И.* География словообразовательных топонимических моделей Русского Севера: (На материале ойконимии Вологодской области) // Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии. Вологда, 1987
Чернейко 1978 – *Чернейко Л.О.* Понятие лексико-семантической парадигмы и его использование при описании диалектных систем: (На материале архангельских говоров) // Науч. докл. высшей школы. Филол. науки. 1978. № 6
Чернейко 1980 – *Чернейко Л.О.* Опыт парадигматического анализа лексики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980
Чудинов 1976 – *Чудинов А.П.* Слова семантически сильной и семантически слабой позиции в контексте (к вопросу об иллюстративном материале в словарях) // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1976
Шадурский 1965 – *Шадурскі І.В.* Назвы землеўладанняў ў старажытнай беларускай мове // Беларуская мова. Мінск, 1965
Шадурский 1967 – *Шадурский И.В.* Сельскохозяйственная лексика в старобелорусском письменном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1967
Шенников 1966 – *Шенников А.А.* О русских крестьянских усадьбах XVI в. // ГО СССР. Докл. отд. этнографии. Л., 1966. Вып. 2
Шенников 1962 – *Шенников А.А.* Крестьянские усадьбы в XVI–XVII веках (средняя и южная часть Европейской России) // Архитектурное наследство. М., 1962. Вып. 14
Шмелев 1964 – *Шмелев Д.Н.* Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964
Шмелев 1973 – *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973
Шухардт 1912 – *Шухардт В.* Вещи и слова // Избр. статьи по языкознанию. М., 1950
Щерба 1940 – *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1940. № 3
Щерба 1945 – *Щерба Л.В.* Очередные проблемы языковедения // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1945. Т. 4, вып. 5
Эдельман 1968 – *Эдельман Д.И.* Основные вопросы лингвистической географии: На материале индоиранских языков. М., 1968
ЯН 1977 – Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977

ALF – *Gilliéron J., Edmont E.* Atlas linguistique de la France. P., 1902–1910; P., 1914
Dauzat 1922 – *Dauzat A.* La géographie linguistique. P. 1922
DSA – *Wrede F.* (*Martin B., Mitzka W.*) Deutsche Sprachatlas. Marburg, 1926–1951. 1–13
Goossens 1969 – *Goossens J.* Strukturelle Sprachgeographie. Einfürung in Methodik und Ergebnisse. Heidelberg, 1969
Goossens 1977 – *Goossens J.* Deutsche Dialektologie // N.J., De Gruyter, 1977
Guiraud 1966 – *Guiraud P.* Le champ morphe-sémantique des noms du chat // Bulletin de la Sosiété de Linguistique de Paris. 1966. T. LXI
Harras 1972 – *Harras G.* Semantische Modelle diatopischer Teilsysteme. Marburg, 1972
Heger 1979 – *Heger Kl.* Sprache und Dialekt // Zur Theorie des Dialekts. Wiesbaden, 1979
Hildebrandt 1963 – *Hildebrandt R.* Ton und Topf. Zur Wortgeschichte der Töpferware im Deutschen. S.l., 1963
Jaberg 1926 – *Jaberg K.* Sach- und Bezeichnungsgeschichte der Beinbekleidung in der Zentralromania // Wörter und Sachen, 1926, N 9
Jud 1917 – *Jud J.* Problemen der altromanischen Wortgeographie // Zeitschrift für romanische Philologie. 1917
Mounin 1965 – *Mounin G.* Essai sur la structuration du lexique de l'habitation // Cahiers de Lexicologie. 1965. N 6
Mounin 1968 – *Mounin J.* Clefs pour la linguistique. P. 1968
Mounin 1968 – *Mounin G.* Clef pour la sémantique. P. 1972
Pottier 1972 – *Pottier B.* Recherches sur l'analyse sémantique en linguistique et en traduction mécanique // Publications de la Faculté des Lettres et des Sciences Humaines de l'Université de Nancy. Série A. 2. 1963
Putschke 1969 – *Putschke W.* Über ein Compüterprogramm zur Herstellung von sprachkarten. Germanische Linguistik. I. 1969
TCLP 1929 – Thèses. Travaux du Cercle linguistique de Prague. I. 1929
Wahrig 1966 – *Wahrig G.* Das Grosse Deutsche Wörterbuch. Gütersloh, 1966–1967
Wolf 1975 – *Wolf L.* Aspekte der Dialektologie. Tübingen, 1975
Zelenin 1927 – *Zelenin D.* Russische (ostslavische) Volkskund. Berlin; Leipzig, 1927
ZFM – *Alinei M.* Evolution of semantic isoglosses with regard to romance dialects // Verhandlungen des 2 Internationalen Dialektologenkongresses. Zeitschrift fЯr Mundartforschung. Beihefte N.T.3

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Содержание

Вводные замечания 3

Часть I 5

Формирование основных понятий теории диалектного различия 5

Лингвистическая география и метод картографирования 7
Системный подход в аспекте синхронии и диахронии 10
Типология лексико-семантических диалектных различий 15
Лексико-семантические диалектные различия как предмет лексикологического исследования 27
Предварительные замечания 27
Лексико-семантические диалектные различия в структурном и территориальном аспектах 40
Вопросы исторической интерпретации лексико-семантических карт 43

Часть II

Слова, используемые в качестве названий места, на котором находятся крестьянское жилище и приусадебный участок 48

Существительные с корнем *-двор-* 58
Непроизводное *двор* 58
Производные с корнем *-двор-* 78
Дворина 78
Удво́рина. Одво́рина. Ободво́рина. Сдворина. Подворина 79
Дворица. Удво́рица. Одво́рица. Ободво́рица. Подво́рица. Задворица 82
Удво́рок. Одво́рок. Ободво́рок, *-ка, -ки*. Сдво́рок. Издворо́к, *-ка, -ки*. Придво́рок. Подво́рок. Задворок, *-ка, -ки*. Па́дворок 84
Дво́ри́ще. Подво́рище. Одво́рище 88
Удво́рье. Одво́рье. Ободво́рье. Задво́рье. Подво́рье 89
Подво́рник 92
Дворе́ц. Одворе́ц 92
Одво́р. Подво́р. Придво́р 93
Существительные с корнем *-сад-/-сѣд-* 96
Слова с вариантом корня *-сад-* 97
Сад. Уса́д. Уса́да 97
Са́дьба. Сади́ба. Уса́дьба 101
Другие образования с вариантом корня *-сед-* 121
Слова с вариантом корня *-сед-* 123
Оседлость / Обсе́длость / Осёдлость / Обсёдлость 123
Осе́дланность / Осе́дленность / Обсе́дланность / Обсе́дленность / Осёдланность 125
Существительные с корнем *-сел-* 127
Селитьба / Селиба. Селибник 127
Оселок. Уселок 133

Селина. Селище 135
Существительное *поме́стье*. Существительное *ме́сто* и словосочетания с ним 135
Поместье 135
Место 142
Слова с корнем *-печ-* 144
Печина 144
Печище 146
Слова с корнем *-зем-* (*-зьм*) 150
Позьмо / позем 150
Назьмо / назем 155
Слова с корнем *-гум(е)н-* / *-гув(е)н-* 155
Гумно / гувно 155
Слова *овинник, овинница* 157
Слова с корнем *-сыр-* 158
Непроизводное *сыр* 158
Производные с корнем *-сыр-* 164
Осырок. Усырок. Подсырок 164
Слово *творило* 166
Слова *огород, огородец, загорода* 170
Заимствованные слова: *план, грунт, номер* 174
Единичные названия 182
Заключение 183
Источники 186
Литература 191

Научное издание

Мораховская Ольга Николаевна

КРЕСТЬЯНСКИЙ ДВОР
История названий усадебных участков

Утверждено к печати
Ученым советом Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН

Заведующая редакцией
"Наука – культура"
А.И. Кучинская

Редактор *А.В. Бездидько*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Г.М. Коровина*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректор *Г.В. Дубовицкая*

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 2014
ЛР № 020297 от 27.11.1991

Подписано к печати 08.05.96. Формат $60 \times 90\ ^1/_{16}$
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 13,0 + 0,5 вкл. Усл.кр.-отт. 13,9. Уч.-изд.л. 14,2
Тираж 600 экз. Тип зак. 239

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

В издательстве "Наука" готовятся к печати:

Языки народов Российской Федерации и соседних государств: Энциклопедия, 50 л.

В томе представлены современное состояние, история становления и развития 58 языков РФ и соседствующих с ней государств. Энциклопедия содержит уникальную лингвистическую и социолингвистическую информацию. Сведения, содержащиеся в ней, имеют большую научную и практическую ценность, вносят существенный вклад в развитие гуманитарных наук и проведение оптимальной языковой политики. По широте охвата языков и объему справочных сведений энциклопедия не имеет аналогов в российской и мировой научной литературе. Очерки написаны крупнейшими специалистами – знатоками языков РФ и сопредельных государств и доступны для читателя-неспециалиста.

Для лингвистов, историков, социологов, философов, этнографов, педагогов, широкого круга читателей.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 23 (*Съ – Сдымка*), 35 л.

Выпуск вводит в научный оборот значительный по объему новый материал, богатый во временном и жанровом отношениях. При цитировании древнейших переводных памятников приведены греческие и латинские параллели, повышающие научную ценность и достоверность представленного материала. Обширные хронологические рамки Словаря, стилистическое многообразие его источников обязали к подробному освещению семантики слов; весьма значительную часть выпуска составляют статьи с 5–6 значениями. Многозначность в основном характерна для приставочных глаголов, а это преобладающая часть слов на С.

Для широкого круга специалистов, языковедов, литературоведов, историков, этнографов и всех интересующихся древнерусской духовной и материальной культурой, учащихся высших и средних учебных заведений.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 23 (narihati – *havodъ*), 20 л.**

Выпуск включает фрагмент праславянского словника на букву "*n*". Он построен на тех же принципах, что и предшествующие выпуски Словаря: в нем исчерпывающе использованы все доступные исторические и диалектные материалы, опубликованные и архивные, а также материалы некоторых отечественных и зарубежных картотек, приведен обширный диалектный материал; по возможности учтена вся доступная этимологическая литература, прошлого времени и новейшая. Дан подробный словообразовательный анализ каждого этимологизируемого слова.

Для языковедов – специалистов по этимологии, лексикологии, а также этнографов, историков.

В издательстве "Наука" вышли из печати:

Древнерусская грамматика XII–XIII вв., 30 л.

Коллективная монография представляет собой уникальный в отечественной и зарубежной лингвистике опыт синхронного описания фонетики и морфологии древнерусского языка на историческом срезе XII–XIII вв. Исследование проведено исключительно на фактах письменных памятников, созданных в Древней Руси в избранный для изучения период времени и относящихся к различным видам и жанрам письменности и разным древнерусским территориям.

Для легксикологов, лексикографов, историков языка, историков и всех интересующихся вопросами культуры Древней Руси.

Русский язык в его функционировании: Уровни языка, 20 л.

Работа представляет собой продолжение коллективной монографии "Русский язык в его функционировании". Первая часть вышла в 1993 г. В книге рассмотрено использование языковых средств всех подсистем языка (фонетика, морфология, словообразование, синтаксис, лексика) в различных типах речи – официально-деловой, научной, публицистической, а также в разговорной и художественной (сценической) речи. Монография содержит богатейший фактический материал. Однако ее основная ценность (экспериментально-методологическая) состоит в разработке различных методик исследования проблем функционирования языка. Авторы убедительно показывают, что понятие функционирования предполагает ответ на два вопроса: где? и как?, т.е. в каких сферах речи и каким образом функционируют те или иные языковые категории и единицы.

Для лингвистов, литературоведов, журналистов.

Вести-Куранты: 30-е годы XVII столетия, 30 л.

Очередная книга "Вестей-Курантов" охватывает материалы из РГАДА, ГИМа, по преимуществу переводы с иностранных газет. Публикуемые по уже апробированным правилам лингвистического издания тексты (черновые и беловые) открывают для лингвистов – историков русского языка широкие возможности для сопоставлений текстов с правкой и без правки, а также различных списков одного и того же перевода, что позволяет сделать определенные выводы о процессе выработки в центральной московской канцелярии орфографических, грамматических, словоупотребительных (лексических) норм формирующего национального русского литературного языка. Публикуемые тексты Вестей-Курантов, мало доступные исследователям вследствие плохой сохранности, являются ценным источником по истории русского языка и истории русской культуры.

Для языковедов – лексикографов, лексикологов, историков, этнографов.

Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части России. Вып. 3. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам, 40 л.

К настоящему времени опубликованы два выпуска "Диалектологического атласа русского языка": выпуск 1 "Фонетика" и выпуск 2 "Морфология". Данный (выпуск 3) – завершающий, он включает комментарии к 12 картам по синтаксису и к 100 – по лексике. Данные выпуска 3 могут служить источником изучения материальной и духовной культуры русского народа, тем более, что в современных социальных условиях многие говоры, да и сами деревни, исчезают.

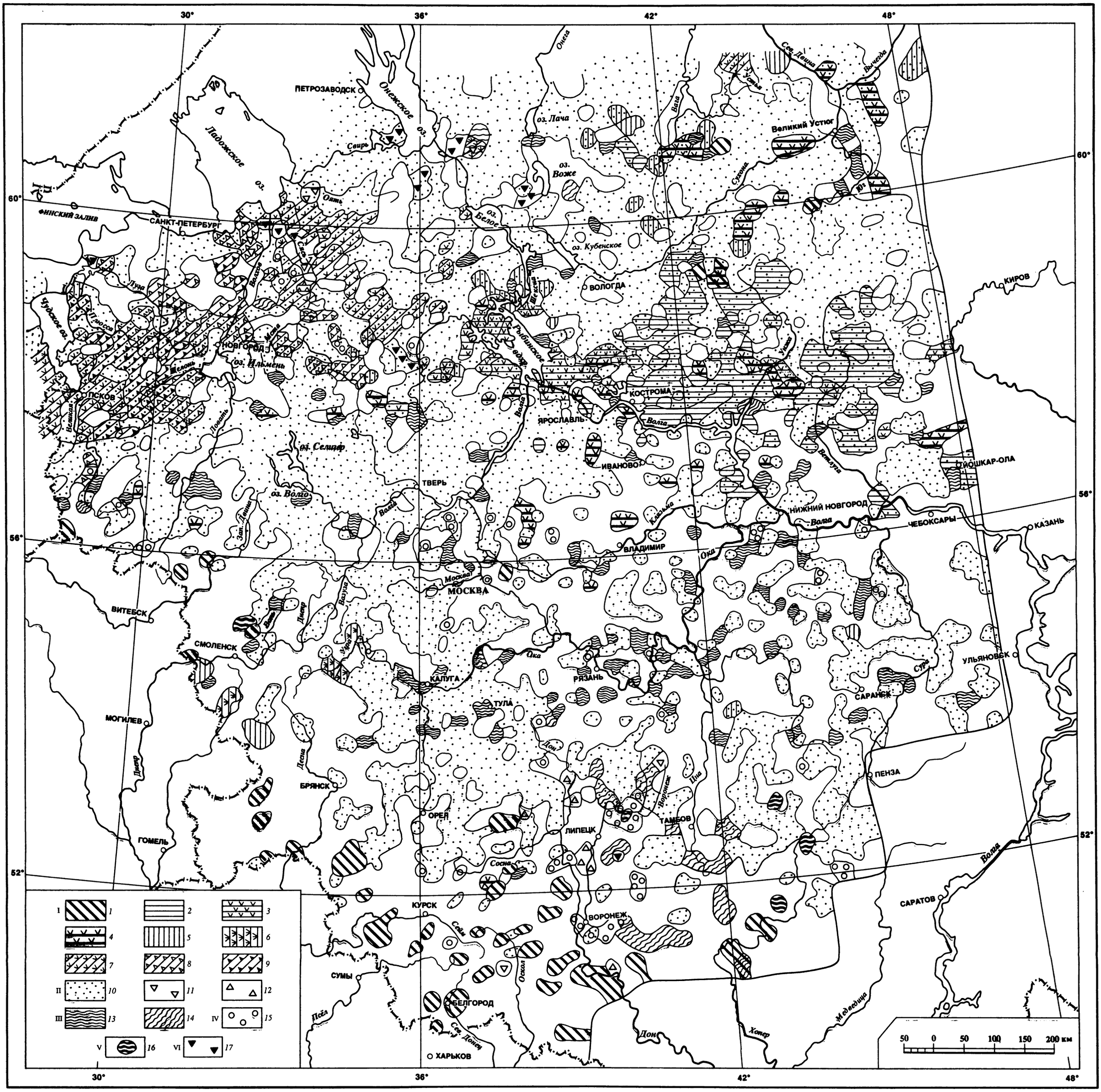
Для филологов, историков, археологов, этнографов и всех тех, кого интересует судьба русского языка, традиционная культура русской деревни.

Карта 1

1 – *усадьба*, 2 – *усад*; 3 – *оседлость, оседланность, обседлость, обседланность* и др. варианты; 4 – Слова с корнем *-сел-*; 5 – *двор*; 6 – *дворина*, (*у-, о-, обо-*) *дворина*; 7 – (*у-, о-, обо-*) *дворица*; 8 – *дворище*, (*о-, по-*) *дворище*; 9 – (*у-, о-, обо-, с-, из-*) *дворок*; 10 – *огород, огородец*; 11 – *загорода*; 12 – *печина*; 13 – *печище*; 14 – *план(т)*; 15 – *осырок* и однокоренные; 16 – *творило*; 17 – *гумно, гуменник* и однокоренные; 18 – место (часто с определением); 19 – *поместье*; 20 – *позьмо*; 21 – *позём*; 22 – *номер*; 23 – *грунт*

60088

Мораховская О.Н.

Карта 2

I – 'место, на котором находятся дом с хозяйственными постройками, огород, сад...': 1 – *двор*; 2 – *дворина*; 3 – (*у, о, обо*) *дворина*; 4 – (*у, о, обо*) *дворица*; 5 – *дворище, дворище*; 6 – (*о, по*) *дворище*; 7 – (*у, о, обо*) *дворок*; 8 – *сдворок*; 9 – *издворок*;

II – 'постройка для скота и других нужд при доме': 10 – *двор*; 11 – *придворок*; 12 – *падворок*;

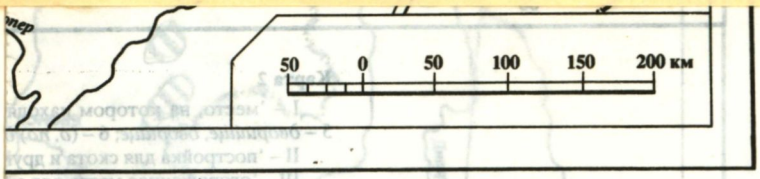
III – 'огороженное место для скота при доме': 13 – *двор*; 14 – *придворок*;

IV – 'совокупность построек для скота при доме (и некрытого пространства между ними и оградой)': 15 – *двор*.

V – 'огороженный участок для скота при доме, по краям которого находятся постройки (для скота и других нужд)': 16 – *двор*.

VI – 'постройка или пристройка для хозяйственного инвентаря': 17 – *придворок*

60088

– *двор*; 6 – *дворина*, (*у-*, *о-*, *обо-*)
рода; 12 – *печина*; 13 – *печище*;
пределением); 19 – *поместье*;

60088

БИБЛИОТЕКА

5840-00

О. Н. Мораховская

КРЕСТЬЯНСКИЙ ДВОР

Книга посвящена географии и истории слов, которыми в русских народных говорах называлась земля под крестьянской усадьбой. География этих слов в пределах европейской части России показана на двух лингвистических картах. История исследована по материалам исторических словарей.

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА